

ПОСТЫШЕВ

Т. Марягин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Из яркой плеяды рабочих-революционеров, руководителей ивановского большевистского подполья, вышло немало выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Среди них выделяется талантливый организатор масс, партийный пропагандист и публицист Павел Петрович Постышев.

Жизненному пути и партийной деятельности его посвящена эта книга. Материал для нее щедро представила сама жизнь. Я наблюдал деятельность П. П. Постышева в Харькове и Киеве, имел возможность беседовать с ним. Личные наблюдения, мои записи прошлых лет, воспоминания современников, а также документы архивов Харькова, Киева, Иванова, Хабаровска, Иркутска воссоздавали облик человека неиссякаемой энергии, стойкого ленинца, призвание которого нести радость людям.

Для передачи событий и настроений периода первых двух пятилеток я избрал форму дневника современника. Записки Барвинца — литературный прием, позволивший мне запечатлеть наиболее важные этапы деятельности Постышева на Украине, воспроизвести канву исторических событий тех лет. В эти записки я ввел наряду со страницами из своих дневников воспоминания современников Постышева. Отбирая факты для записок, я сверял их с архивными и газетными источниками. Почти все персонажи записок названы своими именами.

Я сердечно признателен сыну Постышева Леониду Павловичу, писателю И. Л. Ле, старым большевикам Н. Д. Дубовой-Чередник, Л. К. Обушному, К. Д. Дзюбенко, С. Я. Блудову, С. Я. Ларину и многим ветеранам труда харьковских и киевских заводов и других предприятий и колхозов Украины за помощь в работе над книгой.

Автор

[Адаптировано для AIReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

- [Г. Марягин](#)

-
-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [INFO](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 14

(409)

МОСКВА

1965

Г. Марягин

ПОСТЫШЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Марягин Георгий Александрович
М., «Молодая гвардия», 1965.

Из записок Барвинца

1926 год, 2 октября

Начинаю записки, первые в моей жизни. Я никогда не вел дневников, памятных заметок.

Записки начинаю в тетради, подаренной заместителем секретаря Харьковского окружкома партии Марченко. С ним я встретился вчера, когда пришел становиться на партийный учет. В орготделе попросил направить меня на учебу.

— Опоздал. На месяц бы раньше, — сказал заворготделом — Прием в вузы и рабфаки закончился, товарищ красном. Пошлем на работу. В армии последнее время на политработе был? Направим пропагандистом. Поедешь на родной завод, на «Серп и молот». Там у нас просили толкового работника для ленинского уголка.

Я все же настаивал — пошлите на учебу. Заворготделом позвонил кому то по телефону, потом, не отрываясь от трубки, сказал мне.

— Можем послать на рабфак технологического. Согласен?

Я ответил, что мечтаю попасть на рабфак литературного института, показал напечатанные стихи, очерки.

— Оказывается, товарищ к литературе тяготеет. Зайти к тебе с ним? Пойдем. Заинтересовался тобой товарищ Марченко, заместитель секретаря окружкома.

Марченко, высокий, немного сутулый, в очках, какие носили во времена Пушкина, посмотрел на меня с приязненной улыбкой.

— Что же вас привлекает в литературном творчестве? — сказал он, жестом приглашая сесть рядом с собой за стол. — Лавры славы? Горькие. И растут на крутых скалах. Добираться к ним нужно долго, с запасом больших сил...

Я рассказал ему о своих первых опытах и показал вырезки из красноармейских газет.

— Вот беда! Направлять вас некуда. Литературный институт имени Брюсова закрыт. Студенты его переведены в университеты... Только, по моему, писателю нужно учиться в газете. Газета приучает к наблюдению, анализу, сжатой форме. Мы по примеру «Правды» в своих окружных газетах надумали обзавестись организаторами рабкоров. Превосходные

должности. Все время в самой гущине жизни... Советую вам идти в газету. И на вечерний рабфак поступайте. Дневники, записи вели?. Напрасно! Это лаборатория писателя. Римляне отлично говорили: «Ни дня без строчки». Вот мой подарок вам. — Он вынул из стола большую общую тетрадь и написал на ее первой странице: «Ни дня без строчки».

— Что же записывать? — спросил я.

— Все, о чем думаете в этот день, о наблюдениях, о встречах, о людях, с которыми встречались.

— Для чего? — добивался я.

— Для того, чтоб стать писателем. Это поймете потом, а сейчас записывайте все: что видели, что поразило вас, мысли о прочитанном. О своих замыслах и сомнениях. Встреч у организатора рабкоров будет много. Самое главное — не упускать интересных наблюдений. Первую запись сделайте о том, какое впечатление на вас произвел Харьков. Так и запишите: «Харьков в октябре 1926 года».

— Как с жильем дела? — спросил в конце беседы заворотделом.

Я сказал, что могу жить у старшего брата, на Салтовском шоссе.

— Далеченько, — сказал Марченко завороту. — Нужно помочь ему устроиться в «Доме коммуны». Там народ интересный, ершистый, колючий, много газетчиков, студентов, партработников. У них всегда дискуссионные клубы, как во времена Парижской коммуны. Я иногда тоже захожу туда «на огонек».

Не без робости шел в редакцию. Напрасно. Встретили приветливо. Я второй демобилизованный краском. Рабкоровским отделом руководит Паливода — бывший токарь, недавно с предприятия. Человек энергичный, веселый. Редакция укомплектована опытными журналистами, многие были в армии на фронтах. На редакционных собраниях споры о форме, остроте вопросов, изучении материалов Чувствую: работать в газете мне будет трудно.

У себя в артдивизионе я не представлял, какие бои идут на партийных собраниях города, особенно в учрежденческих организациях. Троцкисты прутся напролом. Их ораторы выступают на собраниях с клеветническими заявлениями. У демагогии поводов много: нехватка средств для реконструкции, заговаривание, разрыв в ценах на продукцию сельского хозяйства и товары — «ножницы».

Они считают утопией строительство социализма в отсталой стране. «До победы революции во всем мире говорить о строительстве социализма

рано», — вещают оппозиционеры. На заводах их просто прогоняют с собраний. Но в иных учреждениях на собраниях ведутся словесные дуэли.

Месяц назад на I Всеукраинской конференции КП (б) У троцкисты, несмотря на решение XIV съезда партии, снова попытались пропагандировать свои взгляды, протащить свои решения Конференция разгромила их. Оказалось, что в Харькове оппозиционеры создали всеукраинский подпольный фракционный центр, связанный с таким же московским.

В редакции у меня появился шеф — опытный журналист Римский. Он буквально натаскивает меня, как хороший охотник гончую, на поисках интересных, злободневных тем и материалов.

Первое задание: побывать на «Серпе и молоте», собрать рабкоровские заметки о рационализаторах, подготовить подборку к печати, заодно выявить пишущих в стенгазеты, но еще не сотрудничающих у нас.

«Серп и молот» — мой родной завод. Отсюда я уходил с комсомольским отрядом на фронт к Каховке.

Не успел я сделать несколько шагов по территории завода, как меня окликнул Дзюбенко. У него я учился слесарному делу.

— Ну, отвоевался, герой? К нам? Определился в газету. Тоже нужное дело.

Дзюбенко — председатель завкома «Серпа и молота».

С завода я ушел поздно вечером. Кроме Дзюбенко, встретил других старых товарищей. Удивительно изменился «Серп и молот»! Был это просто сборочный завод — получали из-за границы запасные части, собирали из них машины. А теперь все детали делают на заводе. Ходил по цехам, а в памяти все время маячила картина девятнадцатого года — разваленные холодные цехи, пустые пролеты, выбитые стекла. Много оборудования с завода утащили кайзеровцы во время оккупации. Теперь завод на полном ходу. Выпускает продукции в три с лишним раза больше, чем перед войной.

За четыре года восстановили и расширили завод Вот силища у коллектива!

Харьков поражает. Он незримой чертой разделен на две половины.

На центральных улицах вывески разных частных торговых фирм, рестораны, кафе с постоянными посетителями — агентами, комиссионерами, шикарно одетая публика.

Это копия того города, какой я помню подростком.

По Сумской днем, когда особенно людно, пролетают в экипажах с «дутиками» нэпманы. Они едут по городу, как победители, как люди, у которых в руках все карты.

У них свой лучший в городе клуб, на центральной улице. Они умеют доставать самые ходовые товары. Они каким то особым чутьем чувствуют, что нужно рынку. В их магазинах есть все. А в кооперативных магазинах либо пустые полки, либо товары, пролежавшие уже не один год. Нэпманы всё умеют в торговле, находят продавцов и покупателей.

На днях возвращался из редакции поздней ночью по главной улице. Город спал. Я впервые увидел цветную рекламу ресторана «Россия», «Казино Баккара Шмен де фер. До утра». Дико врывается в тихую ночь столицы Украинской советской республики огонь нэпа.

На углах, в полутьме, — девушки «для веселья». Слышны обрывки разговоров «Ходила вчера на биржу?», «Отмечают только. Пособие сама себе зарабатываю».

Можно снимать пейзаж ночного капиталистического города.

В заводских районах иная, кипучая жизнь, яркая трудом, поисками нового на производстве, в отношениях людей, в быту. Был с Римским за городом, в степи. Развернулась панорама города. Дымы заводских труб, как флаги будто город кому-то салютует.

— Цехи — как корабли. Они плывут в будущее, — сказал Римский.

Марченко был прав работа организатора рабкоров захватила меня Каждый день интересные встречи. Все время в самом кипучем потоке жизни. Это не просто сбор заметок и при влечение новых рабкоров — получаешь «задания жизни» для газеты. Жизнь подсовывает острые вопросы — зарплаты, учебы, торговли, быта. Неделя, как я в газете, а уже успел побывать на «Серпе и молоте», на паровозостроительном.

Ноябрь

Организован комитет содействия строительству Днепрогэса.
Председатель — Чубарь.

Опубликован отчет о выполнении плана хозяйственного (1925–1926) года. Харьков — главный машиностроитель Украины, только Ленинград да Нижний Новгород состязаются с ним по выпуску паровозов, генераторов, сельхозмашин и других машин. Почти вся промышленность города достигла уровня 1913 года.

Троцкисты продолжают налеты. Они используют любую трибуну для того, чтобы исказить решения XIV съезда, оклеветать ЦК. Они забывают то, о чем говорили месяц назад. То они требовали сверхиндустриализации, убыстрения темпов ее. Сегодня они против индустриализации, против сооружения Днепровской ГЭС. Они называют эту стройку «мыльным пузырем». Эти болтуны ничего не понимают в технике и экономике, говорят специалисты ГЭС, — так же как восемьдесят человек из Главэлектро, которые под опекой Троцкого почти год раздумывали, строить ДнепрогЭС или нет, и заключили, что строить его невыгодно. Мы решили вместе с Чубарем — он не ваз был у нас на заводе, — что эта стройка нужна.

«Дом коммуны» — шумный человеческий муравейник. Он обжил особняк какого-то представителя иностранной фирмы. Лепные купидоны с облупившимися щечками, выпучив глазенки, смотрят на людей в шинелях, кожанках, стеганках, вытертых до белизны пальтишках. Они испуганы громкоголосьем, несмолкаемыми спорами, простодушным хохотом и неистово трубят в свои рожки с потускневшей позолотой.

В этом общежитии уже появились семьи — с ними шипенье примусов, запахи кухни, стираного белья.

Ленинский уголок «Дома коммуны», бывший кабинет владельца особняка с камином-башней, высокий, тенистый, просторный (можно разместить взвод), всегда полон. Здесь нельзя читать — это клуб. Читают в коридорах, занимаются в бесчисленных вестибюлях и лоджиях на широченных подоконниках. Сюда заходят из соседнего Дома Пролетарского Студенчества к товарищам по работе, учебе, фронту, землякам.

Здесь есть тореадоры споров. Они сразу выделяются.

Это Агид, корреспондент московской газеты, — «правдолюб» и прокурор всех и вся. Он непререкаем в своих суждениях. Высказывается всегда цитатами. Кто-то из студентов-медиков метко назвал его «Аккузатив» — «Винительный падеж». Опришко — человек, которого судьба бросала от петлюровцев к «зеленым». Негреба, сотрудник редакции.

Часто приходит Лука Обушный, друг Негребы, его старый товарищ по армии, председатель центрального бюро Пролетсуда.

В воскресенье ходил с братом на рынок. Он собрался купить картошки, не хватило со своего огорода. Почему никто не пишет о рынках

— там оголена психология людей.

Селянин, продававший картофель, сказал прямо:

— Вы на нас, гражданин, не гневайтесь, шо дороже все стало. Не мы цены повышаем. Если бы товарищи из фина не повышали налоги, было б все по старой цене. Як месяц, так новый квиток приносят. Пересмотрели обложение. А мы вынуждены с людей брать. У нас, думаете, сердце не болит?

Уговаривают: не продавай частнику. А что, человек себе враг — сдавать в кооперацию? Она мне шо дает — только обещании! Так и получается — фин с нас, а мы с вас. За политику расплачивается.

Слова, кажется, мирные, а стреляют, как обрез из-за угла.

В стенных газетах большинство рабкоровских заметок о восстановлении цехов, ремонте оборудования; многое изнашивается, в аварийном состоянии, особенно станки. Раёкоры так настаивают, чтобы печатали их заметки, будто это касается их личных забот.

Пришел на ГЭЗ (Государственный электромеханический завод) организовывать рабкоровские выступления, о работе кружков рационализаторов. Застал в моторном цехе секретаря окружного комитета партии Киркижа: приехал прощаться со своими товарищами по работе, друзьями по революционной деятельности. Киркиж был одним из руководителей Харьковской организации в дни Октября. Сейчас его отзывают на работу в Москву. На его место ЦК рекомендует Постышева — пока о нем знают только из газет. Постышев в последнее время руководил киевской окружной партийной организацией.

На заводе «Серп и молот» рационализаторы увлечены созданием конвейеров для сборки борон, нарезки гаек, механической штамповки деталей. Они с трудом «пробивают» свои предложения. В профсоюзных организациях считают, что конвейеры на наших предприятиях применять нельзя: «Конвейер делает человека рабом машины».

В городе читают статьи Хвылевого «Ахтанабиль сучасности» («Автомобиль современности»), о том, что «Москва — центр всесоюзного мещанства», что «в Москву украинскую поэзию не заманишь никакими калачиками».

Как подобное может писать Хвылевой — коммунист!

В начале декабря на «Серпе и молоте» стал появляться русский, сухощавый, с пристальным взглядом серых глаз северянин. То, что это северянин, определили сразу по окающему говору А кто, откуда, не заинтересовались. По одежке — московский пиджак из бобрика, грубошерстные брюки, заправленные в сапоги, — решили: приемщик из какого-то сельхозсбыта или кооператива, — мало ли народа приезжает на завод за боронами, плугами, молотилками! Отберут, что нужно, — ив свои края.

Но северянин задержался — стал приходить в цехи не только днем, видели его и в ночных сменах. Интересовался он не только качеством веялок и плугов, расспрашивал станочников, литейщиков, кузнецов, сборщиков о нормах, травматизме, выработках в разных сменах.

Наверное, не приемщик продукции, а уполномоченный охраны труда или представитель профсоюза: профсоветы от всеукраинокого до районного не скупилась на присылку их. Начальство знает, кому пропуска выписывать на завод.

Удивляло, что «представитель» долго молча наблюдает за работой, а потом начинает разговор.

Как-то в механическом цехе мастер Дождев спросил северянина.

— Часто нас навещаете. Чем интересуетесь?

— Знакомлюсь с заводом.

— А сами где работаете? В какой организации?

— По соседству.

— У нас соседей много: и паровозостроители и электромашиностроители. Если по делам пришли, должны мне представиться. Я сменный мастер.

— Настоящий хозяин, — одобрительно произнес северянин.

— Это как понимать? — удивился Дождев.

— В лучшем смысле. Первый человек, кто за две недели спросил, что я делаю в цехах. Познакомимся: я секретарь окружка Постаышев.

— Такую фамилию слышал. На место товарища Киркижа встали. А я Дождев. Мастер. Двадцать лет здесь. Этот цех ставил с отцом. Старый цех в пятом году огнем артиллерии уничтожили.

Дождев стал рассказывать Постаышеву историю завода.

— А вы у нас работали? — спросил озадаченно Дождев, когда

Постышев дважды поправил его в датах событий.

— Не работал, а с историей завода знаком. Встречал ваших товарищей в Сибири, с бывшего Гельферих-Саде. Боевые люди. Славная история. О вашей обороне еще в Иванове слышал. На пересыльных пунктах рассказывали о ней. История с нами по Владимирке шла, до океана кандалами прозвенела. Ну, об истории как-нибудь еще вспомним. Вы скажите, товарищ Дождев, почему в ночных сменах падает выработка?

Дождев удивленно посмотрел на Постышева: откуда дознался об этом?

— Так уж заведено. Ночью человек работает на тихом ходу.

— Может, тогда и третья смена не нужна?

— А продукцию кто будет давать? Заказы только успевай принимать. За гражданскую войну все в селе поизносилось. В деревнях бороны из леса мастачат.

— На технику нажимать надо.

— Станок не лошадь, товарищ Постышев, его не подстегнешь.

— Можно и станок подстегнуть, — улыбнулся Постышев.

Он прошел к точилу. Подручный вертел ручное точило, а токарь затачивал резец. Другой токарь перекуривал на разметной плите, выжидая, когда высвободится точило.

— Трое на заточке, товарищ Дождев. Два станка стоят, — указал на токарей Постышев.

— Так уж заведено, — угрюмо произнес Дождев и, обращаясь к одному из токарей, спросил: — Что у тебя с резцом, Прокопенко?

— Крошится сталь, второй раз за смену точу.

— Мотор хорошо бы поставить, — когда они отошли от токарей, предложил Постышев. — Нехитро ведь? Сталь нужно проверять в инструменталке, а не на станке.

— Сами токарели? — спросил Дождев.

— Не токарел, я электромонтер. Рядом со мной токари работали. Научили меня инструмент заправлять. Если посчитать, сколько у вас простаивает оборудование из-за подготовки инструмента, то простой работу третьей смены съедают. Нужно учесть все простои — и из цеха вон! Производственные совещания у вас бывают?

— Бывают, — пренебрежительно махнул рукой Дождев. — Говорим, протоколы пишем. Все в мировом масштабе решаем.

— У меня к вам просьба, Николай Григорьевич, — сказал Постышев, прощаясь с Дождевым, — вы на первом производственном совещании стрелки переведите с магистрали мировых вопросов на обычные — поговорите о простоях... А от инженеров потребуйте моторы на точилах

поставить. Пока пусть только на заточке резцов прости сведут на нет.

После ухода Постышева Дождев не утерпел, прошел в соседний литейный цех, стал рассказывать о приходе секретаря окружкома.

— Был он и у нас. И в дневных и в ночных сменах, — сообщил мастер Крутенко. — Дотошный человек. У меня сын — тот, что на ГЭЗе работает, — тоже рассказывает, что и у них часто бывает. Все загрузкой оборудования интересовался. Запросто придет в столовую во время перерыва, пообедаст, расспросит, как живут, как зарабатывают. Моему сменщику посоветовал побывать на паровозостроительном, посмотреть, как готовят формовочную землю там.

Вскоре о приходе секретаря окружкома в тот или иной цех узнавали немедленно в других цехах. О его беседах с токарями, литейщиками, слесарями, модельщиками рассказывали в обеденные перерывы.

Почему-то особое внимание Постышева привлек цех сборки борон. Так же, как и в других цехах, ознакомился он со всем процессом, разузнал, сколько минут уходит на каждую операцию.

В один из приходов опросил самого молодого сборщика:

— Как работается?

— Тоска.

— Что же так?

— Мартышкин труд. Посади мартышку, и она станет так вертеть гаечным ключом. Если бы не хвосты на бирже труда, я бы и часа здесь не задержался. Послали с биржи, на требования значилось слесарь, а поставили гайки завертывать...

Через несколько дней Постышев, приехав на заседание завкома, спросил директора завода Соловьева:

— Когда «мартышкин труд» упразднить намерен на сборке борон? — Постышев рассказал о своей беседе со сборщиками.

— Давно бы упразднили, Павел Петрович. Готов сборочный конвейер. На нас пошли атакой. «Фордизм! Подражание Западу!»

— А вы пригласили бы сюда теоретиков, дали бы им гаечные ключи. После сборки десятка борон все их теоретические выкладки бы с потом испарились. Нам достались в наследство не фабрики, заводы, а добровольные каторги. На них человек — придаток к станку, «живая рукоятка». От конвейера только догматики могут отказываться. Орут — «фордизм»! У Форда есть что заимствовать. Мы будем конвейеры устанавливать. Все толковое с Запада, из США перенесем в свои цехи. Человек должен с работы возвращаться бодрым, а не измочаленным. Что-то товарищ Дзюбенко задумался, не согласен со мной? — спросил он

председателя завкома.

— Про «рукоятку» вы верно, товарищ Постышев, — ответил Дзюбенко. — Только когда конвейер установим, опять люди на биржу труда отправятся... Там по два-три года ждут работу.

— Нужно разобраться, почему и кто на бирже по два-три года толкается. Соловьев посылал требование на доводчиков и лекальщиков, а ему отказали.

— Да их и на учете нет, — добавил Соловьев — Думаем из Ленинграда приглашать.

— Самим учить людей надо, — посоветовал Постышев. — Открыли курсы, только учат не тому, что надо. Штукатуров готовят столько, что, наверное, собираются небо штукатурить. А лекальщиков, разметчиков, модельщиков не сыскать. На бороны заказы есть, директор?

— Все раскупают. Молотилки за границу идут. Турки от молотилок Мак-Кормика отказались — наши прочнее и удобнее.

— Сколько таких заказов, что нас ждут! — раздумывал вслух Постышев. — Что же, так и будут вручную веялку вертеть? Влас Яковлевич Чубарь уверен, что после постройки Днепрогэса в Приднепровье на электромолотьбу перейдем. Пора уже подумать о веялке с машинным приводом.

Соловьев посмотрел на секретаря окружкома: «Успел, наверное, с конструкторами побеседовать».

Из записок Барвинца

1926 год, декабрь

Обушный рассказывал, как Постышев работал в Киеве.

— Через несколько недель после приезда его знали в Киеве многие. Одни полюбили, другие возненавидели. Он прямой, резкий, дипломатии не любит. Приехал к нам в Институт народного хозяйства, КИНХ, я рабфаковцем был. У нас, как в новом ковчеге, — и чистые и нечистые. Только у Ноя по семь пар было, а тут сотни людей. Под видом селян и батраков приехали на учебу и петлюровцы, и махновцы, и меньшевики — все с такими рабочими стажками, что не подкопаешься. Начались собрания по поводу оппозиции — все отребье за нее, против Постышева: «Прислали «кацапа» нас поучать». На собраниях, чтобы Постышева сбить с толку, начнут так «размовлять» по-украински, что я, черкасский уроженец, и то ни

черта не пойму. Понахватались у галичан всяких «файно» и «гадза». Как-то я взял слово на собрании. Говорю «Хватит туман пускать. Я сам украинец, а вас не понимаю». Потом Постышев меня на другие собрания с собой брал. Он тогда в контрольной комиссии работал. Приедет в институт: «Ну, поехали, толмач». И сам украинский упорно изучал, историю Украины. Скоро стал удивлять нас. Спросит про какого-нибудь поэта или про гетмана украинского, а мы о них и не слышали.

В Киеве тогда такой зверинец собрался в институтах: что ни институт, что ни кафедра, то обойма бывших министров, епископов разных церквей — и автокефальной, и «вольной», и баптистской. Одни в Раде были министрами, другие у Петлюры «хорунжими» и «ватажками». На заводах бывать — это его привычка. Любопытный человек — мимо новой вещи безразлично не пройдет. Любил повторять слова Тимирязева: «Человек должен знать все о чем-нибудь, и что-нибудь обо всем». А сколько людей защитил, когда чистили Киевский институт народного хозяйства! Поступило заявление на одного человека, что он был левым эсером. Постышев спрашивает нас: «Как с ним поступить? Исключить, оставить?» — «Исключить, Павел Петрович. Эсер ведь». — «А как, по-вашему, Дзержинский поступил бы?» — «Из института выгнал бы и посадил». — «Не знаете вы Дзержинского! Он работникам ЧК в самые грозные, трудные годы советовал не озлоблять людей, уметь видеть, как человек переживает свое прошлое, свои ошибки, помочь ему стать нашим соратником. Дзержинский так советовал: «Лучше тысячу раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку, откуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас». И хотя более ненавистных людей, нежели раскольники, как называл Постышев оппозиционеров, для него не было, но он под одну гребенку всех не стриг, старался доискаться, почему человек стал фракционером. Были и просто неразобравшиеся в том, что происходит. Для людей он времени не жалел. Был у нас такой случай — не могли одному студенту лекарства достать. Постышев узнал об этом, поехал, поговорил с медиками — сделали! Один профессор сказал ему: «Поражен. Вы, секретарь губкома, из-за одного человека отставили в сторону все дела губернии». Павел Петрович ответил: «Все, что мы делаем, мы делаем для одного человека, для нашего соотечественника». Любил встречаться с молодежью на собраниях, диспутах, любил их споры. И крепко доставалось тем, кто старался по «прописям» рассуждать, цитаты пересказывать! В августе 1924 года его выбрали секретарем губкома.

Шофер единственной легковой машины окружкомовского гаража Гордей Федорович был сбит с толку и встревожен: новый секретарь совсем не нуждался в его «фиате». За две недели только несколько выездов в ЦК и Совнарком. А в остальные дни Гордей Федорович коротал время в дежурке или в гараже. Изредка к концу рабочего дня его вызывал помощник секретаря и приказывал заехать утром за секретарем окружкома на один из заводов часам к девяти.

— А туда он как поедет? Может, ему машину из ЦК подают? — ревниво допытывался шофер.

— Туда вечером поедет автобусом из дому, — пояснял помощник, — там заночует, будет знакомиться с ночной сменой.

Помощник был сам немало озадачен тем, что новый секретарь выезжает на заводы один, без него, без сотрудников окружкома и никому не дает поручений.

После разговора с заведующим оргинструкторским отделом, спросившим, какие будут поручения, когда он выезжал в район, у работников окружкома отпала охота обращаться к секретарю с этим привычным вопросом.

— Поручение вам подскажет сама жизнь, — сказал Постышев. — Приезжать к людям с готовыми, значит жизнь под шаблон подгонять. Встречайтесь с людьми, узнавайте, что их волнует, что озадачивает, что они от нас, от партийных работников, ждут и требуют. У нас есть одно поручение партии, непреходящее, — разъяснить людям, что такое партия, почему она нужна, к чему она народ ведет.

— Нужно другого шофера искать, — как-то сказал Гордей Федорович помощнику секретаря окружкома, — не нравлюсь я, видать, товарищу Постышеву.

— Если бы нужно было заменить шофера, он сказал бы, — говорил я ему, что вы от скуки изнываете. Улыбнулся: «Мы еще с ним поколесим по Харьковщине. Дайте мне только в заводские будни по макушку залезть».

— Я сам с ним поговорю, — решительно сказал шофер. — Как только вызовет, так и поговорю, случай нужен — в дальнюю поездку отправиться.

Случай, как нарочно, не подвертывался. А через несколько дней Гордей Федорович, возвращаясь вечером с женой из кино, увидел на задней площадке трамвая Постышева. Он стоял, окруженный рабочими.

— Ну, все секретари ездили на заводы, — недовольно сказал Гордей Федорович жене. — Так те скажут: «Езжай домой, товарищ Перепелицын, тогда-то заедешь за мной». А этот то на трамвае, то на автобусе. Что за человек?.. Завтра прямо пойду к нему. Если я не нравлюсь, пусть берут другого шофера!

Но утром только Гордей Федорович собрался идти к секретарю окружка, как позвонил сам Постышев: «Готовьте машину, товарищ Перепелицын, так, чтоб хватило на езду километров в триста. Проедем в Буды. Ездили? Дорогу знаете? Я сейчас на паровозостроительном — сюда приезжайте».

С паровозостроительного Постышев выехал вместе с директором завода Струковым и начальником тракторного цеха Брускиным.

— Застоялся наш «фиат», товарищ Постышев, — сказал Гордей Федорович.

— И шофер заскучал, — понимающе сказал Постышев. — Значит, настоящий шофер! Только торопитесь вы. Еще наездимся. Я ведь только начинаю с городом и людьми знакомиться... А по-настоящему из окна машины не познакомишься. Нужно каждый камень мостовой своими ногами прощупать.

— Так можно машину вызвать, — не без укоризны вставил Гордей Федорович. — Вы б мостовую щупали, а я следом ехал.

— С городом знакомиться — нужно везде побывать, — продолжал Постышев, — и в трамвае, и в клубе, и в цехах, и в столовых, и в магазинах.

Машина проскочила мимо небольшого ларька частника. Владелец его наливал тузлук в бочки селедок.

— Видишь, директор, — сказал Постышев Струкову, — как сельди хранит частник, тузлуком заливает. А в наших рабкооповских магазинах у тебя на паровозостроительном они как ржавые гвозди.

— Это дело Гитиса, — сказал директор, — у него в Харьковском рабкоопе управление побольше, чем в Совнарком. Мне, что ли, тузлук варить, селедки заливать?

— Это наше дело — и твое и мое... Вы, товарищ Перепелицын, у кого сельди покупаете?

— У частника, — сказал Гордей Федорович. — Переплатишь, так не выбросишь ни одной, не то что в рабкоопе. А про овощи и говорить нечего.

Машина миновала Народный дом.

— Часто бываешь в нем? — спросил Постышев Струкова.

— Почти каждый месяц, — настороженно ответил тот.

— На пленумах райпарткома и райисполкома, — улыбнулся Постышев. — Спектакль гэзовского театра видел? Молодцы латыши! Настоящий театр! Профессионалам не уступят. В какой клуб паровозостроители ходят? В какие театры?

— Кто в город, кто в Нардом ГЭЗа, — ответил Брускин. — У нас к театру равнодушны.

— Ну, если директор театра не любит, — сказал Постышев, — кто же к нему любовь прививать будет.

— Это вы напрасно, Павел Петрович, — обидчиво протянул Струков, — я ни одной премьеры не пропускаю.

Постышев: А что бы директору с собой коллектив не пригласить на премьеру?.. Кстати, сколько такой Нардом обойдется?

Струков: Наверное, тысяч триста.

Постышев: Только сто тысяч. Потому что строили его сами гэзовцы.

Постышев стал рассказывать о постройке Нардома так, как будто он жил в Харькове в том тысяча девятьсот шестнадцатом году, когда из Риги эвакуировался завод Всеобщей электрической компании, ныне Государственный электростроительный завод (ГЭС).

— Латышские металлисты с собой большую культуру привезли. А мы ленимся ее перенимать, — раздумывал вслух Постышев. — И на производстве культура. Вы видели, как у них за оборудованием ухаживают, как станки смазывают, как инструмент хранят?

Гордей Федорович вслушивался в слова Постышева, и испарялась обида на нового секретаря окружкома. Становилось понятно, почему целые дни, а порою и вечера проводит он на заводах, ездит на трамваях и автобусах, пешком обследует улицу за улицей. Вот Киркиж, прежний секретарь, сам с ГЭЗа, человек тоже боевой, энергичный, старавшийся наладить и торговлю, и работу заводов, и клубы сделать образцовыми, как-то не замечал, что директоров мало интересуется быт людей, их отдых. А Постышев не успел обжиться, уже увидел, как торгует частник и как кооператив, узнал, как латыши построили клуб, здорово Струкову «залил под кожу сала» с приглашением коллектива на премьеру. «Новую борозду ведет, — думал Гордей Федорович, — глубоко в пласт входит... С таким человеком поездить интересно».

— А вы, товарищ Брускин, бывали на ГЭЗе? — продолжал расспрашивать Постышев.

— Был как-то, — ответил Брускин. — Мы другого направления машиностроители.

— Следует бывать почаще на других предприятиях, — посоветовал

Постышев. — Знаешь, что Соловьев у себя начинает? — спросил он директора.

— Что ему затевать? «Серп и молот» не завод — сборочные сараи. Собирать бороны «зиг-заг» большой премудрости не надо.

— Посмотрим, как ты к нему на выучку пойдешь, — улыбнулся, глядя на директора, Постышев.

— Какую он Америку открыл, что мы на выучку пойдём? — удивился Струков.

— Это узнаешь. Твои же металлисты сообщат. Скажи другое: из Изюма тебе ничего не писали насчет ваших тракторов?

— Как будто ничего, товарищ Брускин? — обеспокоенно спросил Струков начальника цеха.

— Цех не получал рекламаций. — Брускин перевел взгляд со Струкова на Постышева.

— Значит, если рекламаций не было, можно жить спокойно? — произнес Постышев. — Сильны! А как работает ваш трактор по сравнению с «фордзоном», «Катерпиллером», это вас не интересует? Почему на «фордзоны» заявки, а ваши приходится навязывать?

— Павел Петрович, все равно наш цех на ладан дышит, собираются закрывать, — заметил Брускин.

— Когда бог захотел человека обидеть, он ему ума не дал, — с задором произнес Постышев. — Господин Чемберлен хочет советскую власть закрыть. Кому-то из госплановских чиновников хочется цех закрыть. А нам нужно другое — либо паровозостроительный на производство тракторов переводить, либо тракторный завод строить. Без этого мы в сельском хозяйстве от кулака будем зависеть. А кулак нам далеко не друг...

Гордей Федорович слушал Постышева с нескрываемым удивлением. Не меньше были удивлены Струков и Брускин.

Из записок Барвинца

1927 год, январь

Пустили первый в городе конвейер на «Серпе и молоте».

Сегодня во всех окружных газетах подробный отчет о пленуме Харьковского окружкома партии. Сокрушительный разгром троцкистов и троцкизма не только в докладе В. Я. Чубаря, но и в выступлениях делегатов

с предприятий. В защиту оппозиции выступили только два участника пленума. Их выступления напечатаны в газетах. Все доводы о том, что троцкисты что-то предвидели, что-то верно критиковали, разбиты событиями последних месяцев. Зарплата растет вопреки предсказаниям троцкистов, также снижаются, а не повышаются цены, как предрекали лидеры троцкизма. Постышев, выступая на пленуме, сказал, что «мы имеем огромные возможности показать всю несостоятельность троцкизма». На пленуме харьковские заводские партийные организации доказали, как они отлично используют все эти возможности. Только читая теперь отчеты, понимаешь, как все три последних месяца Постышев готовил харьковскую организацию к сокрушению местных троцкистов. Он не пропускал почти ни одной крупной партконференции, выступал с докладами, проводил беседы и расставил силы так, что на каждом предприятии выступали старые большевики: Петровский, Чубарь, Терехов, Шлихтер, Скрыпник, Сухомлин, Затонский и другие.

Яркая, очень значимая победа в «гражданской войне», как назвал борьбу с оппозицией Постышев.

Вечер в Будинке литераторов имени Блакитного. Молодые поэты из «Новой генерации», «Гарта», «Плуга» читали стихи. Зачем такое обилие организаций?.. Хотелось повидать кого-нибудь из «Ваплите» («Вольной академии пролетарской литературы»). Там есть «академики», у которых только два-три рассказа. Но «ваплитовцы» не снисходят к общению с литературным «плебсом» Они считают себя «избранными», «настоящими» представителями литературы — аристократами Творчества, ниспровергателями канонов и рутины, открывателями нового в литературе.

Гео Шкурупий читал рифмованную контрреволюционную агитку:

*«Пришла Революция.
Вот ее ритм.
Вечека.
Орттечека.
Геуеу. У-у-у!..*

*И это не помогло,
Прогремела,
Промелькнула,
Пронесся поезд Революции.
Снова на церквах кресты*

Снова Санта-Лючия».

К концу вечера появился Микола Хвелевой, «вождь» «Ваплите» — глашатай лозунгов «Прочь от Москвы!», «Равнение на Европу!» Молчаливый, чем-то встревоженный, внешне неказистый человек. После окончания вечера его окружили, пытались вызвать на разговор. Но он быстро ушел, не проронив ни слова.

Как всегда, в этот январский день в коридорах горсобеса толпились посетители. Старики в ватниках, пожилые женщины в разномастном одеянии, инвалиды в выношенных шинельках. Одни стояли группами у дверей, другие подпирали стены или на корточках сидели в углах.

— Заведующий в какой комнате? — спросил, войдя в коридор, новый посетитель в романовском полушубке.

— Начальство там, за углом, отец. Начальство на сквознячке не сидит, — сказал смешливый парнишка в шинели, с самодельным костылем. — Только к начальству не разгоняйтесь сразу. Начинайте с Максима Епифановича.

— А кто он, Максим Епифаныч? — полюбопытствовал вошедший.

— Максим Епифаныч — лицо самое главное, — сказал старик в куцей гимназической шинели и папахе и многозначительно показал на комнату с надписью: «Юргруппа». — Как определяют, так и будет. После этого ни ВУЦИК, ни Григорий Иванович Петровский ничего не сделают. А к Максиму Епифанычу нужно уметь приходиться...

— Значит, заведующий за углом по коридору? — сказал новый посетитель и пошел дальше.

— Все, кто в первый раз, сразу спронту к заведующему, — сказал парнишка с костылем. — Так они и ждут...

Посетитель в романовском полушубке присел на высвободившийся возле кабинета заведующего стул. В этой дальней части коридора в отличие от той разноголосицы, что заполняла весь коридор у входа, было тихо, здесь говорили друг с другом шепотом, коротко.

Новый посетитель сидел молча, ни с кем не вступая в разговор. Да и спрашивать было незачем. Многие без расспросов выговаривали свои заботы, делились переживаниями, неудачами.

Через полчаса каждому становилось известно, что маленький с зеленым бугристым лицом медник не может достать документов о последних годах работы: был послан биржей труда в частную мастерскую, хозяин уговорил фиктивно рассчитаться, чтобы не платить за него страховых отчислений, а потом куда-то исчез. Токарь-латыш ходатайствовал о семье товарища, с которым вместе эвакуировались из Риги в Харьков. Часть дел ГЭЗа так и застряла в Риге. Для установления пенсии требовали документы. Старушка, совсем утонувшая в шерстяном

платке, не могла добыть документов о сыне, погибшем в отряде ЧОНа.

Все они были уже не раз и в райсобесах и здесь, в горсобесе. Ни в одном отделе не брались решить их вопросы. Теперь они выжидали приема у заведующего. Токарь приходил уже несколько раз, но как только подходила его очередь, заведующий куда-то уезжал. Медник также был на приеме, но тогда не захватил какой-то справки.

— Сегодня приема больше не будет, — выходя из кабинета заведующего, объявила секретарша.

— Может, меня, деточка, примет? — всхлипнула старушка. — Вы же меня знаете. Я уже неделю хожу — и все попасть не могу.

— Товарищи, я же ясно сказала: заведующий сейчас едет на бюро горкома.

— Вы комсомолка? — спросил посетитель в полушубке.

— Это я каждому объяснять не буду.

— Нужно не забывать, что к вам приходят трудящиеся.

— Что за парламент? — открывая дверь, прикрикнул заведующий горсобесом. — Зоя Ивановна, вы объявили посетителям, что принимать не буду?

— Вам сказано, — уже обращаясь к старушке, произнес заведующий горсобесом, — так чего же... — И оборвал речь на полуслове. — Товарищ Постышев?! Павел Петрович, проходите в кабинет. Зоя Ивановна, вы что, не знаете, кто пришел?..

— Я же не знала, что это товарищ Постышев, — зарделась девушка, готовая заплакать. — Я всех не могу спрашивать. Я их только предупредила, как вы сказали.

— Я ничего вам не говорил.

— На какое бюро горкома вы собрались? — спросил Постышев. — Сегодня нет его.

— Я в горком собрался.

— Что ж, поезжайте. А я, как член горсовета, приму товарищей. Доверите?

— Павел Петрович, я и сам смогу их принять...

— Вот и примите.

— Мы разработаем мероприятия, увеличим штаты... Средств мало... — растерянно говорил заведующий.

— Нужно, чтоб учреждение выехало в район на заводы, — это самая важная мера, — подсказал Постышев.

— Это нам даже удобнее. Мы можем посылать сотрудников.

— Чтобы собирать заявления? — спросил Постышев. — Вы

посоветуйтесь с народом. На паровозостроительном и Канатке мне посоветовали устроить приемные дни. Но только не для блезиру, как говорили раньше, а для того, чтоб решить вопросы. Там же мне подсказали, чтоб я посмотрел, что делается в ваших приемных. У вас тут какой-то Максим Епифаныч всем вертит. Посетители так и говорят: что Максим Епифаныч утвердит, то и Петровский не отменит. Сургучом пахнет от всего этого, ярыжным духом. Проветривать учреждения надо! А поскольку у вас хуже, чем у других, начинайте перестраиваться. Покажите, как нужно приемные дни устраивать.

— Опыта нет, — посетовал заведующий горсобесом. — Может быть, в Москве, Ленинграде есть уже такой опыт?

— Вы не в Москву, а в Краснозаводский район поезжайте. Там научат, подскажут. На паровозостроительном после собрания подошел один товарищ и говорит: «Хорошую цитату вы привели, товарищ Постышев, из Ленина. Только посмотрите, что у нас в учреждениях делается». Аппарат нужно освежать... Попросите парторганизации заводских районов помочь вам. А мы вас через месяц заслушаем на окружкоме. Потом у паровозостроителей отчитаетесь.

Из записок Барвинца

1927 год, февраль

Выдался тихий час Мы занимались в ленинской комнате.

Вошел Агид. «Не даст заниматься», — шепнул мне Твердохлеб.

Так и случилось.

— Опять товарищ Постышев выступил сегодня. На Тиняковке. Трибун! — иронически произнес Агид.

— Не мешай заниматься, — сердито сказал Твердохлеб.

— Извиняюсь. Ты оскорблен, Ваня, что я так сказал о лидере? — задиристо произнес Агид.

— Шел бы ты, Наум, в свою комнату. Видишь, люди занимаются, — сказал кто-то.

— Не могу сдержаться... Прочел это сообщение и должен высказаться, — с накалом произнес Агид. — На бирже безработных растет хвост. Цены поднимаются А секретарь окружкома все произносит радужные речи.

— Як бы тильки секретарь окружкома, — поддакнул Опришко, — а то бери выше — секретарь ЦК! Ему не на митингах нужно выступать, а делом

треба заниматься. На селе черт знает шо робиться! Дядьки бигут из села. Слышал, як урки поют:

*Раньше были мужики-хлиборобчики,
А теперь по вагонам, як воробчики*

А Постышев в неделю если не два, то три раза выступает.

— Авторитет зарабатывает, — прокомментировал насмешливо Агид.

— Болтун ты, Наум! — не выдержал Твердохлеб. — Вредный болтун! Постышеву нечего славу зарабатывать. Он с ней сдружился на Владимирке, в Иркутске, под Волочаевкой. Ты пойми, что в нем профессиональный революционер живет. Он должен с людьми встречаться. Ты видел, как он на заводах беседует с людьми?

— В окружке целый корпус агитаторов и пропагандистов, — сказал Агид. — Секретарь ЦК должен заниматься всей Украиной.

— Когда наступают, командарм отправляется на главное направление, — спокойно заметил Колокольцев. — Харьков — это ударный корпус партийной организации Украины... Ты Постышева невлюбил после того, как он твою демагогическую статью о сельских кооперативах безработных раскритиковал на партийном собрании паровозостроителей.

— История рассудит, — многозначительно произнес Агид.

— Вышвырнет политиканов на помойку, — рассмеялся Колокольцев — История — женщина домовитая и чистоплотная, грязи не любит.

— Ты скажи, — сказал вдруг Опришко, — шо ж оно таке? Партизаны булы из украинцев, командармы — украинцы, на заводе — украинцы. Серед них нема тих, кого секретарем окружкома можно избрать. Постышева прислали.

— Чубарь — украинец, Затонский, Скрыпник, Сухомлин — украинцы, — стал перечислять Слепухов.

— Все руководители должны быть украинцы, — упрямо произнес Опришко — На всех главных постах!

— А остальным билеты — и езжайте в свои республики! — рассмеялся Колокольцев. — «Геть с Украины!» Так?

— Могут жить и работать. Серед наших людей свои Постышевы найдутся, — ответил Опришко. — Может, и бильш талановиты.

— Им не нужно будет завоевывать популярность, — поддержал его Агид. — Их знают.

Сегодня получил первое самостоятельное задание — сделать заметку о бирже труда. Черт знает, о чем писать?! На бирже тридцать тысяч безработных. Кто эти безработные, трудно сразу разобраться. Одни в отрепьях, обросшие, исхудалые, другие — хорошо одетые люди, бодро настроенные. Дети каких-то «кустарей», дельцов, владельцев домов. «Что же не напишете о них». — «Писали — толку нет», — говорят безработные. «Взятки к правде все дороги отрезали, — сказал какой-то пожилой рабочий — Нужно опять идти в батраки. На пособие не проживешь с семьей». Стоило только мне войти на двор биржи, как окружили: «С требованием на работу?» Узнали, что нет, и сразу отпрянули.

Я написал обо всем. Секретарь редакции посмотрел и написал на заметке: «Для мемуаров».

— Нужно показать, как люди получают работу. Не сразу, но получают. А вы все дегтем вымазали. Прямо бунтовать осталось. Вам трудно будет работать в печати, Барвинец.

— Это верно, пока будут в ней такие чиновники, как вы, — сказал я. — Лгать я не могу.

Я впервые слушал выступление Постышева на собрании пайщиков кооперации. У него интересная манера говорить. Каждое слово он укладывает, как каменщик кирпичи, тот, подержав на весу, мастерком проверив, хорошо ли, до звонкости обожжен кирпич, плотно пригоняет один к другому. Он говорит просто и образно. Но ни одного слова из-под штампа газетного листа. Он отделяет фразу от фразы паузами, словно ждет, чтобы все уложилось в сознании. Но вдруг накаляется сам, сдержанно волнуясь, начинает говорить о своих раздумьях.

Постыщев встал из-за стола, подошел к окну. Харьков плыл в бурную ночь домами.

Февраль заканчивался такими бурными метелями и снегопадами, каких не видели на Украине с памятного тысяча девятьсот семнадцатого года, когда даже небольшие речушки затопили все окрест. Казалось, природа вторила тем политическим бурнам, что разыгрались в жизни страны.

«Похоже, что зима обороняется от весны», — думал Постышев, наблюдая, как кто-то невидимыми грабастыми ручищами швыряет мокрый снег в оконные стекла, будто стараясь залепить им любую светлую точку в городе. И сам поймал себя на том, что весь календарь года у него распределен на периоды сева, жатв, выполнения промышленных, финансовых, строительных, культурных планов. Он вернулся к столу, взгляд упал на стопку отложенных книг, журналов. Постышев стал отбирать то, что нужно было прочитать в первую очередь, и снова сел за стол просматривать дневную почту.

Только поздним вечером после разных совещаний и заседаний в ЦК, окружкоме, горкоме, в районах города, познакомившись с тем, что приносила почта из Москвы, районов, можно было обдумать спокойно все, что подсказывали специалисты техники, агрономии, науки, изобретатели, крестьяне-опытники. Жизнь щедро дарила встречами с интересными, пытливыми, ищущими людьми, ежедневно подбрасывала головоломные вопросы, нередко каверзные задачи.

В городе росла безработица, начинались перебои в торговле хлебом. В селах вызывающе самоуправствовали кулаки. Темно было в селах. Там не было даже четырехлеток. Одна-две школы по округу радиусом в полсотни километров. Специалисты-агрономы перекочевали в город. Осенью и зимой не проберешься даже в районы — бездорожье. И не хватает средств. Только для строительства школ нужно было пятьдесят семь миллионов рублей. На заводах плохо с заказами и сбытом, порою производили то, что некуда отправлять. Только на одном «Свете шахтера» скопилась продукция за полтора года. Лежали на складе тракторы, выпускаемые паровозостроительным заводом. В учреждениях густо расцвел бюрократизм.

Кто-то сталкивал комсомол на обочину культурничества, затевал

дискуссии о том, стоит ли заниматься политикой.

Нужно все перестраивать — промышленность, село, поднимать производительные силы. А лучшие силы партии отвлекала борьба с оппозицией. Казалось бы, все уже было покончено с ней после покаяний троцкистов на XIV съезде партии. Но то на заводах, то в научных учреждениях появлялись эмиссары Троцкого, Зиновьева, Каменева, организовывали подпольные собрания, крикливыми лозунгами сбивали с толку людей, сеяли сомнения. Национальная группировка, руководимая наркомом просвещения Украины Шумским, вторгалась в жизнь организаций с шумными декларациями о великодержавном шовинизме, требовала форсирования сплошной украинизации, предлагала убрать из учреждений и учебных заведений всех русских, представителей других национальностей.

Радовало то, что в заводских районах крепостями были партийные ячейки. Они отбивали атаки националистов, оппозиционеров. «Но мало еще сил, нужно пополнять ряды бойцов. Звать людей в партию. Именно звать — открывать перед ними призвание быть ленинцами».

Постышев перелистывал записную книжку. Был в ней раздел с цифрами численности парторганизаций на предприятиях. Как командарм, готовясь к наступлению, мысленно проверял достоинства командиров. Выход был только один — увеличивать боевые единицы и выдвигать людей на руководство учреждениями, цехами, участками. Развязывать им крылья для полета. Выдвигать тех, кто умеет чувствовать новое, прокладывать ему путь, сделать выдвигенчество большим политическим актом, чтоб те, кто выдвигает, и те, кого выдвигают, чувствовали ответственность и дорожили доверием. Добиться того, чтобы работу кандидата проверял коллектив.

В эти минуты Постышев проверял себя: «Много ли ты успел узнать людей?» Мысленно проходил он по предприятиям, цехам. Нужно, как Варенцова, «Отец» — Афанасьев, Фрунзе, спланировать соратников, приближать к партии сознательных рабочих, поручать им организационную, пропагандистскую работу. Самое великое в мире искусство — познавать людей, вести их за собой, убеждать в том, чему сам безраздельно веришь.

В кабинет вошел заместитель Постышева Марченко с полосами газет.

— Опять залп по оппозиции? — Постышев взглядом показал на газетные оттиски, которые держал Марченко в руках.

— Третий, последний, — садясь у окна, сказал Марченко.

— Хорошо бы последний! Не унимаются они после нашей газетной картечи. Прячутся на время в кусты, отсиживаются. Хочешь, чтоб я

прочитал? — спросил Постышев, перебирая гранки, положенные на стол. — Я завтра в газете прочту. Литературы хватает. — Он положил широкую, узловатую руку на папки бумаг, разложенные стопками на огромном, как бильярдный, столе.

— Я по другому поводу. Прислали полосу с отчетом о пленуме окружкома партии, была на ней речь Коцюбинского. Сняли! Спрашиваю главного: «Почему?» Говорит: «Что же нам троцкистские взгляды пропагандировать». У меня было одно место, что харьковские троцкисты хотят поссорить нового секретаря окружкома с партийной организацией. Тоже вымарали.

— Это черт с ними — насчет секретаря! Партийная организация разберется, — хмуро произнес Постышев. — Она сплетням не поверит. А то, что эти раскольники пытаются рабочий класс поссорить с партией, серьезней. Вот на Тиняковку и на кондитерскую фабрику пробрались, дезориентировали людей, втянули в свою клику: мол, «мы все вскрываем, что происходит, а в жизни, мол, получается так, как оппозиция предвещает». То, что говорил Коцюбинский, нужно печатать.

Постышев снял трубку, назвал номер телефона главного редактора окружной газеты.

— Что же речь Коцюбинского выбросил? — спросил он. — Троцкистская? Вот потому и нужно ее печатать. А рядом выступление Невского. Он Коцюбинского разложил по всем статьям... Не напечатаешь, все равно люди узнают, но в другой редакции. Это хуже. У народа ум зоркий — он разберется, где правда, где кривда. Болеее страхами, что узнают о наскоках Коцюбинского на партию? Пусть знают!

Своей речью он показал, что все доводы оппозиции — на песке.

— Жаль, растлевают людей, — поднимаясь из-за стола и шагая по кабинету, негодовал Постышев. — Политиканов и краснобаев, тех, что лезут в наставники молодых партийцев, не жалею. Для этих политических горизонталок склоки — профессия. Но когда бойцов партии они своей фразеологией и политиканством заражают, — это опасно. Коцюбинский — честный, умный человек, был бойцом без страха и упрека. Неужели не понимает, на чьей мельнице стал жернова ворочать? Жарко... Что ж, на то и бой! Вы старый харьковчанин. Скажите, вы многих знаете в Харькове людей?

— Немало знакомых среди интеллигенции, советских работников, активистов районов.

— А на заводах?

— Откровенно — времени не хватает туда добираться. Завертели

бумажные омуты.

— Времени?! Было бы желание, время можно найти, — снова усаживаясь за стол, вздохнул Постышев. — Без выдвиненцев мы бюрократию не выкурим. На Харьков сейчас смотрят другие города и округа. Я, когда работал в Киеве, тоже присматривался, что в Харькове, как в Харькове. Как думаете, если пройти по учреждениям, посмотреть, кто работает в суде, в прокуратуре, в финотделе, в трестах, а потом на рабочих собраниях обсудить кандидатуры, достойные занять руководящие посты? В первую очередь следует помочь кооператорам. Да, кстати, кто в Харькове остался из крупных специалистов по машиностроению? Таких, чтоб сами строили заводы.

— Есть тузы. В Донугле, ВСНХ, Южмаштресте, бывшие акционеры, инженеры. Работают в Гипромезе. Строить им пока нечего...

— Что же мы так будем все из Европы завозить? Вчера утром вижу, возле магазина стоят шахтеры из Донбасса: приехали покупать велосипеды «Стейер». Ежегодно десятки тысяч велосипедов ввозим. Мудрая механика — трубы гнуть, ободья делать? На велосипеды — лицензии, на тракторы — лицензии. Сами, что ли, без усов? На ГЭЗе латышские мастера с рижского «Дукса». Они наладят производство велосипедов. Пусть люди занимаются спортом! Деньги тратить тоже нужно учить. Пропили в Харькове за один год полмиллиона. Это потому, что не привыкли покупать книги, товары быта. Да и их мало. За все золотом платим Германии, Австрии, Швеции.

— Если бы только десять лет спокойно прожить! Не дадут, — намекая на обострения с Англией, произнес Марченко.

— Да, десять лет нам нужно, — после долгой паузы согласился Постышев. — Не меньше десяти. Нам из-под ее союзников нужно коня выбить.

— Из-под Польши? Румынии?

— Из-под кулака. Это важнее. Пока дипломаты грозятся, он наступает. Молча, насупясь, но крепко. Срыв хлебозаготовок — это наступление.

— Получить бы кредиты! Но кто даст?

— Нужно торговать всем, что нужно Западу, и торговать так, как они торгуют. Не выжидать, когда придут запросы. Влас Яковлевич рассказывал, что западные фирмы просят у нас щетину, кости, рога, сырье. Сбирать. Продавать. Накапливать средства для стройки, для этого ввести строжайший режим экономии всюду, где только возможно.

1927 год, март

На заводах споры. Они накаляются с каждым днем. Спорят не только на собраниях. Всех интересует, как будет осуществляться индустриализация, которую наметил XIV съезд партии. «Куда только эту продукцию сбывать, что выпускаем? — озабоченно говорят на машиностроительных заводах. — Заказов мало», «Что будут делать те заводы, которые собираемся строить?», «Все перестраивать надо, — пишут рабкоры паровозостроительного, «Серпа и молота», — здания ветхие, станки изношены, старых образцов».

Ко мне обращаются с вопросами, как к представителю редакции. Что я могу сказать, кроме общих слов? Из газетных же информации знаю, что утвержден проект Днепрогэса. Гигантская станция — пятьсот шестьдесят тысяч киловатт. Я даже не представляю, куда будут сбывать энергию. В Донбассе?!

Римский утверждает, что наша страна еще добрых полвека будет аграрно-индустриальной. Он забывает своих оппонентов выкладками, статистическими данными. Доходит до того, что Негреба, завпартотделом, готов броситься врукопашную. Римский называет его «лозунговым энтузиастом», покровительственно похлопывает по плечу: «Коля, экономика митингам не подчиняется. В ней по принципу «голоснем» не выйдет».

У нас в газете новая рубрика — печатают биографии выдвиненцев. Говорят, по предложению Постышева.

Рассказывают, что кто-то сказал ему: «Так и о министрах не сообщали подробно». — «Те вопросы, которые будут решать эти люди, важнее, чем те, которые решали министры», — ответил Постышев.

Рассказывает Дзюбенко:

— Был у нас в завкоме сегодня Павел Петрович. Пришел, спрашивает: «Как у вас расчетные книжки оформляются?» Застал нас врасплох. Кто-то из наших завкомовцев возьми и скажи: «Народ у нас грамотный — металлисты, не батраки-серяки, своего не упустят». — «Напрасно так думаете, — сказал Павел Петрович. И вытащил из бокового кармана несколько книжек. — Поглядите, за что выплачено, за что удержано. Что

можно разобрать в этих почерках, в этой цифири? Внимание к расчетной книжке — это внимание к труду людей». Он на меня посмотрел... И лучше бы обругал! Спрашивает потом: «Что, времени на все не хватает, председатель?» А что мне ответить — у секретаря окружкома и секретаря ЦК хватает времени на заводах побывать, в расчетные книжки заглянуть, в общежитиях побывать, а у меня нет?

В райкоме металлистов товарищи с ХПЗ и ГЭЗа тоже рассказывали, как Постышев выборочно знакомился с расчетными книжками.

Бюро окружкома подходило к концу. В окружке уже знали, что Постышев не любил пространных повесток, «заседательских обеден», как называл он длительные заседания. «Лучше это время использовать на встречи с людьми, — говорил он обычно, просматривая проекты повестки дня бюро. — Любителям выступлений предлагайте идти в цехи с докладами, лекциями, беседами. Там быстро от пустопорожних словопрений вылечат».

Главным, заключительным из трех вопросов сегодня на бюро был о работе харьковского центрального рабочего кооператива. Ему, как и вообще торговым организациям, Постышев оказывал особое внимание. Не успел обжиться в Харькове, принялся за организацию лавочных комиссий.

Первое выступление его в городе было на пленуме правления городского рабочего кооператива. Собственно, был это не пленум, а огромное собрание, на которое пригласили даже уполномоченных цехов. Жарко пришлось кооператорам — накалил участников пленума своей речью Постышев. Как ни уходил от критики председатель правления Гитис, но признался, что при теперешней организации кооперации нужно ей идти на выучку к частнику. «Нужно и не зазорно, — сказал Постышев. — Всему учиться нужно: как товар заворачивать, как предлагать его, как хранить. А самое главное — находить способы цены снижать. Дали вексель рабочему классу улучшать материальное положение — обязаны его оплатить. Без снижения цен, одними надбавками зарплаты уровень жизни не поднимешь».

И на бюро Постышев снова говорил о торговле с таким знанием дела, что специалисты, приглашенные на бюро, только переглядывались. Не возникало сомнения — побывал он во многих магазинах. Обратил даже внимание на то, какие халаты носят продавцы в магазинах частников, какие — в магазинах рабочих кооперативов.

Когда Гитис в заключительном слове сказал: «Мы Просим бюро окружкома помочь нам», Постышев заявил: «На пленуме мы вернемся к этим делам. Укрепление зарплаты — задача постоянная, на годы, без хорошей торговли у рубля почва зыбкая».

Когда уже все обговорили о работе кооперации, Постышев неожиданно сказал:

— У меня еще один вопрос не для обсуждения. Но неотложный...

Жизнь вставила в повестку. Кто был на комсомольских конференциях?

— Я недавно был, — после короткой паузы сообщил секретарь парторганизации паровозостроителей Пискарев.

— Тебе по штату положено, — сказал Постышев. — Все поручений ждем. Каждый партиец должен побывать на одной конференции. Да не просто для формы, оказать честь старшего младшим, а вникнуть в деятельность молодежи, в их споры. Вечером я побывал у журавлевцев. Ушел с конференции с раздвоенным чувством. Поросль прекрасная. Красивый сад будет. Только глушат его сорняки. Нет внимания к саду. А садовники — это мы. Комсомольцы ждут нашей оценки и внимания. Меньшевики кричат: «Комсомол убивает инициативу молодежи!»

— Им рот не заткнешь, — вставил кто-то.

— Верно... Это их дело — кричать. Они всегда найдут повод для крика. Но они «инструктируют» демагогов, подсказывают им тезисы для пропаганды. Сколько у вас молодежи вне союза? — спросил Постышев Пискарева.

— Около двух третей.

— Это на самом большом и старом предприятии города. А у вас, товарищ Гнатенко? — обратился Постышев к молодой ткачихе.

— Плохо идут в комсомол, — прямо высказалась Гнатенко. — Говорят. «А что там делать? Только квитки получать да взносы платить».

— Честный ответ, — увидев, как удивленно взглянули на ткачиху некоторые члены бюро, поддержал ее Постышев. — Так всегда прямо и говорите, товарищ Гнатенко. Не учитесь у наших аппаратчиков находить причины для объяснений и оправдания недочетов. Не идут в комсомол потому, что не увлекаем мы молодежь своими делами, не умеем увязывать личное с интересами целого класса. Четырнадцатый съезд обязал всех нас работать среди комсомольцев и беспартийной молодежи. Что скрывать, часть молодежи и встревожена и растерянна. У нас еще большая нужда во всем. Но нужно, чтоб люди не пугались трудностей, не робели перед ними. Резолюций принимать не будем. Узнайте, когда в районе комсомольские конференции. И не ожидать приглашений, сами в гости к комсомольцам. Чтоб это стало привычкой, необходимостью...

Весна вырвалась на всем скаку из-за отрогов Донецкого кряжа, в несколько дней растопила сугробы, согнала снега ручьями в овраги, сухой «азовец» провялил поля.

— Тосковал о поездках, Гордей Федорович? — как-то возвращаясь в конце марта с ГЭЗа, сказал Постышев шоферу. — Приводи в порядок свою лошадку. Начнем ездить, посмотрим, сходятся ли сводки с тем, что на полях делается. Послушаем мнение хозяев о своих работниках.

— О каких работниках? — недоуменно спросил шофер.

— О нас — о всех, кому власть доверили.

— У меня лошадка всегда под упряжкой, — сказал Гордей Федорович. — Хоть сейчас, хоть завтра...

— Ну, завтра у меня весь день с утра до ночи расписан, — сообщил Постышев, — а послезавтра тронемся, как ободняется.

Этого не нужно было говорить. Гордей Федорович отлично знал, когда начинается день у Постышева. До официального учрежденческого утра успевал он побывать то на заводах, то в пригороде, то просто на одной из улиц города. Неугомонный человек! Оставит машину за углом, а сам пойдет пешком, разговорится то с дворником, то с садовником сквера, то с покупателями в одном из магазинов. И никому из них невдомек, что за человек завел разговор. Наверное, принимают за металлиста с какого-нибудь из заводов.

Выехали через день. Постышев заехал за председателем окружного комитета незаможных селян Башкатовым. Шофер только посматривал на Башкатова. Видно было, что того обеспокоила эта поездка вместе с секретарем окружкома.

— Ну, куда поедем? — спросил Постышев Башкатова, когда выехали за город.

— Вы же куда-то собрались? — недоуменно произнес Башкатов.

— В любой район, товарищ голова, — оказал Постышев. — Хотелось бы побывать в том районе, где организации комнезама работают хуже других.

— В каждом районе есть и хорошие, есть и пассивные.

— Тогда поедем в Печенежский.

— Дороги туда плохие, Павел Петрович.

— Перетерпим. Прoberем. Это ведь один из тех четырех районов в

округе, по которым в окружном КНС сведений нет. Что там творится? Может быть, просто люди стесняются о своих делах говорить. — Постышев вынул из кармана брошюрку и подал ее Башкатову. — Это произведение читали?

— Это же наша брошюра.

— Значит, попал по точному адресу. Вот здесь здорово написано: «В основном собрания КНС проходят активно». Ну, на стилистику, что «в основном», не будем обращать внимания. А какая же это активность, когда только пять из десяти человек являлись на собрания!

— Раньше, Павел Петрович, совсем собрания срывались.

— Срывались? — переспросил Постышев. — Думаю, что наши организаторы их сами срывали. Кто пойдет на собрание, на котором говорят для того, чтобы говорить. Вы в «Селянине Харьковщины», в редакции были? Пойдите в отдел писем, вам покажут, что пишут о КНС бедняки. Они прямо говорят, что на собраниях болтают обо всем, о чем угодно, только не о том, как наладить хозяйство.

Постышев вдруг попросил Гордея Федоровича остановить машину.

Неподалеку от дороги пахали землю. Плуг тащили коровы.

— Доброй работы! — сказал Постышев, подходя к пахарю.

— Бувайте здоровы! — ответил тот, останавливая коров.

— Что же, другого тягла нельзя раздобыть? — спросил Башкатов.

— За друге тягло платить треба. А за все платить не настачишься, — ответил пахарь. — Потом будешь по чужим каморам свое жито рассыпать.

— У вас КНС есть? — продолжал расспрашивать Постышев. — Что же он делает?

— Собрания проводит. Делегатов в Харьков посылает.

— Кто у вас голова КНС? — поинтересовался Башкатов.

— Чупринка Свирид.

— Черт знает что — влюбились в этого Чупринку! — вскипел Башкатов. — Я давно рекомендовал выбрать другого.

— А вы думаете, другой буде краще, чим Чупринка? — заметил пахарь. — И у Чупринки только тын та хата, и у других добра небогато. Хозяева в КНС не идут.

— Что же, середняков не принимают в КНС? — поинтересовался Постышев.

— Средняк он так, посередине, стоит. С одного боку куркули, а с другого таки, як мы, жебраки...

Постышев: А куркулей много?..

Пахарь: Куркули есть, да и помещиками знов обзавелись. Может, я не

так назвал. Только як не называй, а если у человека сорок десятин земли, кто он — пан, а чи панок?

Постышев: Откуда же появились такие?

Пахарь: Есть у нас Герасим Николаевич Лобода. Сам тутошний. За Петлюру носив шапку с шлыком.

Потом десь по свиту блукав, снова вернулся. Язык у него, як дзвин. Выступает, як поп на амвоне: «Мы даем товарный хлеб. Мы всю страну на своих харчах содержим. Мы культурные землеробы». Позахватал лучшие поля и пашет.

— Ну спасибо, товарищ, за рассказ, — сказал Постышев. — Как ваше имя, отчество, фамилия?

— Гливко Евгений Карпович.

— Я Постышев, секретарь окружкама.

— А где же товарищ Киркиж? — полюбопытствовал Гливко.

— Он к вам приезжал? — спросил Башкатов.

— Он у нас комиссаром был.

— Что же вы, бывший красноармеец, не принимаете участие в КНС? — сказал Постышев.

— На собрания ходил. А потом перестал. У меня пять чашек на столе. Треба в них и молока налить и каши положить. А шо дарма время переводить — речи слушать? От них каша не родится. Як осень, так наш Чупринка и про прокатные станции и про коллективное тягло наговорит сто мешков. А весной иди к Лободе, кланяйся: «Дайте конячку», «Позычьте сеялку»... Десять хозяев все село в своих руках держат.

— Это вы уж через край, товарищ Гливко, — возразил. Башкатов. — Вроде советской власти у вас нет... Что же, в райисполкоме об этом не знают?

— В районе все знают, — намекая на что-то, протянул Гливко, — знают и про то, кто на поле у пана Лободы работает. И как кого он на сивбу та уборку нанимает...

— Напрямую можно рассказать? — настоятельно попросил Постышев.

— А так: придут из «фина», спросят: «Кто такой у вас работает?» — «Родственник». И «фин» понимает, что «родственник», потому что Лобода все за добрым обедом объяснит, сколько у него «родственников» и як ему тяжело им всем помогать.

— Спасибо, Евгений Карпович, за науку! — прощаясь, сказал Постышев.

— Заедем к Лободе, посмотрим, что это за серый барин? — когда они уселись в машину, предложил Башкатову Постышев. — Знаете, что сказал Николай Палкин после того, как посмотрел «Ревизора»? «Всем досталось,

а больше всего мне». Вот и сейчас мне досталось. Поверил я вашей статистике. В ней о Лободе, о десяти «хозяевах», что всю лучшую землю забрали, ничего не сказано. Что толку в КНС, когда в нем только речами кормят?.. Нужно спросить, Гордей Федорович, — когда машина приблизилась к селу, наказал шоферу Постышев, — спросить, где тут усадьба Лободы.

Ее нетрудно было разыскать, эту усадьбу. Жил Лобода на отшибе. Все — и пятистенный оштукатуренный дом, и длинные сараи под черепичной кровлей, как у немцев-колонистов, и машина под широким навесом — говорило о зажитке хозяина.

Лобода, пожилой, но еще пышущий здоровьем, уверенный в каждом движении человек, вышел на крыльцо, как только машина стала у его дома.

— Проездом или нам честь оказываете, товарищ Постышев? — спросил он, кланяясь с достоинством.

— Откуда меня знаете? — спросил Постышев, переглядываясь с Башкатовым. — Или у вас тоже, как в Сибири, устный телеграф работает? Там приезжаешь на станок, а уже знают, что должен приехать.

— Прошу ко мне. За столом как-то удобнее разговор налаживать. Что вас привлекло в наши края?

— Время у нас маловато, — сказал Постышев. — Хочется посмотреть, как вы семена готовите к севу.

— Это показать можно. Я даже товарищам из КНС предлагаю: приходите, посмотрите, как урожай нужно обеспечивать.

Лобода повел Постышева и Башкатова к амбару. В нем на брезентах было рассыпано зерно. Отборное, прозрачное, одно к одному, оно радовало глаз.

— У селекционеров зерно приобретал, — пояснял Лобода. — Элита. Тысяча зерен — ровно сорок два грамма.

— Хорошее зерно. — Постышев зачерпнул пригоршней из кучи маленькие, как обточенные, янтарным. — Что же с соседями не поделитесь?

— А что они с ним сделают? — настороженно вымолвил Лобода. — Само зерно не растет, — оно, как и земля, хозяина любит.

— Говорят, что «земля артель любит», — заметил Постышев. — Так русская пословица говорит.

— Я русских пословиц не знаю, — после долгой паузы заявил Лобода. — Украина Россию всегда зерном кормила. Хозяина уже уважать перестали. Гонение на хозяев. Раньше только поговаривали об этом, а теперь со всех сторон притесняют. Что, хозяин для себя зерно растит?! За

урожай болеет?! Кто занимался сельским хозяйством, тот знает, что такое урожай и как он дается.

— А если хозяином земли будет не один человек, а коллектив? Как вы думаете, земля после этого родить хуже будет? — резко спросил Постышев.

— Для коллектива наши семена не готовы, — так же резко ответил Лобода. — Если подходить разумно, то только неопытный или недальновидный дровосек будет подрубать сук, на котором он сидит.

— Значит, мы сук подрубаем? — улыбнулся Постышев.

— Зерно пока дает так называемый кулак-середняк, — стал доказывать Лобода. — Без него...

— Дает, — прервал Лободу Постышев, — потому, что мы предоставили возможность давать только ему. У бедняка нет тягла, нет орудий. Это все экспроприрует кулак. Это известно давно.

— Дайте любому бедняку в селе мою усадьбу, — запальчиво произнес Лобода, — и вы увидите, что из этого получится. Он сбежит от одних забот.

— Что же вы не сбегаете? — вступил в разговор Башкатов.

— Я люблю землю. Это мое призвание, — горячо заявил Лобода.

— Ну, нам пора, — произнес Постышев. — Поедем дальше, товарищ Башкатов. А вы, если любите землю, отдайте ее коллективу, — посоветовал он Лободе.

— Хорошо живется этаким землелюбам под нашей опекой! — раздосадованно произнес Постышев в машине.

— Они не страшны, — протянул Башкатов. — У нас есть пресс — финансовый отдел. Он все, что нужно, возьмет.

— Из-под нашего пресси такие, как Лобода, выскальзывают. Наш КНС знакомился с контрактами этих панов с батраками? Нет? Давно бы пора! И комнезамы не знакомятся и профсоюз Всеработземлеса регистрирует договоры, не вникая. Люди работают за ничтожную плату. А выходит, для нас это дело стороннее? Разве нельзя объявить таким Лободам бойкот?

— Забастовку? В нашей стране? — удивился Башкатов.

— Забастовка же не против страны, — сказал Постышев. — Нужно так заставить этих землелюбцев уйти с земли. Пока подобра. А не поймут сигнала — принудим силой. Слышали, как повторяет вариации некоторых наших политиканов о товарных хозяйствах? На зерне держалось, мол, все и будет держаться...

— Коллективные хозяйства нужно организовать, — уверенно заявил Башкатов, — они зерно дадут.

— Кого из председателей можно здесь рекомендовать организатором коллектива?

— Много есть хороших, проверенных товарищей.

— А на чем их проверили? На собраниях, на речах? А нужно проверять на поле. Для организации хороших коллективов сил маловато. Нужно смотреть правде в глаза. Без коммунистов мы эти дела не поднимем. Сейчас нужно вербовать людей в партию.

— Вербовать? — переспросил Башкатов.

— Слово режет слух? Именно вербовать! Тех, кто по взглядам, по убеждениям коммунист. А таких разве мало? На каждом заводе, в любом селе есть те, кто кандидатский стаж на Перекопе, под Киевом, подо Львовом проходил. Мы просто не пришли к людям. Нужно начинать атаку, и не только на кулаков. А на психологию, что укоренилась в идиотизме деревенского быта. Атаку на самое дикое и страшное местоимение — «мое». Видели Лободу? Его словами не прошибешь. Прожекты все эти — «сразу сведем всех в коллективы» — вредоносные. Покажите один хороший коллектив — и сами крестьяне нас атакуют: «Помогите нам организовать такой».

— Закупить бы лошадей. Раньше, говорят, из других стран выписывали их.

— Нужно машинным поголовьем обзаводиться, — после долгой паузы произнес Постышев, — строить завод. Тысяч на сорок машин в год.

— На сорок тысяч! — невольно воскликнул Гордей Федорович, никогда сам не вмешивавшийся в разговор пассажиров. — Это же сколько таких цехов, как на паровозостроительном?

— Цехов двадцать, — продолжал Постышев. — И строить не растягивая. Чтоб через полтора-два года уже начали сходить машины с конвейера. Этим занимается Чубарь. А наше дело — землеустройство форсировать. А у нас с этим делом очень неважно. Наши агрономы на улитах едут.

— Где же такой завод будут строить? — спросил Башкатов.

— Только в Харькове, — ответил Постышев.

— Вы патриотом Харькова стали, — сказал Башкатов.

— Харьков сам определил, что здесь быть тракторному заводу. Есть хорошие кадры, есть заводы для кооперации.

Из записок Барвинца

1927 год, май

В нашем «Доме коммуны» каждый день споры. Опубликованы материалы о национальном уклоне Шумского.

— Ты знаешь, кто такой Шумский? — наступают в спорах Опришко. — Он партией «Боротьба» руководил, старый социал-демократ. Тюрьмы, смерти не боялся. А теперь его прорабатывают наезжие володимирские та донбасские русапеты. Если культуре нам учиться, то не у Москвы. Сама Москва весь век училась у Запада. Разве Постышев разбирается в том, что на Украине делается? Изобрели «Уклон Шумского».

— Постышев давно разобрался... Ты просто плохо знаешь, Трохим, что делается, — спокойно разъясняет Лука Обушный. — Павел Петрович на Украине с двадцать третьего года, он с украинцами вместе на Дальнем Востоке бил японцев и каппелевцев. В старом родстве с нами и самым кровным — партийном.

Я хорошо знаю, как годами люди присматриваются к приехавшим к ним из других мест, как долго «не признают» своими. Постышева в Харькове «признали» поразительно быстро.

На предприятиях его знают рабочие, инженеры; круг его знакомых ширится с каждым днем.

О человеке можно составить представление, даже лично не общаясь с ним, — по тому, как к нему относятся люди разных качеств и принципов. Агид почему-то сразу невзлюбил Постышева. «Постышев — мастер громкой фразы, — доказывает он, — умеет подлаживаться под настроение масс».

На заводах по-иному относятся к новому секретарю окружкома.

— Ты смотри — до него все больше занимались оргвопросами, — говори! Дзюбенко. — А он сразу за самое наболевшее взялся — за торговлю, за организацию питания. Самое главное — Постышев не обещает, а берется за дело и делает. Кто из окружкома до него был на собрании пайщиков? Упустили то, что рабочих волнует. А он приехал, увидел, что в лавочных комиссиях женщин нет, предложил попросить женщин войти в комиссии. Правильно решил. Бабочки уж обследуют и проконтролируют, как стежки в вышивке, все выверят.

На любом предприятии рассказывают, что у них был Постышев — знакомился с людьми, выступал с докладом. Бывают на предприятиях «всеукраинский голова», «староста» Петровский, председатель Совнаркома Чубарь, Затонский, Терехов, Шлихтер и другие наркомы, члены Центрального Комитета, также делают доклады, читают лекции. Это все гвардия ленинской школы.

Постышев изучает цех за цехом, выискивает новое, пропагандирует его. Его призвание — быть пропагандистом решений партии. «Если каждый рабочий будет знать, что и для чего он делает, и то, что он делает, будет его собственным делом, — сказал он на Канатке, — мы построим социализм за десять-пятнадцать лет. Нужно каждому человеку помочь развить социальное зрение, увидеть свое место в жизни, в нашей жизни, понять свой долг». Стоит только появиться Постышеву в цехе или на заводском дворе, его окружают, запросто начинают спрашивать, советоваться с ним, советовать ему.

Рабочим нравится, что он прямо говорит о своих сомнениях, нерешенном, трудном.

На заводах неполная загрузка цехов, перебои в получении заказов. Целую неделю занимался на «Свете шахтера». Завод подчинен «Донуглю». Проверяли, как получилось, что годовая продукция лежит на складах. Вместе с бригадой рабкоров ходил к Георгию Ипполитовичу Ломову, председателю «Донугля». Скромный, радушный человек. Я смотрел на него: член ЦК выбранного на VI съезде партии, подпольщик беседует с нами, как с равными, советуется с рабкорами, признает ошибки большевиков «Донугля».

— Вы нам очень помогли, — говорит Ломов. — Я выеду на завод.

После такого приема мы спросили:

— Может, теперь не нужно печатать заметку?

— Нужно. Очень нужно! Это урок всему правлению «Донугля» и сигнал другим заводам.

Грозное лето было не только в природе.

Буквально каждую неделю взрывало какое-нибудь событие, ошеломлявшее, озадачивавшее, настораживавшее весь мир.

Англия расторгла дипломатические отношения с Советским Союзом. Из своих засад вылезли снова оппозиционеры. Прогремел на улицах Варшавы выстрел Каверды, сразивший советского полпреда Войкова. Шла неприкрытая подготовка польских фашистов к походу на Украину. Западная Украина превращалась в плацдарм для наступления на землю Советов.

У украинских националистов головы пошли кругом — им брезжилась интервенция. Правда, были разногласия. Националисты по-разному хотели снова закабалить Украину. Одни хотели сделать Украину подвластной польским капиталистам и помещикам. Другие считали, что придавить Украину может сапог немецких империалистов.

Они мечтали о возврате той поры, когда им доставались жирные куски подачек от германских империалистов, вторгшихся на Украину.

На Западной Украине срочно сформировалось буржуазное правительство. Ожили украинские военные националистические организации.

Вдруг явно обозначились передовые нового фронта политической борьбы. На Украине на партию вели наступление не только троцкистские раскольники, но и националисты. То, о чем только догадывались по отдельным признакам, теперь выявилось рельефно, давало знать о себе, будоражило людей.

Член Центрального Комитета Компартии Советской Украины, нарком просвещения Шумский выступил с клеветой на партию, заявил, что на Украине она состоит из русских мещан. Теперь было ясно, из каких скрытых ключей били фонтаны статей писателя Хвылевого с его призывами «за европейскую культуру», «против Москвы», «за приобщение Украины к европейской культуре».

Все они перекликались с медоточивыми лозунгами польского фашизма, неожиданно заинтересовавшегося судьбой украинских крестьян в «кресах» и объединением украинцев в одну семью.

В эти дни Постышев еще чаще стал выезжать на заводы, в села. Он проверял среди масс свои выводы, наблюдения.

На кого опираются эти глашатаи «равнения на Европу», на «разрыв с

Москвой»? Жизнь убеждала, что это атаманы не без ватаги. Правда, ватага была не так уж велика, разбросанна; она действовала настороженно, часто исподволь.

В учреждениях пристроились те, кто был в вартах и загонах сичевых стрельцов, галицийских стрелков, петлюровских отрядах, те, кто вместе с Тютюнником переходил границы для диверсий в молодой республике. Они не скрывали своего благоговения перед писателем Винниченко, академиком Грушевским, полковником бывшей главной центральной рады Шаповалом. Они принудительно насаждали украинизацию. Постышев просматривал списки русских и украинцев, уволенных порою потому, что они плохо знали грамматику украинского языка.

Встречи с рабочими и крестьянами, учителями и инженерами, беседы с ними о братстве с русским народом, о культуре русского и украинского народов, их родственных связях убеждали Постышева в том, что националисты из Компартии Западной и Советской Украины могут рассчитывать на поддержку только небольших группок в селах и городах. В цехах говорили прямо: «Старые песни, это мы слышали еще при Петлюре — «Геть кацапов с Украины, проживемо без Москвы!» Лишь замаскировавшиеся «сичевые стрельцы», петлюровские сотники и хорунжие, участники банд Зеленых, Чертей, Марусь, надевшие теперь учительские толстовки и кожаные куртки землеустроителей, невнятно, но сочувственно одобряли выступления Шумского.

После этих встреч, бесед, споров на цеховых площадках, в школах, сельсоветах Постышев, выкроив время, ночью изучал все материалы прессы. Их было обилие.

Постышев изучал все со скрупулезностью химика, ведущего анализ нового, еще не устоявшегося соединения, кипящей смеси. Он находил время встретиться с историками, философами, социологами. Готовился пленум Центрального Комитета партии Украины. Он должен был состояться в июне.

В эти дни Постышев вместе со своим заместителем Марченко намечал докладчиков по национальному вопросу на предприятия из числа таких ленинцев, как Шйихтер, Затонский, Чубарь, Гопнер, Ломов, Петровский, Терехов. Сам он часто выступал с докладами о том, чего добиваются местные националисты. Особенно охотно он ехал к комсомольцам.

В эти июньские дни не было важнее задач, нежели ликвидировать раскольнический националистический фронт. В Европе зорко следили за перипетиями борьбы украинских коммунистов с националистами. Западные стратеги затаенно рассчитывали на армию раскольников в тылу

большевиков.

Харьковская организация — средоточие людей, прошедших выучку классовой сплоченности на баррикадах первой революции, в походах гражданской войны, — выступала в первой колонне, наносящей поражение националистам.

Постышев вел наступление этой колонны.

В эти дни он встречался с украинскими артистами, художниками, композиторами и просил их организовать на заводах студии взрослых и молодежных театров, изомастерские, хоры, оркестры.

Постышев изучал бюджеты профсоюзных окружных организаций, выискивал средства для украинских самодеятельных кружков.

Библиотекари Журавлевки, Ивановки и других заводских районов были удивлены приездом к ним секретаря окружкома и других работников окружных организаций. В библиотеке паровозостроительного завода Постышев просмотрел каталоги книг, абонементы читателей. «Мало украинских книг, — заметил он и посоветовал: — Нужно больше покупать, требовать, чтоб больше издавали их».

— Поссорить меня с Украиной и украинцами никому не удастся, — доказывал Постышев. — Я стою на посту, доверенном мне партией. Я выполняю ее волю. Стараюсь во всем следовать заветам Ленина. У нас одни задачи. Нет пожизненных руководителей на любых постах. Когда на мой пост придет ленинец-украинец, я буду гордиться тем, что кое-что сделал для того, чтоб вырос украинский руководитель. Нам нужно не дискутировать о том, сколько должно быть украинцев и других национальных кадров на руководящих постах, а готовить украинские кадры для всех отраслей нашей жизни.

Из записок Барвинца

1927 год, июль

Тезисы Коминтерна о войне и военной опасности. На предприятиях создаются ячейки обороны, в районах комплектуются рабочие дивизии. Рабочие, крестьяне вносят средства на постройку эскадрильи «Разрыв» — это в ответ на авантюру английского правительства, разорвавшего с нами дипломатические отношения.

Каждый день приносит из-за рубежа тревожные известия. Ватикан

призывает к крестовому походу. Франция требует невозможного — уплаты всех довоенных долгов. Английские траулеры нарушают границы наших северных морей.

В Харькове создали в районах рабочие дивизии. В их штабы входят члены правительства, Центрального Комитета партии.

Школьники принесли в редакцию листовки троцкистов, найденные в партах; школьников втягивать в свои дела — это предел падения.

Перебои с хлебом — нужно запастись с утра. Днем хлеб только в столовых и буфетах.

— Это на Украине! — возмущается Опришко. — Не я говорил, шо «дядька» не нужно налогами прижимать? Дожили!..

Новый цех на ГЭЗе. Первый построенный за советское время. В нем оборудование, приобретенное за границей.

10 июля

Харьков неожиданно стал обороняющимся городом. После работы рабочие дивизии организовали оборону своих районов. В ротах, батальонах, штабах полков проходили своеобразные маневры, проверки слаженности подразделений, штабов ВНОС, ПВО.

Поздней ночью после заседания секретариата Центрального Комитета Чубарь, Затонский, Постышев ехали на дачу в Померки.

Харьков казался горловиной вулкана, с которого огненные реки улиц стекали к невидимой долине.

За городом машина врезалась в угольный пласт темноты, напоенный запахами созревания, сухой полынной горечи.

— Скифская ночь, — нарушил молчание Затонский, полный, добродушный, с большой шапкой неподвластных расческе волос, с тем ласково-внимательным взглядом, который характерен для педагогов по призванию. — Ни огня, ни голоса. Это здесь, под Харьковом, в селах нет «лампочек Ильича». А что на Волыни, в Полесье!

— Каганцы жгут. С зарей ложатся, с зарей встают, — раздраженно произнес Чубарь.

Это не походило на него, всегда спокойного, уравновешенного, похожего на земледельца-степняка, с волевыми красивыми чертами лица, с взглядом пронизательным и глубоким.

— Не следует из-за тугодумов нервы взвинчивать, Влас Яковлевич, — посоветовал Постышев, думая, что настроение председателю Совнаркома Украины испортил представитель ВСНХ СССР, отстаивавший право на монопольное решение всех вопросов промышленности Украины. — Мы своих позиций не сдадим. Стоит из этого настроение портить. А степь озарим, — уже обращаясь к Затонскому, продолжал Постышев. — Будут улицы в селах пламенеть, как в городах. Влас Яковлевич теперь на коне. С Днепростроем дело решено окончательно.

— Не это меня беспокоит, Павел Петрович, — сказал Чубарь. — С этой мелочной опекой централизованных управлений мы покончим. Промышленностью будем управлять непосредственно в республике. Какое ни было бы могучее ВСНХ СССР, какие бы умы ни сидели в его управлениях, им с московской вышки любую мелочь не усмотреть. Вокруг Днепрострога опять крутоверть пошла. Читал выступление Осинского? Публицистика с «кочки зрения». Доказывает: мало средств, поэтому мы должны их обратить не на строительство электростанции, а на расширение старых заводов. Экономист, божьей помощью! Если средств мало, нам в первую очередь нужно немедленно развивать свою энергетику. «Куда энергию сбывать?» Такой вопрос может задать только человек, не

понимающий, что такое цветные металлы, как нам нужны легированные стали. Сам летает на самолетах «Люфт-Ганзы», а не видит, что они из дюралюминия. Что же, мы его будем у немцев покупать, когда свои воздушные корабли начнем строить? Ты представляешь, какой это будет электрометаллургический комплекс...

И Чубарь снова, уже в который раз, принялся рассказывать о будущем Запорожья, об электрометаллургических заводах, о комбинатах твердых сплавов.

— Поэт! — сказал Затонский. — Прямо поэма в прозе.

— У нас поэты во главе любого наркомата, — заметил Постышев. — Вот Шлихтер наш настоящую поэму написал — «Поэзия тракторных колонн». Ну, Осинский пусть занимается журналистикой. А мы будем строить ДнепрогЭС. Я на заводах только и слышу: «Нужно строить ДнепрогЭС». Ассигнования есть, проект готов. Харьков даст и механиков, и строителей, и монтажников.

— Новая закавыка появилась, Павел Петрович, — сказал Чубарь. — Шведы за генераторы крупный куш заломили. Придется просить дополнительных ассигнований.

— На шведах свет клином не сошелся, — сказал Затонский. — Немецкие промышленники бродят по всему миру, клянчат заказов. Нам, как дядьки говорят, «чи и б не быки, аби на нас пахали».

— Шведские фирмы — монополисты на производство больших генераторов, Владимир Петрович, — пояснил Чубарь. — Американцы им заказывают. Шестьдесят тысяч киловатт — это махина. Нужно иметь хорошие сталеплавильные цехи, большой парк станочного оборудования.

— А ГЭС не поднимет? — спросил Постышев.

— Больших, чем пятидесятые, он не выпускал, — ответил Чубарь.

— Не поручали, потому и не выпускал, — уверенно заявил Постышев. — У птицы крылья крепнут в полете, у людей дерзания — в работе. Я с моими консультантами посоветуюсь на ГЭСе. Может быть, дешевле какие-то станки закупить, чем на генераторы валюту расходовать. Не все время нам на поклон к шведам ходить...

— Специалисты на ГЭСе замечательные, — поддержал Постышева Затонский. — Рабочие и мастера высокой культуры. Я когда бываю на заводе, думаю: «Вот где настоящий институт электропромышленности!»

— Павел Петрович у нас харьковский Калита — все в свое княжество, — довольно произнес Чубарь. — Заказы заполучает. Новое оборудование любыми способами завозит. Я смотрел вчера сводку лицензий на ввоз оборудования для машиностроения Украины. Так просто рябит от

Харькова.

— Нам николаевцы, одесситы, киевляне жалуются — все Харьков себе забирает, — дополнил Затонский.

— Ты ведь воевал, Владимир Петрович? — спросил Затонского Постышев. — Знаешь, как перед наступлением все в кулак собирают. Чтоб ударить, так ударить, «по всем трем», как говорят! Растопыренными пальцами врага не сшибешь. Я не удельный князь, Харьков не вотчина. А Харьков не обойдешь. Через кого все пути к индустриализации? Были бы в Одессе, в Киеве такие предприятия да кадры, я сам бы ратовал за то, чтоб им дали в первую очередь оборудование. Меня как-то Каганович упрекнул: «У Постышева харьковский крен — всеукраинскими делами он мало стал заниматься». Да, в Харькове, особенно на заводах, все украинские дела, как в фокусе, сошлись: от землеустройства до культуры.

— Значит, есть на ГЭЗе резервное оборудование? — спросил Чубарь.

— Уникальные станки простаивают, — сказал Постышев. — В механическом цехе есть два станка для расточки больших станин. Делать на них нечего.

Постышев стал рассказывать о незагруженных участках ГЭЗа, о своих беседах с «консультантами» — мастерами, рабочими, инженерами ГЭЗа. Рассказывал он о первой экспериментальной мастерской, организованной изобретателями моторного цеха.

— А кому проект генераторов заказать, не узнал? — спросил Чубарь.

— Сами могут спроектировать, — ответил Постышев. — И только вам по секрету сообщу: там группа конструкторов уже начала это дело. Директор Щербина спрашивает меня: «Нам за такое своеволие не влетит?» Я ему посоветовал сваливать все на секретаря окружкома.

— Крепко ты наших контролеров и меня попарил сейчас, Павел Петрович, — сказал Затонский, когда машина подъехала к правительственным дачам в Померках.

— А ты при чем? — спросил Чубарь.

— При том, при сем, — досадуя, промолвил Затонский. — Инспекторы нашего КК РКП по заводам ездят, жалобы расследуют. А нам нужно изучать, чем предприятия загружены. У нас, оказывается, станочки без дела скучают..

1927 год, сентябрь

Идет подписка на Заем индустриализации. На заводах не только подписываются на заем. Пожилые рабочие приносят золотые часы, обручальные кольца, брошки жен — просят принять их вклады на стройку индустрии. «Об этом будут писать историки, как пишут сейчас о вкладах нижегородцев в дни ополчения Минина и Пожарского!» — восторгается Римский.

Город буквально осаждают беспризорные. Они едут с севера на юг. Вдруг появляется стайка на улице. Кто-то из них подбегает к женщине. «Тетенька, отдай сумку, а то укушу и заражу».

— Говорил тебе, переселяйся к нам на «Серп и молот», — посмеивается Дзюбенко — Тогда не проворонишь ни одного интересного события. Сегодня Павел Петрович был! Беседовал о франко-советских переговорах. Рассказал так, что сразу стало ясно, что требуют французские капиталисты.

— Есть у нас среди мастеров, инженеров рабкоры на ГЭЗе? — спросил меня редактор. — Отлично! Вместе с Римским поезжайте на завод. Организуйте их письмо. У гэзовцев вызрело предложение требовать, чтоб им дали заказы на генераторы для Днепростроя. Оно должно быть обращено к ВСНХ СССР.

Римский переспросил:

— Для Днепростроя?!

По дороге на завод Римский убеждал меня, что редактор что-то напутал.

— Даже американцы шведам заказывают генераторы. Для Днепрогэса нужны генераторы мощностью в шестьдесят тысяч киловатт. Ты представляешь?!

Я не могу представить такую махину.

На заводе выяснилось, что Постышев частый гость отдела электрических машин.

— Это человек, которого каждая вещь зовет познакомиться с собой, — сказал о Постышеве мастер-монтажник Звайзгне. — Пришел к нам в цех, стал расспрашивать, какое оборудование простаивает, какие детали на нем можно обрабатывать. Потом стал разыскивать мастеров, работавших в Швеции на электромашиностроительных заводах. Один монтажник тогда спросил шутя: «Вы случайно не думаете на хозяйственную работу переходить? Вникаете во все дела, как будто завод собираетесь принимать».

— «Сегодня изучение экономики — главное для партийного работника, — ответил Постышев. — Без этого наша пропаганда и агитация, как орех без ядра». А потом созвал нас, монтажников и конструкторов, и прямо рассказал, что Управление Днепростроя требует заказать четыре генератора за границей. Для этого полтора миллиона золотом нужно уплатить. Генераторы необычные: высота 9,6 метра, диаметр — десять метров. Шестьсот тонн весит каждый. Наши конструкторы загорелись: «Будем проектировать сами!» Кое-кто ахает, посмеивается: «Задумала лягушка в вола раздуться. С нашей техникой Америку не обгонишь». Вы, журналисты, плохо о нас пишете. Мы недавно прокатные моторы в Пермь отгрузили. Три тысячи двести лошадиных сил в каждом. Разговоры о лягушке — обывательские.

В цехе мы написали письмо под диктовку мастеров-генераторщиков. Пошло в срочный набор. Редактор говорит, что завтра окружком будет специально обсуждать письмо. Кажется, управлению Днепростроя докажут, что генераторы смогут построить в Харькове.

Октябрь

Тезисы доклада В. Я. Чубаря к предстоящему X съезду КП (б) У читаешь как рассказ о будущем. Доклад развивает тезисы ЦК ВКП(б) к XV Всесоюзному съезду партии о составлении первого пятилетнего плана. За сжатыми, точными, как математические формулы, положениями доклада В. Я. Чубаря — великое индустриальное строительство Украины. Нужно построить за пять лет втрое больше того, что построили в Харькове, Приднепровье, Донбассе за полвека. В «Доме коммуны» за полночь споры, мечтания.

— К черту медицинский факультет! — говорит Андрей Слепухов. — Сегодня нужно быть строителем.

— Шоб строить, нужно гроши иметь, — комментирует тезисы Опришко. — Без «дядькив» ничего не сделаешь. Нам пшеницу нужно сеять. За нее дадут и тракторы и мануфактуру. А у нас «дядькив» начинают прижимать. Опять цену на пшеницу сбавили.

— На волах в коммунизм, Мыкола, не въедешь, — атакует его Колокольцев. — Средства найдем. Читал, как Чубарь, Постышев, Сухомлин докладывали, чем торгуем? Наши машины с «Серпа и молота» уже в Турции покупают. Уголь в Италию везем. Будем строить! В моей Краматорке «завод заводов» заложат. Станки станем выпускать.

— Специалистов где возьмем? — спрашивает Агид. — Опять нужно за все золотом платить — за проекты, за консультацию?

— Что ты предлагаешь, Наум, — не платить? — не сдастся Колокольцев — Разрешить концессии?..

— Нужно усилить аграризацию страны. Когда окрепнем, — говорит Агид, — тогда.

— Пока ты будешь крепнуть, на тебя ярмо наденут, — сердито обрывает его Паливода. — И так паны на польской границе все смотрят на нашу сторону, а Англия и Франция им танки и самолеты поставляют.

Ноябрь

В полдень примчался репортер Дымный — с таким видом, как будто он выиграл сражение.

— Окно в сто строк на первую, — заявил он секретарю редакции, — прямо под заголовком. Набрать двадцатым! «Комиссия ВСНХ СССР приняла решение передать заказ на турбогенераторы для Днепростроя Харьковскому ГЭЗу».

У нас в редакции спорят о новом предложении Постышева создать лавочные комиссии.

— Зачем секретарю окружкома заниматься такими мелочами? — говорит Римский. — Это дело профкомов.

— Это и есть ленинский стиль, — доказывает Негреба, — работая над большим, не упускать мелочей.

Даже в первые дни революции я не видел такого митинга, какой девятого состоялся на ГЭЗе. Около четырех тысяч человек собралось на заводском дворе. Машиностроители давали свой наказ харьковским делегатам на XV съезд партии. Выступали члены партии и беспартийные. Это были приговоры тем, как метко сказал какой-то рабочий, кого Троцкий оседлал. «У народа есть одно желание, твердое, загнать Троцкого в стойло». Дружным смехом встретили участники митинга это сравнение.

Выступил Постышев: «Так я и скажу съезду, что вы, харьковские металлисты, наказали... Выполним ваш наказ. Из нашей семьи изгоним раскольников. Они могут менять маску, до хрипоты спорить и доказывать, что построить социализм в одной стране нельзя. А мы начали его строить! Вы приняли заказ на генераторы для Днепростроя — это уже заказ для социалистической индустрии. Будем бить по оппозиции снарядами фактов. Слышали, как выступали здесь рабочие? Вот вам и активность из-под палки, о которой кричат троцкисты! Посланец от вашего коллектива доложит съезду о том, как гэзовцы включились в строительство

социализма. Пусть оппозиция кричит, что у нас нет средств! Подпиской на заем народ советский дал большой вклад. А мы у себя еще поищем клады. Найдем! В такой могучей и богатой стране, да не найти! Все найдем — самое главное, что пролетариат остался со своей партией — раскольники не сбили его с ленинского пути».

Мария Ильинична Ульянова в одной статье писала, что у Ленина было особое чутье масс. Этим чутьем в разной степени награждены и ленинцы. Слушая выступление Постышева на митинге гэзовцев, я подумал: «Потому он близок рабочим и уважаем ими, что они знают, как дороги ему их заботы, дела, радости, огорчения. Четырехтысячный коллектив доверял своему полпреду на съезд все самое заветное — свои думы и чувства».

С митинга я возвращался трамваем. Гэзовцы горячо обсуждали выступления.

Грузный управляющий паровозостроительным заводом Струков, обычно медлительный, не ходивший, а шествовавший по цехам, конторам управления, торопливо взбежал на второй этаж в свою приемную, с трудом переводя дыхание, спросил секретаря, кивнув на дверь своего кабинета:

— Там?.. Давно?..

— Только вошел с Брускиным.

— Не могли доложить с проходной, — сквозь зубы произнес Струков и, осторожно открывая дверь, будто входил в чужой, а не свой кабинет, меняя тон, промолвил: — Только сейчас узнал, Павел Петрович, что вы приехали. Я цеха обходил. Квартал начинается, своими глазами нужно все увидеть. Теперь ни один цех не отстают.

— Цехи не отстают, а директор стал отставать, — сказал Постышев.

— В чем же я отстаю, Павел Петрович? — встревожился Струков. — Все цехи у нас идут по нарастающей. — Он подошел к диаграмме, на которой линии поднимались вверх над названиями месяцев, — и пытливо взглянул на Постышева — Ни одного цеха под чертой.

— Расти можно по-разному — Постышев поднялся со стула, вынул из кармана брошюрку «Отчет Южного машиностроительного треста (ЮМТ), развернул диаграммы работы паровозостроительных заводов Украины — Это видел? — Он подал отчет Струкову.

— Мы такой отчет получили. С нашими данными расхождений нет. — Струков не мог понять, почему Постышев показывает ему этот отчет.

— Луганцы обгоняют нас и по выпуску и по себестоимости, — продолжал Постышев. — А ведь завод не хуже, оборудование новое получили, цехи строим. Коллектив в боевитости и слаженности луганцам не уступит?

— Коллектив не сам по себе работает, — вздохнул Струков, тяжело опускаясь на стул возле письменного стола — Его направляют.

— Это все так. — Постышев отошел от окна, сел у письменного стола напротив Струкова. — Только почему управляющему не прийти в окружком, не поговорить о том беспокойстве, что проявляют патриоты завода?.. Ведь проявляют? — Постышев взглянул на Брускина. — Прямо говорят: «Отстаем от луганцев».

— Мы собираемся поехать в Луганск. Посмотреть, как они работают. Осталось на завкоме делегацию утвердить. — Струков произносил слова

неуверенно, отделяя паузами фразу от фразы.

— Долгие сборы, товарищ управляющий. Завком не за сто километров от вас. Ну, я не по этому поводу приехал к вам. Сейчас есть дела более срочные. Сколько на заводе готовых тракторов? — спросил Постышев.

— Около пятидесяти, так? — обратился к Брускину Струков и стал усиленно вытирать взмокревшую шею платком.

— Пятьдесят два на складах, — уточнил Брускин.

— Что же не отправляете? — спросил Постышев.

— Некому, совнархоз нарядов не дает. Заказов не выбирает, — уже расставаясь с растерянностью, говорил Струков. — Звоню в трест. Каждый день один ответ: «Подождите».

— Нужно искать потребителей, — заметил Постышев.

— У сельской кооперации денег нет, а частным лицам мы не имеем права продавать. Разрешили бы — в один день склад опустел бы.

— Кулацкие хозяйства снабжать тракторами не будем, — резко произнес Постышев. — Вы Дальневосточному крайисполкому предлагали тракторы?

— Они и слышать не хотят. Просят лицензию на покупку «клетраков». Наркомзем дал согласие.

— Далькрайисполком просит лицензии. Южмаштрест не выбирает заказы. Наркомсельхоз готов купить тракторы за границей, — перечислял Постышев, глядя не на директора, а на Брускина. — Что же дальше делать с выпуском тракторов? Производить их для склада?..

— Павел Петрович, здесь дело решенное, и ЮМТ с решением согласен. — Струков снял со стола объемистую папку. — Нужно либо весь завод переводить на выпуск тракторов, либо закрывать тракторное производство, есть экономический расчет... Все скалькулировали.

— Кто расчет делал? — любопытно спросил Постышев.

— Самые видные специалисты Южмаштреста, — живо отозвался Струков — Если мы вложим в строительство новых цехов около миллиона рублей, получим возможность выпускать десять тракторов в день.

Постышев несколько минут молча лишь поглядывал на Струкова, выслушал его пересказ расчетов экономистов из ЮМТ, потом жестом руки прервал директора:

— То, что калькуляторы из ЮМТа народ близорукий, мне понятно: они учились в старой школе. Того, что происходит вокруг, не понимают. Может, считают все наши планы надуманными. Нам нужно каждый год не меньше ста пятидесяти тысяч тракторов получать. У нас другая калькуляция — социальная. Будем строить новый завод, а не пристраивать

новые цехи к старым мастерским, тем... сараям, что без толку и плана нагромоздили на вашем заводе. А на вашем заводе станем строить тепловозы, электровозы.

— Тогда нужно свертывать производство тракторов? — Струков выжидательно взглянул на Постышева.

— Видно, управляющий заводом на это настроился. Будем расширять. Чубарь, Сухомлин, Шлихтер — все, кто занят хозяйственными делами, голосуют за расширение цеха. И главное не то, что он будет давать триста тракторов в год. Это опытная лаборатория тракторного машиностроения, академия по воспитанию кадров для того гиганта, что будет построен в Харькове. Отсюда выйдут и технические руководители, и начальники цехов, и мастера... А сейчас нужно доказать Далькрайисполкому, что наш «Коминтерн» не хуже «клетраков».

— Дальневосточники и слышать не хотят о наших машинах. — Голос Струкова совсем сник. — Требуют дать «клетраков». Напишем еще раз. Дадим телеграмму. Если нужно, я в Москву съезжу к наркомземовцам. Только писали, Павел Петрович, уже не раз. Их никакими доводами не прошибешь.

— Прошибем! — сказал Постышев. — Сегодня же, товарищ Брускин, отправьте в «Харьковский пролетарий» то письмо, что я слесарей попросил написать. Я посоветуюсь с членами бюро окружкома, как дальше действовать. У Чубаря побываю. С Власом Яковлевичем вы беседовали по этому вопросу? Он у вас ведь на партийном учете. Кстати, читал статью Шлихтера «Поэзия тракторных колонн»? — обращаясь к Струкову, спросил Постышев.

— Кажется, просматривал.

— Такие выступления не просматривают, а наизусть заучивают. Шлихтер экономическую поэму написал. Знаете, сколько на Украине безлошадных хозяйств? Больше двух миллионов. Для них лошадей вырастим мы только на таких конных заводах, как ваш цех. Не задерживайте письма вашего отдела в «Харьковский пролетарий», — прощаясь, напомнил Постышев Брускину.

— Давно он на заводе? — спросил Струков Брускина, когда Постышев вышел из кабинета.

— С начала смены. Я пришел в цех, вижу, беседует со слесарями. Потом стал меня спрашивать о том, сколько у нас тракторов. Прошел на склад, посмотрел, как хранятся. Потом сказал, что слесари хотят в газету написать открытое письмо ВСНХ.

Из записок Бармица

1927 год, декабрь

В Харькове начата постройка велосипедного завода.

Митинг, посвященный пуску Волховстроя. Выступал Чубарь. Его выступление было своеобразным экономическим очерком. Влас Яковлевич увлеченно рисовал пейзаж огромного индустриального узла на берегах Днепра, на предприятиях которого будут из глинозема выплавлять «голубой» металл — алюминий, качественные стали. Чувствовалось, что идею использования Днепра председатель украинского Совнаркома вынашивал многие годы. Он говорил о плотине, генераторах, будущих цехах с увлеченностью и волнением. Необычный митинг, скорее похожий на колоссальный лекторий.

1928 год, февраль

Разговорились в редакции о действенности материалов и пришли к грустному выводу, что проверкой действенности занимаемся от случая к случаю, главным образом тогда, когда этого потребует Постышев. У него контроль налажен; возник вопрос об организации приемных дней, через три месяца требует — организуйте рабкоровские рейды, посмотрите, как проходят приемные дни на предприятиях, нет ли формализма; создали лавочные комиссии — через определенный срок снова напоминание — проверьте результаты обследований в лавочных комиссиях. Сам находит время знакомиться то с работой конвейера на «Серпе и молоте», то с выполнением решений производственных совещаний, этих «школ управления».

Все больше появляется в учреждениях выдвиженцев. Многих из них выявил Постышев в своих систематических поездках по району, округу и городу. После того как Постышев примером показывает, как разыскивать людей инициативных и преданных делу партии, сами коллективы настаивают перед партийными организациями на выдвижении умелых, опытных, одаренных людей. Кандидатуры их обсуждаются на рабочих собраниях.

Редактор передал нам поручение Постышева — дать живые корреспонденции о том, как выдвиженцы отчитываются на своих предприятиях «Не справляются, нужно помочь, — заявил Постышев — Если убедились, что не справился, пусть отзывают. Мало быть честным,

доверенным лицом — нужно быть пытливым, повышать свою квалификацию, учиться. Не желает учиться — не достоин доверия людей».

Римский говорит: «До приезда Постышева, когда мне говорили, что партийная работа — призвание, я считал это утверждение просто красным словом. А глядя на то, как работает Постышев, вижу, что это действительно призвание. Это своеобразная лепка характеров людей, формирование их убеждений».

Познакомился с молодым режиссером Леонидом Луковым. Луков учится на вечернем рабфаке, работает грузчиком на фабрике. Он один из членов группы «Кинорабмол». Группа возникла по инициативе ЦК комсомола Украины.

Ребята из окружкома комсомола познакомили участников группы с Постышевым. Постышев поддерживает «кинорабмольцев». На днях руководители Всеукраинского фотокиноуправления, несмотря на то, что считают «Кинорабмол» надуманной организацией, вынуждены были отпустить несколько тысяч метров пленки на съемку первого фильма студии.

Луков едет снимать фильм о шахтерах Донбасса.

Он часто приходит в редакцию, приглашает журналистов участвовать в сценарной группе, писать сценарии.

Энергичный, жизнерадостный парень.

На харьковских заводах, в учреждениях одобрительно повторяют слова Чубаря на XII харьковской окружной партийной конференции. Он рассказал, как троцкистская оппозиция хочет выбросить из нашего гимна одну строчку: «Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и не герой», как оппозиционеры раздувают культ их вождя, культ Троцкого. Труженики Харькова слышали дифирамбы Троцкому в выступлениях Раковского, Лобанова и других лидеров троцкистской оппозиции. Их попросту выставляли с собраний. Люди труда ненавидят любой культ — вождя, героя. Они ненавидят тех, кто старается разбить рабочий класс на лагеря и группы. У них твердое желание — жить по Ленину.

На собрании комсомольского актива Краснозаводского района выступал первый секретарь ЦК комсомола Украины Саша Мильчаков. Это был своеобразный отчет ЦК комсомола накануне VII украинского съезда. Но отчет живой, передающий опыт лучших людей комсомола и его

«парторгов». Мильчаков рассказывал, как председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного комитета Григорий Иванович Петровский помогает работникам комсомольского ЦК нацеливаться на главное в жизни деревни. Восторженно рассказывал Мильчаков о Постышеве. Оказывается, как только Мильчаков начал работать в Харькове, Постышев посоветовал выдвинуть его в состав одного райсовета для того, чтобы секретарь ЦК комсомола был повседневно связан с буднями рабочего класса, его молодежи. Рассказывал Мильчаков и о том, как добродушно высмеивал Постышев комсомольских работников, стремящихся «поднять цифры роста» организации. «Работу ячейки нужно проверять по тому, как комсомольцы работают на производстве».

В Краснозаводском районе комсомольцы хорошо знают, как Постышев знакомится с их работой, поправляет, когда начинается шумиха, парадность. У него есть среди иронических эпитетов один меткий — «верхогляд».

Мильчаков рассказал, как Постышев наставляет его и всех работников ЦК комсомола чаще встречаться с людьми труда, прислушиваться к их критике и рассчитывать на их помощь — самую верную помощь.

Слушая Мильчакова, я вспомнил рассказ бывшего секретаря партийной организации Харьковского паровозостроительного завода Пискарева. Был на заводе случай, когда начальник цеха член партии занимался приписками в отчетах о выполнении плана. На партийном бюро его строго осудили, но рабочим цеха не объяснили, почему начальник переведен на другую должность, на соседнее предприятие. Постышев через несколько дней узнал об этом, приехал на завод, посоветовал созвать общерабочее собрание и сообщить о проступках начальника цеха.

— Павел Петрович так сказал, — рассказывал Пискарев. — «В ту минуту, когда руководитель задумает что-либо скрыть от масс, от коллектива, он перестает быть руководителем по доверию. Он становится руководителем по назначению. А ты должен знать, что таким просто не доверяют. Вы что, боялись подорвать авторитет партийной организации? Наоборот, только укрепили бы этим». Я, конечно, попытался оправдаться: мол, иногда не с кем посоветоваться. «У нас есть великий совет Ленина — один для всех, — пояснил мне Павел Петрович, — слушать классовую совесть. Я в восемнадцатом году был назначен председателем Ревтрибунала в Иркутске. Законов нет — наших, советских! Послал я в Москву письмо, попросил разъяснить, чем руководствоваться. Ленин лично ответил: слушайте свою классовую совесть».

Оперативное совещание в дирекции «Серпа и молота» прервал телефонный звонок. Директор завода Соловьев только начал разбор работы цехов, выпуска продукции. Он неохотно поднял трубку и передал ее секретарю парткома Ларину:

— Скажи — оперативка.

Но Ларин точас вернул трубку директору:

— Тебя, Павел Петрович.

— Разбираем результат недели, — сообщил Соловьев Постышеву, взяв трубку. — Сработали неплохо. А продукцию отгружаем неравномерно, рывками. Так вагоны подают. Консультантов?.. Я сам давно прошу специалистов из Наркомзема побывать у нас на заводе. Не едут. Еще более авторитетные приедут? Будем рады. И вы с ними? Жаль! — Соловьев положил трубку. — Соберемся в другой раз. Через час приедут консультанты Постышева по сельскохозяйственным машинам. Посылает к нам целую группу.

— Наконец выбрались наркомземовцы из своих канцелярий, — иронически заметил кто-то.

— Не из Наркомзема едут консультанты, — сказал Соловьев. — Постышев говорит, какие-то самые авторитетные.

— Он тоже с ними? — спросил Ларин.

— Потом встретится с ними, выслушает замечания, выводы. Нужно их встретить, — приказал Соловьев управляющему делами. — Начальникам цехов быть на своих местах, будете знакомить с производством.

Управляющий делами был удивлен, когда к проходной подошла группа крестьян. Ее сопровождал заведующий отделом сельского хозяйства окружного комитета партии. «Не вовремя экскурсии», — подумал он.

— Пропуск готов? — спросил заведующий отделом, здороваясь с управляющим делами.

— Это что, экскурсия? Сейчас дам распоряжение, — ответил тот. — Только кто с ними заниматься будет? Начальники цехов сейчас консультантов по машиностроению сопровождать должны. С поручением Постышева едут.

— Я с ними приехал, — сказал заведующий отделом. — Это участники областного совещания по урожайности.

— Мы думали, что специалисты едут. — Управляющий делами обвел взглядом пожилых земледельцев в свитках, пиджаках из чертовой кожи, выгоревших кожанках. — Что ж, пусть посмотрят, что делается в цехах. С чего бы хотели начать осмотр? — обратился он к крестьянам. — У нас есть цех борон, сеялок, молотилок.

— Борона не машина, — сказал один из приехавших. — Посмотреть бы веялку на тысячу сто оборотов.

— Там побывать, где у вас сеялки недоделывают, — произнес, хитро улыбаясь, другой.

Не менее удивленно встретил группу, присланную Постышевым, начальник цеха веялок. Ради красного слова назвал Постышев этих хлеборобов консультантами — не иначе.

Сам начальник цеха давно ждал приезда людей, хорошо знающих сельскохозяйственное машиностроение, особенно кинетику машин.

Он безразлично, ради формы — приехали гости — стал популярно объяснять, как конструировали веялки, как станут собирать их в новом цехе, что должен выпускать пятнадцать тысяч машин в год.

Гости сосредоточенно выслушивали объяснения.

— Будь ласка, скажите, в новом цехе будут закаливать ходовые части? — неожиданно для начальника цеха спросил пожилой земледелец, все время делавший какие-то заметки в ученической тетрадке.

— Пока термического отдела не строим, — удивленный вопросом ответил начальник цеха.

— Что же, через каждые два-три года части менять придется. А по какому классу точности трущиеся части обрабатываете? — допытывался задавший вопрос.

Наступил на большую мозоль! Сколько сам начальник доказывал, что закупают не те станки, что нужно.

А вопросы следовали один за другим. Неожиданно пришлось рассказывать о пересмотре узлов, перемене кинематической схемы, перестановке рабочих органов машин. Эти консультанты не только расспрашивали — они критиковали, давали советы, настаивав ли на изменениях в конструкциях.

Начальник цеха достал блокнот, стал делать заметки. Когда закончился осмотр цеха веялок, он посоветовал начальнику цеха сеялок:

— Ты только не объясняй, а послушай, что они расскажут. У них на каждый наш болт замечания есть.

Под вечер Постышев позвонил Соловьеву.

— Где мои консультанты, директор? Нашли вы с ними общий язык или переводчики нужны?

— Кажется, нашли. Уж больно придиричивый, дотошный народ. Специалисты из Наркомзема так, как они, в каждую масленку не влезают, каждую шестеренку не прощупывают. Хорошо, хоть актов не составляют.

— Акты еще впереди, — рассмеялся Постышев — Приезжай вместе с консультантами ко мне, захвати с собой начальников цехов. Мы артельно над замечаниями консультантов подумаем. Чубарь обещал приехать.

Из записок Барвинца

1928 год апрель

Луков принес сегодня в «Дом коммуны» книгу Постышева, выпущенную издательством «Пролетарий», «Гражданская война на Дальнем Востоке». Он прочел первую страницу вслух, и мы уже не могли оторваться. Читали по очереди.

Луков убеждает меня, что нужно писать сценарий.

— У нас же ни черта нет о гражданской войне! Разве «Укразия» — это советский фильм? Разве батьки Кныши должны быть героями наших фильмов?

— Писать сценарий? Нужно уметь.

— Так он написан Постышевым, — говорит Луков. — Нужно только взять наиболее типичные картины. Кое какие материалы найти в других воспоминаниях, встретиться с живыми участниками. Давай позвоним Блюхеру — он командовал Народной армией. Чудесный человек! Мы для студии «Кинорабмола» попросили у него командировать красноармейцев на время съемки. Он не только красноармейцев командировал, но обещал помогать, если нужны транспорт, бутафория.

На Московской — главной улице Краснозаводского района возле магазина рабочего кооператива протянулась очередь.

— За чем очередь? — поинтересовался Постышев, подходя к магазину.

— Макароны дают, дядечка, — живо ответила девочка, только что ставшая в очередь. — Становитесь. Люди быстро обертываются.

— Придется стать.

— Вы, гражданин, время напрасно не изводите, — посоветовал старик, стоявший впереди девочки. — Макароны не папиросы, в карман не положишь. Сходите купите в киоске газеток. Мы вас заметим, докажем, что очередь занимали.

— У них бумага должна быть для завертки, — заметил Постышев.

— Он бачите, як завертывают, — безобидно рассмеялась какая-то женщина, увидев штукатура, выходящего из магазина. В подоле его фартука были макароны. — Всех мужиков теперь в фартуки треба вырядить, чтоб из магазинов с пустыми руками не выходили.

— Так всегда отпускают товар, или это только сегодня? — поинтересовался Постышев.

— Тут и привычки нет такой — заворачивать, — пояснил старик. — Если хотите, чтоб товар завернули, езжайте, товарищок, на Сумскую, там нэпманы и запакуют в цветную бумажку с рисуночками, бантики вывяжут и палочку прицепят, чтоб руку не резало. Только там за обхождение каждый продукт на две-три копейки дороже. А копейки у рабочего человека быстро в рубли собираются.

Слова старика упали, как искра на трут. Очередь загалдела. Перебивая друг друга, все начали припоминать, где как обслуживают, что где продают.

— Нужно в правление Харьковского кооператива обо всем этом написать, в лавочную комиссию заявить, — сказал Постышев.

— Вы только посмотрите на этого человека! — раскричалась вдруг пожилая женщина. — На какой планете живет? Чи в Харьков только приехал? Просто делает насмешку над нами: пишите, пишите, приклейте марки, — и вам поможет, как больному припарки!

Подошла очередь Постышева.

— Килограмм макарон, — сказал он продавцу.

Продавец взвесил макароны. Постышев заплатил за них.

— Забирайте, не задерживайте очередь, гражданин. — Продавец

приподнял чашку с макаронами.

— Завернуть нужно, — сказал Постышев.

— У нас такой моды нет, — рассмеялся продавец. — Что, вы первый раз покупаете? Нужно со своей тарой приходить. Это вам потребиловка, а не магазин.

— Куда я их брать должен? — спросил Постышев.

— В бриль, — подмигивая женщинам, улыбнулся продавец.

— Что ж, в бриль так в бриль! — сказал Постышев и, сняв широкополую соломенную шляпу, подставил ее продавцу.

— Кто сейчас у председателя? — спросил Постышев, входя в приемную председателя горсовета.

— Президиум. — Секретарша вдруг всплеснула руками, увидев, что Постышев держит шляпу, полную макарон. — Что же это у вас макароны прямо в шляпе? Давайте я вам в газету заверну.

— Хочу узнать у наших красных торговцев, почему у меня макароны в шляпе, — сказал Постышев, входя в кабинет председателя.

Он положил шляпу на стол президиума. Все удивленно поглядывали то на шляпу, то на Постышева.

— В своей таре, — иронически произнес кто-то, — значит, в Церабкоопе покупали.

— Чем занимается товарищ голова? — Постышев сел за стол, не сводя глаз с председателя правления Харьковского центрального рабочего кооператива Гитиса.

Сухое лицо того стало еще суше. Он уткнулся взглядом в пачку бумаг, лежавшую перед ним.

— Утверждали план по торговле, согласовывали с товарищем Гитисом новые точки. — Председатель горсовета протянул Постышеву повестку дня.

Постышев пробежал повестку взглядом и положил на шляпу.

— Значит, попал, что называется, к обедне, хоть и не смотрел в ваши святцы. Вы, товарищ Гитис, часто бываете в рабочих магазинах? — Постышев приподнял шляпу. — Я принес этот бриль с макаронами не для потехи — это аттестат нашей торговле.

— Плохо, Павел Петрович, с тарой, — промолвил Гитис.

— Самое главное — плохо, что мало людей, которые любили бы советскую торговлю. Тары нет? Другого нет! Внимания к людям труда. Мы с вами выдали векселя рабочему классу и обязаны платить по ним. Мудрости для этого особой не надо. Одно лишь требуется — чтоб люди

труда видели в наших действиях целесообразные и правильные поступки. Когда у частника товары завертывают в бумагу, а нам предлагают их брать в фартуки или брили, правильности этого не докажешь. Тарой кто ведает?

— Оказался нечестный человек, — зло произнес Гитис.

— Мы как раз, Павел Петрович, собрались утверждать на днях кандидатуры заведующих райторгами, — сообщил председатель горсовета. — Со всех сторон их обговариваем.

— А вы утверждать погодите, — посоветовал Постышев. — Опубликуйте в газете кандидатуры заведующих райторгами. Попросите всех, кто имеет отводы, сообщить об этом правлению. Вам помогут разобраться. Город — это море людское, в нем и дрянь незаметно плышет.

— А вы, Павел Петрович, и торговлей заниматься стали, — сказал рабочий с серебристой головой. — То у нас на «Серпе» все конвейером интересовались.

— Торговля — это посложней конвейер, чем ваш заводской... Его ни за год, ни за два не наладишь. — Постышев помолчал, как будто выверял в уме сроки. — Как-то нам по-иному торговать нужно... Не так, как торговали купцы, — лучше, заботясь о людях, отвечая на каждый запрос. В торговых делах тоже изобретать нужно, а не просто сбывать то, что промышленность выпустила. А мы ни спросом ни предложением не интересуемся... Там, где можно, не консультируемся. Пришел бы вовремя товарищ Гитис к бондарям на ХПЗ, они бы посоветовали, где тару взять для масла... Мне один товарищ подсказал: нужно тарный завод строить. Был он у ваших спецов в Церабкоопе, те от него потребовали и смету и калькуляцию. Отпугнули человека. Но он рабочей закалки, не испугался, в окружном дорогу нашел.

Из записок Барвинца

1928 год, май

Все-таки Луков настоял, чтобы я писал сценарий о гражданской войне на Дальнем Востоке. После встреч с участниками боев под Волочаевкой, наступления на Спасск, после рассказов о том, как воевали дальневосточные партизаны, я сам увлекся этой темой.

Утонул в материале. Столько значительных событий, столько красочных эпизодов! Самое главное — отобрать наиболее важные, обобщающие явления.

Быт солдат мне знаком по гражданской войне. Набрасывая сцены походов и боев, изображая митинги и собрания первых лет революции, переживаю снова, что переживал тогда.

Еженедельное совещание секретарей райкомов партии Харькова закончилось в первом часу дня. Оно было недолгим, как все совещания, проводимые Постышевым. Сам он обычно на таких текущих рабочих заседаниях выступал кратко, тезисно излагая свои мысли, лишь порою иллюстрируя их примерами. Но сотрудники горкома знали, как кропотливо подбирались примеры, какие ворохи материалов, сведений, писем перебирал сам Постышев, готовясь к любому совещанию.

— Мне по одному вопросу посоветоваться нужно, Павел Петрович, — сказал секретарь Ивановского райкома Кивгала, человек, высушенный скитаниями по тюрьмам, ссылкам, безработицей, недавно отметивший четверть века партийной работы, но сохранивший напористость, увлеченность, настойчивость. — Сейчас уделишь четверть часа или вечером заехать?

— По пути посоветуемся, — сказал Постышев. — Сейчас поедем все к Неживому в гости. Сам не зовет, поедем без приглашения.

Секретари райкома переглянулись. Опять куда-то повезет Павел Петрович! Не проходит недели, чтобы он не выискал что-то новое на заводах или в учреждениях или не столкнулся с каким-то острым положением: мол, решайте, товарищи секретари. Приходите коллективным умом к выводу, что делать.

— Сколько мы с тобой знакомы, Неживой? — спросил Постышев, обращаясь к секретарю Журавлевского райкома партии. Как всегда, лицо Постышева было сумрачно, но в глазах играла улыбка.

— Уже больше года, — недоумевающая, чем вызван такой вопрос, ответил Неживой.

— Срок большой, а узнал я тебя только на днях, — продолжал Постышев. Такие у него дела в районе творятся! А Неживой молчит — ни слова. Ну, с секретарем горкома не хочет делиться, но ведь и сосед твой Зеленский не знает о том, что на Журавлевке происходит, и Кивгала, наверное, тоже.

— Что у него за дела? — насторожился ревниво Зеленский.

— Каких ты там, Микола, наробыл? — пробасил Кивгала.

— Кажется, ничего особенного не произошло, — недоумевал Неживой.

— Вот тебе и ничего! Конвейер на сборке борон, механизированная

литейка, новый цех, — перечислял Постышев, — а Неживой все прибудняется.

— Рано про конвейер в колокола звонить, — сказал Неживой. — Не хотят научные силы признавать наш конвейер. Целую неделю на заводе комиссия работала: инженеры, врачи, экономисты написали целый том актов. Выходит, что конвейер закрывать нужно.

— А секретарь райкома и директор сидят, чего-то выжидают, — резко произнес Постышев. — Я эти акты видел... Профессора профессорами, а самим разобраться нужно.

Машина медленно шла по Московской улице — почти всю проезжую часть занимали трамвайные колеи. Когда она вышла на Нетеченский мост, Постышев подтолкнул Зеленского, спросил, показывая взглядом на купальщиков, лежавших на голых бугристых берегах:

— Ты здесь купаешься?

— В этой луже купаться! — рассмеялся Зеленский. — Тут какую-нибудь болячку подцепишь. Я на Донец в выходной выбираюсь.

— А что бы секретарю райкома подумать, как Донец в Краснозаводский район привести, — сказал Постышев.

— Вода Харькову нужна, — согласился Кивгала, — без Донца мы воды не получим.

— Средств не хватает, — заметил Зеленский.

— В одном месте их не хватает, в другом месте разбрасываем. Посчитать нужно, что разбрасывают, — советовал Постышев. — На каждом заводе столько тратят на водоснабжение, на разведку воды, на бурение артезианских скважин, что давно можно было водовод в Харькове проложить. А если крестьян к этому делу привлечь, то на рабочую силу ни копейки не нужно тратить. Степные земли орошать нужно. Влас Яковлевич Чубарь в своей брошюре доказал, что без ирригации мы вдвое урожайность не повысим, а нам нужно повышать ее не меньше чем вдвое.

— Это, Павел Петрович, дела наркомземовские, — уверенно сказал Зеленский. — Их земля — их урожай.

— А мы землю делить не будем, и наши дела делить не станем. Они все наши. И на селе и в городе. — Постышев даже повысил голос. Событие редкое, выдержку секретаря окружкома секретари райкомов хорошо знали. — Все, что для человека, — все дело наше. А земля для человека, для тех, кто в городе живет, на заводе работает. Это не только умом понимать нужно — сердцем чувствовать. Без обводнения степей мы долго еще на одном месте толкаться будем с урожайностью. Тут еще межи мешают

развернуться, раскроили землю на лоскуты. Воду через межи непустишь, сделать бы поля коллективными.

— За чем остановка? — сказал Кивгала. — Съезд принял решение, бедняки за колхозы. Профессор Соколовский выступал, доказывал: без колхозов село вперед не двинешь.

— Остановка за нами. Для колхозов нужен трактор, без трактора колхоз будет лишь одними пожеланиями, безлошадные колхозы разбегутся после первой посевной кампании.

Директор завода «Серп и молот» провел неожиданных гостей в цех конвейерной сборки борон.

Постышев после того, как начальник цеха стал показывать операции сборки, отвел в сторону Соловьева.

— Слушай, Соловьев, не пора ли начать разработку новой молотилки?

— Павел Петрович, этой довольны крестьяне. Золотую медаль на выставке в Анкаре получила.

— Хороша сегодня, плоха будет завтра, — усаживаясь на выбитую опоку и раскуривая папиросу, сказал Постышев.

— Выходит, молотилка для нашего завтра не годится? — насторожился Соловьев.

— Сейчас она делает девятьсот оборотов. Для единоличного сельского хозяйства эта молотилка — клад. Ее для уборки нескольких десятин хватит. А нам нужно будет обмолачивать в коллективных хозяйствах сотни, если не тысячи, гектаров. На заводе над такой молотилкой, которая бы имела производительность на двадцать — двадцать пять процентов больше, кто-нибудь думает? Есть конструкторы кто смог бы построить молотилку с машинным приводом?

— Есть молодой народ, без опыта.

— Так и не было на заводе конструктора с большим размахом?

— Был. По его эскизам и эту разработали. Карпенко некий.

— Умер?

— Для завода умер. После революции где-то на других заводах работал.

— С родимым пятном? — улыбнулся Постышев.

— На тачке его с завода вывезли за штрейкбрехерство.

— За штрейкбрехерство на тачке? Наверное, после этой поездки у него мозги проветрились. Ты, Соловьев, разыщи его и с ним загляни ко мне. А сейчас пойдем посмотрим, как работают автоматические литейные машины. Штейн там, в цеху? — спросил Постышев Соловьева. — Вот он

расскажет, как они автоматизировали цех, сколько это стоило, какая выгода от этого получается. А пока мы до цеха дойдем, я вам одну историю расскажу, мне ее Валерий Иванович Межлаук передал. Оказывается, Феликс Эдмундович Дзержинский в 1922 году составил памятную записку об автоматизации советских машиностроительных заводов.

— Механизации, — поправил Зеленский, — оговорился ты, Павел Петрович.

— Я тоже так подумал, когда мне Валерий Иванович рассказывал о записке Дзержинского, что он оговорился, но записка-то все-таки об автоматизации, и на днях мне ее Межлаук переслал. Машинописную копию. Дзержинский прямо требовал от инженеров создавать машины, которые сами бы управляли процессом, автоматически. На социалистических заводах должна быть поточная техника. Без нее мы к коммунистическому производству не придем. В чьих-то воспоминаниях я читал, как Толстой увидел однажды, как рабочие бьют гранит для мостовой. Остановился и говорит своему спутнику: «Машины для набивки папирос изобрели, а машины для того, чтобы облегчить труд каменотесов, нет». Очень меткое замечание писателя. Ну, это, так сказать, отступление, а приехали мы сюда затем, чтобы в Краснозаводском районе и у товарища Кивгала начали работать над проектами конвейеризации и автоматизации цехов с серийным производством.

Из записок Барвинца

1928 год, июнь

Шестьсот рабочих Харькова выехали сегодня на Днепрострой. Экскурсию организовала газета «Харьковский пролетарий». Постышев, беседуя с экскурсантами, сказал:

— Это не просто экскурсия. Вы — агитаторы, ваши рассказы больше, чем лекции штатных пропагандистов.

Это уже вторая массовая экскурсия. На Днепрострое уже побывало семьсот крестьян.

В восемь часов вечера в Харькове было объявлено осадное положение. В рабочих районах под ружье встали дивизии. Я был в штабе полка, которым командовал Владимиров, токарь ХПЗ. Под утро в штаб полка приехал член Военного Совета обороняющегося Харькова Постышев

вместе с командующим войсками Украины Якиром.

— А ведь Владимиров командовал полком в дивизии, где я был начальником, — сообщил Якир Постышеву.

— Теперь мы из него будем готовить командира полка металлистов. Хватит токаревать! — сказал Постышев. — Нужно отправляться на учебу. Скоро в директорах нехватка будет. В одном Харькове пять заводов должны строить.

Июль

Весть о том, что на Украине начинает работать Станислав Викентьевич Косиор, обрадовала многих на заводах Харькова. Старые рабочие помнят его как организатора маевок, забастовок, стачек.

Косиор хорошо знает Донбасс и металлопромышленность.

Генеральным секретарем Центрального Комитета партии Украины избран Косиор.

Кагановича проводили в Москву без сожаления. Партийные работники Харькова хорошо знают, что генеральный секретарь ЦК КП (б) У пытался решать все вопросы единолично и добился того, что из состава Политбюро ЦК партии Украины вывели боевых авторитетных коммунистов — Радченко, Киркижа, Клименко. Дошло до того, что Затонский и Чубарь поставили вопрос о переводе их с Украины.

— Вот и отыскался след Тарасов, Павел Петрович, — конструктора Карпенко, — сказал директор «Серпа и молота» Соловьев, входя в кабинет Постышева с пожилым, но еще крепким, высоким украинцем.

Карпенко остановился выжидательно у двери. Он словно что-то взвешивал перед тем, как сделать еще один шаг по комнате.

— Проходите, товарищ Карпенко, — выходя из-за стола и протягивая руку конструктору, сказал Постышев с той деловой строгостью, которая располагает больше, нежели формальная приветливость.

— Простите, куда это разрешите положить? — сорвавшимся от волнения голосом произнес Карпенко, пожимая руку Постышева и крепко держа левой рукой большую папку.

— Чертежи?.. Вот здесь мы «душу инженера» и положим, — взял папку из рук Карпенко Постышев. — А ты убеждал меня, — обратился он к Соловьеву, — что товарищ Карпенко отошел от сельхозмашиностроения. Настоящий инженер со своим делом не может расстаться. Я видел, как в тюрьме люди на бересте набрасывали эскизы.

— Я прошу выслушать меня, Павел Петрович, — сказал Карпенко. — Перед тем как пойти к вам, я собирался письмо написать о том... как тогда... во время забастовки все получилось.

— Экую старину ворошить! Было — былшем поросло! — Постышев сел за небольшой стол у стены и пригласил рядом с собой Карпенко. — Простите за прямой вопрос: что задержало вас в Харькове? Могли же вы уехать из города... Разные пути тогда были открыты в разные страны.

— Одно задержало, — и Карпенко приложил руку к груди, — не мог от родной земли его оторвать. Были у меня грехи...

— Без нужды каяться, без числа согрешить, говорят мои земляки. Поделитесь-ка лучше, над чем работаете?

Карпенко раскрыл папку, стал показывать эскизы, наброски, расчеты новых плугов, борон, других сельскохозяйственных орудий.

— А над машиной с тракторным приводом вы не раздумывали? — спросил Постышев.

— Волновала меня такая идея, — горячо сказал Карпенко. — Был я еще студентом, предлагал конструкцию молотилки на шестьсот оборотов. Для экономии. Но только с приводом от локомотива. От моего проекта отказались — все ведь привозили из-за границы. У нас собирали лишь

нехитрые машины.

— Скажите, какую за границей тракторную молотилку вы считаете лучшей?

— Хороших немало, судя по журналам, — сказал Карпенко. — Но нужно посмотреть в работе. Для нашей степной полосы, по-моему, они плохо приспособлены. Машину нужно смотреть в работе, а не в преёскуранте, и в работе на больших массивах, а не на опытном поле.

— Слышали, какие генераторы ГЭЗ выпускает? А сельскохозяйственное машиностроение не отстанет, надеюсь. Нужно готовить хорошую молотилку с тракторным приводом для хозяйств в пять-шесть тысяч гектаров.

— Да ведь таких хозяйств нет у нас, — удивился Карпенко.

— Нет, но будут, — уверенно сказал Постышев. — Жизнь заставит создать. В тех колхозах да совхозах, что имеют по пятьсот-шестьсот гектаров, товарной продукции не получишь. Приходилось вам бывать в помещичьих экономиях?

— Как же, каждый год весной и во время уборки, — ответил Карпенко.

— Погостить ездили? — спросил Постышев. — На охоту?

— Посмотреть, как наши машины работают, — ответил Карпенко. — Ведь если от новинок отстанешь, склад продукции забьешь. По Украине и агенты Мак-Кормика и немецких фирм колесили — набивались со своей продукцией, предлагали ее в рассрочку.

— Наматывай на ус, директор, — сказал Постышев Соловьеву. — Сидите сиднями, даже не знаете, как используют ваши бороны, веялки.

— У нас на складах ничего не лежит, — сообщил Соловьев, — не хватает нашей продукции.

— Других ведь нет машин — возьмете, мол, то, что предлагают, — улыбнулся Постышев. — Пора уже и на заграничные рынки выходить — в Турцию, Болгарию, Иран... Ну, рассказывайте, товарищ Карпенко, как пахали, сеяли, убирали в больших экономиях. — Постышев подошел к письменному столу, взял блокнот и, слушая рассказ Карпенко, заносил в него цифры, названия сортов пшеницы, проса, гречихи, цены разных продуктов, марки, мощности машин.

— Вам бы у Юрьева побывать, — посоветовал Карпенко. — Тот — живая история зернового хозяйства.

— Были у него с Павлом Петровичем не один раз, — сказал Соловьев.

— Юрьев — это клад для нашего сельского хозяйства, — как бы раздумывая вслух, произнес Постышев. — Урожайность на его селекционных участках зачинается. Не понимают этого только иные

головотяпы. То ассигнования срежут, то техникой обойдут. Кляузы начали строчить: мол, имел свое поместье, и сейчас у него только приближенные работают. Побольше бы таких приближенных! Так будем готовиться к выпуску мощных тракторных молотилок? — снова возвращаясь к волновавшей его теме, спросил Постышев. — Как, товарищ директор и товарищ конструктор? Большое зерновое хозяйство мы создадим. Карликовые колхозы объединим. Первый большой совхоз заложим на десять тысяч гектаров в Лозовой.

— А какой конструктор откажется создать такую мощную машину? — живо произнес Карпенко.

— Значит, нужно приступать к делу. С Соловьевым договаривайтесь обо всем: сколько людей должны работать с вами, какие средства нужны. За год можно спроектировать такую машину? — пожимая руку Карпенко, интересовался Постышев.

— Думаю, что за полгода, — после недолгой паузы ответил Карпенко. — У меня только одно: нельзя ли машину проектировать на ХПЗ, где я работаю? На «Серпе и молоте» есть старожилы. По-разному могут люди воспринять мое возвращение на завод...

— Партийная организация разъяснит, почему мы пригласили Карпенко. Вас в обиду не дадим, — ободрил конструктора Постышев. — А ты без напоминаний сообщай, как движется проектирование, и создай обстановку для нашего конструктора, сказал Постышев Соловьеву, как-то душевно выделяя слово «нашего».

Из записок Барвинца

1928 год, сентябрь

На ГЭЗе начала работать поточная линия по производству моторов. Постышев требует от партийных работников, чтобы они организовали экскурсии производственников для знакомства с этим потоком, рассказывали о нем на производственных совещаниях. Сам Постышев часто приезжает на цеховые производственные — «слушать наказы», как говорит он. Директора предприятий уже хорошо знают, что, встречаясь с Постышевым, нужно доложить, что предложили рабочие, кем рассмотрены их предложения, сколько внедрено.

Брал интервью у председателя окружной плановой комиссии о

новостройках Харькова в пятилетке. Уже готовы проекты завода подвесных дорог, станкостроительного завода, завода тракторных деталей и многих других предприятий. Пятилетка входит в Харьков. Но еще не решен вопрос о строительстве тракторного завода. «Чубарь, Постышев, Сухомлин, — рассказал предокрплана, — ни на день не оставляют в покое Всесоюзный ВСНХ. Настаивают, чтобы приехал в Харьков Куйбышев. У нас в Госплане сторонник, Глеб Максимилианович Кржижановский — он хозяйство Украины отлично знает. А Шлихтер дал все экономические обоснования строительства тракторного завода в Харькове». Оказывается, задумывают завод, который будет выпускать пятьдесят тысяч тракторов в год. Пятьдесят! Я попросил обрисовать хотя бы в общих чертах этот завод. «И умозрительно не представишь этой громады. Это гигант больше паровозостроительного завода в несколько раз. Но дело не только в масштабе предприятия. Его хотят построить за полтора года Путиловский завод строился почти полвека. Форд свои предприятия расширял до современного уровня двадцать лет. Сроки фантастичные по сжатости у нашей будущей стройки».

Навестил брата. Оказывается, Постышев приезжал на Новоселовку, обходил улицы, дворы, беседовал с людьми.

— Новоселовцы его окружили, — рассказывает брат, — кое-кто начал критиковать райсовет. А Постышев говорит: «Плохо критикуете, мало претензий. Улицы у вас неблагоустроены, водопровод не проложен, в некоторые дома не подведен свет. А вы с этим смирились». Потом спросил, кто из наших новоселовцев депутат горсовета. У нас два депутата. Как раз оказался там Нагаенко, Степан Павлович. Мы его представили товарищу Постышеву. Постышев спрашивает Нагаенко «Что же вы, Степан Павлович, не посмотрите, кто в городских квартирах живет, кто их занимает. Почему в рабочем городе в лучших домах живут нэпманы, а рабочие ютятся на задворках? Вы меня поддержите Я этот вопрос на очередной сессии подниму. А женщин попросим, чтобы они на учет каждый дом взяли». Часа два с нами разговаривал. Увидел, ребята играют в домино во дворе, стал расспрашивать, почему не идут в клуб. Узнал, что за вход в сад при клубе берут плату, и пообещал, что в садах снимут заборы, сделают их доступными для всех. Через несколько дней после его приезда взялись за Новоселовку: прокладывают водопровод, освещают улицы. наших ребят в комиссию выделили по обследованию лучших домов в городе. Степан Павлович — председатель комиссии. Скоро наши многосемейные будут переселяться на центральные улицы.

— На Балашовский вокзал, — садясь в машину вместе с Марченко и редактором окружной газеты Фурером, сказал шоферу Постышев. — Приходилось ездить в рабочих поездах? — спросил он Фурера.

— Давненько. С той поры, как сел за редакторский стол, редко выезжал куда-нибудь. Редактор к полосам приколот, к заседаниям, конференциям. За последние четыре года был только в селах в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам.

— Оттого у нас газетные полосы, — сказал Постышев, — пахнут протоколами и заседательскими речами, а не жизнью. Редакторы — живой язык народа перестали слышать. Раздумья людей протоколами заменили. О чем думают люди, что волнует их, как они сами расценивают дела, события, приходится лишь догадываться. Кому-кому, а редакторам нужно ездить в четвертом классе. В чайные, в пивные ходить. Алексей Максимыч, как только приехал в Москву, так его в трактир потянуло. В извозчий. Послушать, о чем за парой чая говорят. Загримировался специально, чтобы не опознали его. Наши пропагандисты все после лекции спрашивают, какие будут вопросы. Им штатные активисты подсовывают вопросы. По-моему, вопросы нужно слушать не на собраниях — в цехе, в поездах, в столовых.

Фурер слушал Постышева, мысленно соглашаясь с ним, продумывая уже, как сделать, чтоб в самом деле газетный язык стал живым, чтобы на газетных полосах было больше вопросов, волнующих людей труда, интеллигенцию. Он уже по многим встречам с Постышевым привык к его методу проверять свои наблюдения и выводы в беседах с людьми. Постышев никогда не поучал, он делился своими раздумьями, вовлекал в спор с собой, выяснял разные точки зрения, когда искал путей к решению какой-нибудь проблемы, злободневного вопроса.

— Сколько, по-вашему, вокруг Харькова в селах живет рабочих?

— Наверное, несколько тысяч, — неопределенно ответил Фурер.

— Больше двенадцати, а точно двенадцать тысяч восемьсот, — сообщил Постышев. — Кто живет в селах, знаете?

— Те, у кого квартир нет, — предположил Фурер.

— Если бы так, это еще полбеда, — раздумывал Постышев. — Многие с сельским хозяйством связаны. А когда у человека свое хозяйство, у него особая психология. Мы считаем, что это рабочие-пролетарии, а они собственники по своему укладу.

Машина подъехала к вокзалу. Площадь уже заполнялась людьми с паровозного, электромашиностроительного, кирпичных заводов. Постышев наказал шоферу ехать на полустанок возле блокпоста и ожидать там, потом прошел к билетной кассе.

В вагоне было уже полно, сизый туман табачного дыма пощипывал глаза, острые запахи мазута, каленого металла, серы, принесенные в складках одежды. Наверное, не проветривали здесь вагоны от рейса до рейса поезда.

Судя по живому разговору, товарищеским обращениям, люди давно знали друг друга. Одни играли в домино и в карты, другие просматривали газеты.

В вагоне еще теснее стало после остановок в пригородах. Проходы забили рабочие с корзинками и мешками.

— Что, Коля, все труднее корм добывать? — насмешливо спросил кто-то рослого молодого рабочего, тащившего в вагон мешок отрубей.

— Ничего нема, — ответил тот: — ни отрубей, ни муки простого помола. Все как сдуло.

— Хлеба, если утром не купишь, потом в очереди напрыгаешься, — сердито вымолвил пожилой полный рабочий в фартуке кузнеца.

— Скажите, Гнат Маркович, — дискантом произнес худой, похожий на стандартные изображения Дон-Кихота попутчик с серебряной светящейся бородкой. — Что на Украине делается! Разве видели, чтобы в Харькове за хлебом в очереди стояли?! Раньше с ним сами набивались крестьяне.

— Про это вы, Николай Николаевич, хозяев спросите. Мы народ трудящийся, — с хитрой усмешкой ответил Гнат Маркович.

— Вроде и уродило на круг сам-пятнадцать, — заметил кто-то.

— Та вы слепые, что ли? — напористо спросил какой-то парень. — Все за границу тащат. Я на станции работаю, так эшелон за эшелон все в Николаев. Там на пароход — и в Европу.

— А почему не продавать за границу? — раздалось из дальнего угла.

— Это нужно посчитать, кому продавать и как продавать, — наставительно, отделяя слово от слова, говорил Гнат Маркович. — В Германию хлеб гонят. Станки покупают.

— Станки нужны. Без станков сейчас государство жить не может, — уверенно произнес кузнец.

— Поживем — увидим, что нужно: станки или хлеб, завод или поле. — Тон Гната Марковича уже стал раздраженным. — На наш ГЭЗ навезли станков, а загружать их нечем. И станки стоят, и хлеба нет, а из речей не напечешь калачей.

— Станки загрузят, — произнес Постышев, — пятилетка заказов подбросит.

— Про это мы слышали, — после долгой паузы произнес Гнат Маркович. — Вы из приезжих, товарищ?

— Ты не чуешь по мове, — неприязненно пояснил сосед Гната Марковича, — из москалив. Там люди боевые, они нам все политику объясняют и про те и про це. А мы им сальце да мясце. Хлеб за границу, а крестьянству — ничего. Чтoб купить чоботы, нужно десятину хлеба продать.

— Может, про это в правительстве не знают? — спросил парень.

— Знают, — уверенно ответил Гнат Маркович. — Это политика. Сводят «ножницы». Доведут до того, что бесплатно хлеб будем отдавать.

— Не обеднеете, Гнат Маркович, — отрываясь от домино, с явной насмешкой сказал молодой рабочий в армейской гимнастерке.

— Я не обеднею, а ты что жрать будешь? — со злобой произнес Гнат Маркович.

— Кулаков выгоним, сами на их землях будем сеять, — сказал рабочий в гимнастерке. — Батраки на кулаков работают и сами на себя не хуже будут работать.

— Насеяли... Насеяли, — снова раздался дискант. — У нас под Мерефой коммуну организовали, на коровах пашут.

— Вы кулаков не выгоняйте, — насмешливо сказал Гнат Маркович, — они сами уйдут. Попробуйте похозяинуйте. Придумали — кулак! Кулаки всех хлебом кормят. Нельзя тех, кто хлеб добывает для народа, трогать.

— Значит, нет кулаков? — заинтересовался Постышев.

— То, что у вас на Московщине кулак, у нас бедным человеком считается, — пояснил кузнец. — На Украине одни наделы, на Кубани другие, а в Сибири нет такого мужика, чтоб сорок десятин не имел.

— Это объяснять, как глухому обедню служить. — Гнат Маркович поднялся и пошел к выходу.

— Рассердили человека, — сказал Постышев.

— Гната Марковича словами не рассердишь, — заявил парень в гимнастерке. — Он от дел сердится.

— У него дела, Василь, получше, чем у тебя, — произнес кто-то низким голосом. — Хозяйство такое, как экономия.

— Из-за чего же он на заводе работает? — заинтересовался Постышев.

— При рабочем классе, — продолжал все тот же низкий голос.

В вагоне после каждой остановки становилось все меньше пассажиров. Уже проводник зажег свечи.

— Э, черт, так досадно! — вымолвил рабочий, читавший газету у окна.
— Ни черта не видно!

— Далеко еще ехать? — спросил Постышев.

— До самой Мерефы, — ответил рабочий. — Это хорошо, что свечи стали давать, а то половину дороги в темноте ехали.

— Часто у вас такие споры в вагоне? — предлагая папиросу рабочему из Мерефы, продолжал расспрашивать Постышев.

— Это еще короткий спор, а то схватятся, что и остановки проезжают.

— И все о сельском хозяйстве?

— О чем угодно: о политике, и о сельском хозяйстве, и о семейной жизни.

— Что же не попросите, чтобы к вам агитаторов прислали из партийного комитета, электрическое освещение устроили бы в вагоне, как в дальних поездах, — допытывался Постышев.

— Просим ожидалки на полустанках устроить теплые. Зимой приходится на платформах прыгать, чтобы не застыть.

— Павел Петрович, я проводника спрашивал, нам нужно сходить на следующей, — предупредил Фурер.

— Ну, товарищ пропагандист, — когда тронулся поезд, произнес Постышев, оглядывая платформу, на которой торчал лишь одинокий керосиновый фонарь, — что скажешь?

— К тому, что слышали, добавить нечего. — Марченко был раздосадован. — Не сумели мы наладить агитрабoту в поездах. Решение окружкома по поводу обслуживания поездов было громким, а все свелось к тому, что проводникам дали несколько досок с шашками и домино. Партийную пропаганду нужно как-то по-иному строить.

Марченко произнес последнюю фразу с явно вопросительной интонацией, закурил, выжидая, что скажет Постышев.

Постышев молчал, вглядываясь в степь.

— Ага, вон и нагла лошадка, — показал он Фуреру рукой в сторону шляха, по которому, как раскаленные сошники, бежали два синеватых луча.
— Как перестраивать пропаганду, с маху не решить. Пусть твои инструкторы поездят, посмотрят, как хорошие пропагандисты работают, что люди от них ждут, что получают. Пока мы собираемся перестраиваться, Гнат Маркович агитирует.

1928 год, декабрь

Вчера видел Постышева в цирке с целой гурьбой ребят. Они оттиснули его в самый угол ложи. Рассказал об этом в редакции, а Люда, сотрудница отдела писем, живущая в одном доме с Постышевым, говорит: «Это уж так заведено. Если у Павла Петровича выдалось свободное время, собирает всех ребят со двора и отправляется с ними в цирк или в кино».

Сценарий готов. Луков утверждает, что его можно ставить, но советует показать Довженко, как только Александр Петрович приедет из Киева.

Довженко мы, все газетчики Харькова, хорошо знаем.

Он работал карикатуристом в газете «Вести». Он демократичный человек, для него нет ни рангов, ни должностей. Умеет и любит рассказывать. Я с Луковым бывал у Довженко в комнате, которую он занимал вместе с журналистом Мельником. Довженко называл комнату «меджлисом». В ней все усаживались на ящиках, уставленных вдоль стены. На этих же ящиках спали хозяева.

Довженко ушел из газеты в кино. Сейчас, после всемирного успеха «Звенигоры», он один из выдающихся мастеров. Другому бы мастеру я не показал сценарий, но к Довженко пойду без робости. Если и обругает, то поделом. Но одновременно посоветует, как работать.

ТАЙГА ПАРТИЗАНСКАЯ

Сценарий

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Борис Шумяцкий — старый большевик. Энергичный, рослый, красивый. Отличный оратор. Первый председатель Совета депутатов Сибири — Центросибири.

Павел Постышев — член партии с 1904 года, высланный в Сибирь на вечное поселение, друг Фрунзе, и его ученик. Строгое лицо, приветливый, внимательный взгляд, сосредоточен, спокоен, резок и прям.

Татьяна Постоловская — партийный работник, жена Постышева. Активный деятель партизанского подполья.

Иван Шевчук — командир первого Тунгусского партизанского отряда,

бывший грузчик Хабаровского порта.

Демьян Бойко Павлов — рабочий хабаровского «Арсенала». В годы гражданской войны командующий приамурской группой партизанских отрядов.

Иван Дубовой — прапорщик, сын старого донбасского большевика. Военный руководитель первых красногвардейских отрядов в Иркутске.

Сергей Лебедев — большевик, подпольщик, типографский рабочий. Высокий, худой, внешне застенчивый. Загорается, беседуя с людьми. Руководитель иркутской Красной гвардии, любимый товарищ Постышева.

Церетели — меньшевик, оборонец, оратор с манерами адвоката.

Сергей Лазо — руководитель красногвардейских отрядов в Восточной Сибири, затем партизанского движения на Дальнем Востоке.

Василий Блюхер — бывший металлист, герой Перекопского штурма, командующий Дальневосточной народной армией.

В эпизодах рабочие — железнодорожники и шахтеры, солдаты, красногвардейцы, партизаны, сибирские, амурские казаки.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ — 1917–1922 ГОДЫ, ИРКУТСК, ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ, ХАБАРОВСК, ПРИАМУРЬЕ.

I

Мартовский день. По улицам Иркутска проходят солдаты запасного полка. У магазинов хвосты очередей.

Вздымая шлейф снежной пыли, мчится полицейский офицер.

У главного почтамта, поставив стремянку, чинит фонарь электрического освещения угрюмый сутулый молодой рабочий.

— Товарищ Постышев, — окликает его эсер Арсеньев. — Какая весть! — Арсеньев размахивает телеграммой.

Он обнимает всех входящих в почтамт, сует им телеграмму, потом подбегает к Постышеву.

— Свершилось! — ликует Арсеньев. — Отныне мы граждане свободной России. Да здравствует свободная Россия! Ура!..

Арсеньев уже окружен толпой. Кто-то подхватывает его «ура», запекает: «Отречемся от старого мира».

Арсеньев бежит навстречу взводу маршевиков, в полном снаряжении идущих на погрузку, кричит прапорщику:

— Прощу вас, господин прапорщик, остановите солдат. Какая весть! Николай Второй уже не царь, ребяташки! Отрекся!

Параллельно со взводом образуются колонны.

— Знамя, знамя! — кричит кто-то.

Двигается по улице толпа; кто-то уже успел вознести над нею лоскут кумача. Впереди бежит Арсеньев, кричит, обнимает прохожих.

Постышев неторопливо складывает стремянку и идет по улице рядом с колонной.

В небольшой комнатушке полно народу. За столом сидит Постышев. Над ним на простом куске картона надпись: «Председатель рабочего комитета электростанции товарищ Постышев».

Постышев о чем-то беседует с рабочими.

Большой зал городской думы. На импровизированной трибуне оратор. Он говорит темпераментно, закидывая голову, подражая Керенскому, держит правую руку за бортом френча. В зале шум. Оратор выкрикивает:

— До победного конца! До разгрома немцев!

Он сходит с трибуны под шум оваций.

Председательствующий меньшевик Церетели произносит:

— Кто за отправку маршевых рот на фронт?

Вздываются руки. Почти весь зал голосует за предложение председателя.

— Кто против?

Поднимается лишь несколько рук. Поднимает руку Постышев, сидящий рядом с ним типографский рабочий Сергей Лебедев, старый большевик Гаврилов, представители депо, обозного завода.

Выходят из помещения депутаты городского Совета. Кто-то подходит к Постышеву.

— Значит, будем воевать до победы?

— Да, будем воевать до победы Правды, — говорит Постышев и присоединяется к группе представителей депо.

Прибывает в Иркутск первый пароход. С него сходят люди, обросшие, исхудалые, изможденные, но с весенней радостью в глазах. Их встречают Постышев, Сергей Лебедев, Гаврилов; они по-братски обнимают друг друга.

Это первые политические ссыльные из Якутии.

В эти летние дни Иркутск становится городом митингов. Они возникают то на пристани, то на вокзале, то просто на улице, на плацах

солдатских казарм, в аудиториях учебных заведений.

На митингах мы видим то Церетели, то пламенного Богграда, то эсера Арсеньева, то старого подпольщика Гаврилова, то Постышева.

После прихода каждого нового парохода на трибунах появляются большевики, отбывавшие ссылку в дальнем Якутске, за Полярным кругом, в тайге. Они выступают в депо, среди речников, на Слюдяной фабрике. Они непреклонны в своем стремлении к миру. Они несут людям слова Ленина — несут, как немеркнущие факелы.

В одной из комнат городской думы Иркутска уже несколько часов подряд заседает объединенный комитет социал-демократов. Туман плывет от табачного дыма по большой комнате с беспорядочно расставленными стульями. Председательствующий не в силах унять людей, перебивающих оратора, спорящих друг с другом.

Постышев поднимается с места, перекрикивает всех своим надсаженным, немного сипловатым голосом:

— Мы не откажемся от своего требования пересмотреть список кандидатов в Учредительное собрание. Мы настаиваем, чтобы из него исключили Церетели. Мы не должны посылать соглашателей и оборонцев в это собрание.

— Кого прикажете послать? — срываясь со стула и наступая на Постышева, кричит грузный волосатый мужчина. — Это диктат! Группа Шумяцкого раскалывает нашу организацию. Я ставлю вопрос...

— А мы уже давно решили вопрос, — уверенно отвечает Постышев. — Послать в Учредительное собрание представителя большевиков. С теми, кто нас не поддерживает, мы работать не намерены.

В августовские дни в Иркутск съехались представители тридцати шести предприятий. В доме профессиональных союзов собрались председатели рабочих комитетов. Они разрабатывают наказ рабочих-делегатов.

Председательствующий на конференции меньшевик Патлых обращается к конференции:

— Знакомы с проектом, разработанным Союзом Союзов?... Значит, приступим к голосованию. Есть предложение принять проект полностью.

— Голосовать еще рано, — раздается голос.

— У вас есть возражения против отдельных пунктов? — спрашивает настроенно Патлых. — Потом мы будем обсуждать их после голосования

в целом.

— А его и не следует голосовать в целом, — поднимаясь из рядов, говорит Постышев и направляется к трибуне.

— Вы просите слово, товарищ Постышев? — недовольно произносит Патлых. — Нужно уважать порядок ведения.

— Я требую слова от имени электриков, — говорит Постышев, уже подходя к трибуне.

— Слово предоставляется председателю рабочего комитета Иркутской электростанции товарищу Постышеву, — говорит Патлых и многозначительно добавляет, взглядываясь в зал, — члену большевистской фракции.

— Нет большевистской фракции — есть партия большевиков, — говорит, уже стоя на трибуне, Постышев. — И по поручению большевиков Иркутска я заявляю, что наказ, составленный Патлых и его сотрудниками, придется по душе предпринимателям. А рабочий класс требует другого. Я прочту наказ, который дал нашей рабочей делегации коллектив рабочих электростанции.

Железнодорожная школа на окраине Иркутска. Небольшой зал не может вместить всех желающих. Собрались иркутские большевики.

За столом президиума Шумяцкий, Боград, Вайнбаум, Окулов, Белопольский.

Железнодорожники хорошо знают всех этих людей.

Борис Шумяцкий начинает доклад:

— Я вернулся в конце сентября из Петрограда по заданию Центрального Комитета партии с точным ленинским указанием — вся власть в государстве должна перейти к Советам. Ее нужно брать не упуская времени. Брать — ломая силой силу врагов Советов.

Аплодисменты не дают продолжать оратору.

— Ваши овации говорят о том, что иркутская организация идет за Лениным, — наконец, выждав, когда овации закончились, продолжает Шумяцкий, — за Лениным идет Иркутский гарнизон. И мы все понимаем, что близятся дни, когда организация должна решить самые важные задачи.

Переглядываются сидящие за столом Постышев, Сергей Лебедев, Гаврилов, молодой бородатый военный в форме прапорщика Дубовой; каждый из них вспоминает недавний вечер, когда Шумяцкий на небольшом собрании иркутской военной большевистской организацией докладывал о своей поездке в Петроград.

И всплывают четкие, незабываемые слова ленинских указаний — готовиться к вооруженному восстанию.

Станция Иркутск забита воинскими эшелонами. На перроне, вокзальной площади толпы солдат, «проголосовавших ногами за мир», возвращающихся с фронтов.

Возле одного из эшелонов удивленно остановился смазчик Иван Павлович Артемьев. Стоит и не сводит глаз с рослого, бравого прапорщика, на груди которого четыре георгиевских креста.

Прапорщик, улыбаясь, смотрит на смазчика.

— Долго узнаешь, Иван Павлович, — говорит он.

— Да неужели Шевчук?! — радостно восклицает смазчик. — А я смотрю — плечи те же. Хоть сейчас «крюк» на них вешай! А на плечах погоны.

Они крепко обнимаются.

— Что, родственника встретил, Иван Павлович? — спрашивает другой проходящий смазчик Артемьева.

— Старый родственник, — смеется прапорщик. — Не один пароход вместе в Хабаровске разгрузили.

Расстаются на вокзальной площади Иван Павлович Артемьев, смазчик, и Иван Павлович Шевчук, прапорщик.

— Ты это письмецо посмотри до отъезда, Ваня, — говорит Артемьев Шевчуку, — и выбери минутку, загляни по адресу. Где рабочий комитет электриков, тебе скажут. А Постышева сразу узнаешь — сухой, костлявый, лицо у него суровое. Наш человек.

В комнатухе профсоюзного комитета электриков Постышев беседует с прапорщиком Шевчуком.

— В Хабаровске у нас есть товарищи. Там найдете Бойко-Павлова, он работает на Арсенале. Найдете Мухина — старого большевика. После фронта вам отдохнуть нужно было бы, но дела такие, что совесть не позволит отдыхать. Нам нужны командиры для отрядов Красной гвардии. Вы член партии?

— На фронте в марте вступил, — отвечает Шевчук. — После того, что вы рассказали, отдыхать не придется.

Шевчук пожимает руку Постышеву, собирается уходить. В комнату заглядывает артиллерийский фельдфебель, вынимает из-за обшлага шинели письмо.

— Смазчик какой-то дал на станции. Мы почитали и решили зайти

поговорить.

— Хорошо решили. Садись, служба, потолкуем, — говорит Постышев, протягивая пачку папирос. — Товарищ прапорщик из вашего эшелона?

— Это пехота, а мы — пушкари, — поясняет фельдфебель, усаживаясь на стул и раскуривая папиросу.

В городском цирке митинг солдат.

На манеже представитель эсеров Арсеньев. Он говорит красочно, потрясая руками, как будто бы призывая массы людей к какой-то атаке. Он читает текст резолюции, одобряющей продолжение войны.

Цирк сотрясается от гула простуженных, прокуренных, вылуженных ветрами глоток:

— Хватит!

— Кончай болтать.

— Повоюй сам!

— Завоевали кресты на кладбище...

Размахивая листом с текстом резолюции, Арсеньев призывает голосовать.

В цирке поднимается несколько рук, не больше двадцати.

Выступает представитель иркутских большевиков.

Он говорит коротко:

— Большевики предлагают прекратить войну, прекратить бойню и распустить армию. Народ хочет мира. Кто за мир, за предложение нашей партии, за резолюцию Ленина, за Советы?

Более двух тысяч солдат, как по команде, поднимают руки.

Центральная площадь Иркутска. На ней выстроились необычные воины — рабочие, кустари. Они в куртках, фуфайках, полушубках. Винтовки у одного на ремешке, у другого на веревке, у третьего просто на кушаке.

Перед строем этих вооруженных людей стоит Сергей Лебедев — большевик-подпольщик, типографский рабочий. Он напряженно рассматривает ряды красногвардейцев. Одним советует поправить винтовку, другим показывает, как стоять в строю.

Из здания ревкома выходит Постышев.

Сергей Лебедев подает команду «смирно». Замирают ряды красногвардейцев на площади.

Метет поземка. За городом рабочие обозных мастерских,

железнодорожники, металлисты, булочники изучают приемы рукопашного боя, занимаются строевой подготовкой.

Молодой бородатый прапорщик Иван Дубовой и поручик Дмитриевский обучают красногвардейцев.

Резиденция комиссара Временного правительства в Иркутске. Роскошно обставленный зал. За дубовым столом представители эсеро-меньшевистского комитета спасения революции. На диванах высшие офицеры штаба округа.

Высокий, сухощавый, с модными нафабранными усами комиссар Временного правительства Пирогов заканчивает свое выступление:

— Пора покончить с двоевластием. Час пришел. Этот их трибун Шумяцкий уже стал главкомом Сибири. Он предписывает нам распустить школы юнкеров.

— Согласен, — произносит полковник Самарин, грузный, медлительный. — Все рассчитано. В арсеналах есть оружие. Юнкера и офицеры рвутся в бой.

Сибирский купец Второв заявляет:

— Мы откроем все амбары и склады для нашей армии-освободительницы.

В «Белом доме» на берегу Ангары, ставшем домом Советов, 8 декабря начался обычный день.

Член военно-революционного комитета Постышев, председатель Центросибири Шумяцкий, начальник Красной гвардии Сергей Лебедев и другие работники Исполнительного комитета принимали рабочих.

Никто не обратил внимания на то, что к «Белому дому» подошел отряд юнкеров.

Они остановились у входа в дом, как будто готовясь к разводу караулов.

Красногвардеец удивленно смотрит на юнкеров, раздается выстрел. И уже во всех концах города стрекочут пулеметы, частит ружейная дробь.

Постышев, Лебедев, Шумяцкий вместе с сотрудниками и красногвардейцами баррикадируют входы в дом, открывают огонь по юнкерам.

По железной дороге мчится воинский эшелон.

В классном вагоне сидит Сергей Лазо, пишет письмо.

— Товарищ командующий, — отрывает его от письма матрос, перепоясанный пулеметными лентами, — подъезжаем к Иркутску.

Кажется, успели: в городе еще пальба идет.

Разгружается эшелон. Сергей Лазо стоит на подъездных путях, выслушивает объяснения связного.

Пожилой солдат-сибиряк в промерзшей шинели:

— Вот как город кончился, сразу женская гимназия. «Гайдук» ее зовут. Там штаб Девятого стрелкового. Товарищ Шумяцкий там.

Понтонный мост через Ангару. На городского берегу в окопах и за домами расположились юнкера.

На привокзальном берегу части Красной гвардии, прибывшей из Красноярска, солдаты Девятого полка.

Не затихает перестрелка.

Сумерки.

Снова разносятся гулкие выстрелы. Юнкера идут в атаку. Змеи их цепей охватывают понтон. Но шквальный артиллерийский огонь рассеивает наступающих.

Резиденция комиссара Временного правительства в Иркутске. Командующий округом Самарин, усталый, опухший от бессонницы, глубоко опустил в кресло. Он не сводит глаз с плана города на стене. На плане красные стрелы вонзаются в городские улицы, красный пунктир пробегает по площадям и церковным дворам. Самарин диктует адъютанту текст донесения:

— «Восьмой день в Иркутске продолжаются сражения... В сражении участвуют регулярные войска и Красная гвардия. Город простреливается артиллерией и пулеметами. Государственный банк, телеграф сожжены, целые кварталы, склады разбиты, жертвы пока не поддаются учету. Всякий смысл сражения утерян».

Отряд красногвардейцев врывается на берег Ангары, стремительно сбивает охрану юнкеров, прорывает их цепь. Завязывается рукопашный бой. Лазо среди атакующих. Отступают юнкера, из «Белого дома» выбегают красногвардейцы, советские сотрудники с черными от голода и холода лицами, люди, пережившие многодневную осаду.

Кабинет командующего Иркутским округом. В нем темно, на столе горит только одна керосиновая лампа. По одну сторону стола — командующий округом, офицеры, Арсеньев, меньшевики.

По другую — Борис Шумяцкий, Сергей Лебедев, Павел Постышев, — красногвардейцы, обросшие, измученные бессонными ночами осады в «Белом доме».

— Мы вместе звенели кандалами на каторге, — поднимаясь из-за стола, патетически произносит Арсеньев. — Зачем же нам сейчас враждовать, товарищ Постышев?

— Затем, чтобы не было новой каторги для миллионов людей, — говорит Постышев. — Но речь сейчас не об этом. Мы предлагаем заключить перемирие.

— Только при одном условии! — неистово кричит кто-то. — Если будет создан коалиционный совет.

— Это всякой твари по паре, — возмущается Сергей Лебедев.

— Мы согласны, — жестом останавливая его, произносит Постышев. — Решающее слово скажет народ... Он рассудит, кто прав.

На станции Иркутск разгружается эшелон шахтеров из Черемхова. Их встречают Борис Шумяцкий, Павел Постышев, Сергей Лебедев.

Со станции батальоны красноярцев и черемховцев расходятся по городу.

Батальон рабочих подходит к дому главнокомандующего военным округом, окружает его. Несколько человек входят в парадное.

— Очистите помещение, господа, — произносит бородатый рабочий с винтовкой на плече, входя в зал, где Арсеньев беседует с офицерами и какими-то людьми в гражданском платье.

— Сейчас начнется заседание коалиционного совета! — возмущенно кричит Арсеньев. — Кто вас послал сюда?

— Надоела коалиция, — говорит рабочий, садясь в кресло у окна, — нужно настоящую власть устанавливать.

Штаб советских войск в помещении бывшего офицерского собрания. Лазо и Шумяцкий сидят за столом. Лазо что-то размечает на карте города.

— Там из корпуса пришли иностранцы, — докладывает вестовой, входя в штаб.

— Какие иностранцы? — недоумевает Шумяцкий. — Зови сюда.

Входят консулы восьми государств, представленных в Иркутске.

— Мы пришли предъявить требование новым властям, — с апломбом заявляет один из консулов по-французски.

— Мы выслушаем ваше требование, — по-французски же отвечает Лазо.

— Должна быть обеспечена неприкосновенность жизни, имущества, свобода подданных нашего государства.

— Все, что установлено советскими законами, мы будем соблюдать, — говорит твердо Лазо. — Но мы требуем выдать Самарина, Иванова, Скипетрова, Никитина, других мятежников. Они скрываются в ваших консульствах.

В мастерской электростанции у верстака сгрудились электрики. На верстаке разостлан «Летучий листок Сибири». Кто-то громко читает:

— «Вся полнота власти в городе Иркутске, губернии, области переходит к Иркутскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири».

Иркутск в метелях. Над «Белым домом» красное знамя с серпом и молотом. Через всю улицу большой красный плакат: «Да здравствует Второй Все-сибирский съезд Советов!»

В губернаторском дворце забиты все коридоры. Депутатами съезда, рабочими, служащими с иркутских предприятий.

В зал невозможно протиснуться.

На трибуне Шумяцкий. Он заканчивает свое выступление:

— Мы, левые коммунисты, решительно возражаем против заключения Брестского мира. Мы изложили свои условия. И от них не откажемся.

По снежной улице Иркутска бежит мальчишка с пачкой газет. «Левые коммунисты против Брестского мира!» — выкрикивает он на ходу.

В электромастерской группа рабочих столпилась у верстака, кто-то читает вслух газету.

Его останавливает пожилой электрик, спрашивает:

— Постышев тоже против Бреста голосовал?

— Постышев был за Брест. Но за Шумяцкого большинство проголосовало.

Так желюдно и шумно в здании, где проходит Второй съезд депутатов Сибири, — в губернаторском дворце.

— Про что бают? — спрашивает низкорослый, с острой бородкой

мужик, входя в коридор, примыкающий к залу. Мужик весь заиндевел, он растирает окоченевшие руки.

— А ты откуда, дедко? — спрашивает молодой рабочий. По синим шрамам на лице в нем легко узнать шахтера. — Депутат или нет?

— Сын у меня в депутатах здесь, — говорит мужик, — мы из Тулуна. Поехал сразу после крещения, а уже и март идет — его все нет. Все заседает. Чего только обговаривают?

— Про мир, старина, говорят. Ты за Брест или против Бреста? — спрашивает мужика высокий красивый солдат в шинели, с пятиконечной звездой на папахе.

— Крестьянство всегда за мир. С той поры как землю бог создал, — отвечает мужик.

— Ну, иди послушай. Может быть, сына услышишь, — советует шахтер.

С трудом протискивается мужик из Тулуна в зал. На трибуне Постышев.

— От имени фракции большевиков вторично требую поставить на обсуждение вопрос о Брестском мире, — говорит Постышев, — и отменить решение, принятое две недели назад по докладу товарища Шумяцкого. Мы должны поддержать Брестский мир. Мы должны поддержать Ленина. Ленин — это правда.

Шумит, рукоплещет зал. Кто-то старается перекричать шум.

— Голосую резолюцию, предложенную товарищем Постышевым, — говорит председатель собрания.

Он смотрит на зал: только несколько человек не подняли руки.

Мужик из Тулуна, толкая своего соседа, спрашивает:

— А Ленин за этот Брест?

— Слышал, что говорят? — не обращая внимания на соседа, поглощенный тем, что происходит в зале, говорит сидящий рядом с мужиком большой, крепкий мужчина в тужурке пароходного механика. — За Брест.

— Коли так. — Мужик из Тулуна поднимает руку.

Станция Иннокентьевская. Подъездные пути забиты эшелонами чехословаков.

На перроне генерал в окружении штаба нервно поджидает кого-то. Из небольшого здания вокзала выходят Сергей Лебедев и работники штаба

иркутской Красной гвардии.

— По предложению революционного правительства города Иркутска мы требуем прекратить накопление эшелонов в районе Иннокентьевской, — говорит Сергей Лебедев и протягивает генералу вынутый из обшлага лист бумаги.

Кабинет в Иркутском ревтрибунале, ярко освещенный весенним солнцем. Постышев беседует со следователями. Входит вестовой.

— Товарищ председатель, там пришел какой-то Константиновский. Пропускать или нет?

— Пропускай, — приказывает Постышев. — Вождь иркутских меньшевиков.

Появляется Константиновский.

— Я хотел бы побеседовать с вами с глазу на глаз.

Следователи поднимаются, уходят.

— Павел Петрович, вы испытанный революционер, — говорит Константиновский, — вы должны понять, что страна развалена. Я говорю с вами прямо как социал-демократ. Советы не пользуются популярностью.

— У вас? — обрывает его Постышев.

— У всех, у сибирского населения, — горячится Константиновский. — На нас наступает голод. Нужно создать демократическое правительство, и тогда союзники дадут нам все: кредиты, хлеб, железо.

— А ведь то, о чем вы говорите, не ново, — поднимаясь из-за стола, произносит Постышев. — Мы это слышали от Церетели. Продавать свои убеждения за обмотки и похлебку не думаем.

— Чешские эшелоны движутся к Иркутску! — испуганно кричит Константиновский. — Они будут хозяевами положения!

— Хозяином положения был и останется рабочий класс.

Штаб Красной гвардии. Усталые люди, плотно окружив стол, слушают доклад Сергея Лебедева. Из полумрака комнаты выходит сонный, обрюзгший Борис Шумяцкий.

Все пристально смотрят на него.

Шумяцкий обводит взглядом своих товарищей и неторопливо, сосредоточенно произносит:

— Необходимо оставить город. Мы не можем жертвовать людьми. У нас слишком малые силы. Оказать сопротивление чешскому корпусу мы не сможем. Таково решение Центросибири. Есть предложение эвакуировать части на Дальний Восток. В Хабаровске на днях открывается съезд дальневосточников — съезд Советов Дальнего Востока. Центросибирь

рекомендует направить Постышева.

Будто вымер Иркутск. На улицах ни души. Тишина. Лишь где-то прозвучат выстрелы. И снова безмолвие.

К вокзалу через понтон едут всадники — красноармейцы-мадьяры. Во главе их Постышев.

На берегу Ангары отряд ожидают женщины с детьми. Они безмолвно просят красноармейцев взять их с собой.

— Под огонь вас не возьмем, — говорит Постышев женщинам. — Мы еще вернемся.

II

Николаевск-на-Амуре. По реке плывут первые желтые листья.

Город замер. Пройдите по улицам и не встретите ни одного человека. Только увидите, как, притаившись, прильнув к оконницам, горожане смотрят за тем, что происходит на пристани. Только что причалили две японские канонерские лодки. Сброшены сходни. Идет высадка первого десанта. На пристани японский поручик, окруженный казацкими офицерами, наблюдает за высадкой десанта. Возле него амурский казак с большим блюдом, покрытым полотенцем с петухами. На полотенце хлеб и солонка с солью.

Маршевым бегом проходят по пристани японские солдаты.

Город замер. Город безлюден.

Августовский полдень. Станция в тайге. Солнце золотит вывеску: «Борзя». На пустынном перроне сторожевой — амурский казак. Прибывает товарный поезд, останавливается хвостовым вагоном напротив вокзала. С заднего тормоза сходит обвешанный фонарями, навьюченный сумками кондуктор.

— Чего там у нас на Дальнем? — спрашивает казак.

К нему подходят высыпавшие из вокзала другие казаки.

— Поди да посмотри, — машет рукой кондуктор. — Вы тут чалдонок потешаете, а там к вашим бабам микат на постой поставили. Японцев.

Молодой казак с серьгой в ухе, побагровев от злости, кричит через голову своим товарищам:

— Говорено, домой нужно подаваться! Даурцев нам нечего стеречь. Нужно свои места защищать. Чего ждать? Пока япошки там приплод оставят...

Его голос тонет в выкриках, в шуме, в ругани.

Зал хабаровского Народного дома. Над сценой кумачовое полотнище «Да здравствует V съезд трудящихся Дальнего Востока!». Рабочие, служащие, военные, люди разных возрастов, национальностей заполнили не только зал, но и проходы между рядами, сгрудились у дверей.

На трибуне председатель Дальневосточного Совета народных комиссаров медлительный Краснощеков.

— Мы должны поступить разумно. — Он всматривается в зал и после долгой паузы поучительно произносит: — Оказывать сопротивление сейчас нам нечем.

Кто-то из зала выкрикивает:

— Лазо заставил Семенова убежать из Читы!

— Это удача, — продолжает Краснощеков. — Я настаиваю на роспуске красногвардейцев по домам.

Зал шумит. Одни рукоплещут, другие кричат, многие срываются с мест.

На той трибуне, где только сейчас выступал Краснощеков, Постышев.

— Нужно принять все меры для того, чтобы остановить наступление, собрать силы. Это точка зрения Центросибири.

— Кого останавливать, все разбежались! — раздается выкрик.

— Вам хорошо наблюдать от Центросибири! — ехидно кричит кто-то из зала. — Обратный билет в Москву куплен?

— Я останусь вместе с дальневосточниками, — говорит Постышев, — и подчинюсь решению съезда.

Идут по таежным перегонам воинские эшелоны. Из окон товарных вагонов, из-за дверных перекладин выглядывают казаки. На дверях иных вагонов размашистые надписи: «На Амур», «Своих защищать станем».

Станция Шмаково. Вдоль дороги высокая стена тайги. Над ней белые главы монастыря. Они кажутся невесомыми и синеватыми в ночной полумгле. Неподалеку от монастыря на станции за выходным семафором остановился воинский эшелон. Он похож на табор. Стоят возле вагонов церковные подсвечники, горят огромные свечи. Бочки с медом, прямо на рельсах разложены костры. Возле них пьяные, остервенись, дуются в очко.

Из ночной мглы выходит Постышев. С ним несколько красногвардейцев. Постышев проходит мимо сидящих на рельсах партизан, приказывает подняться. Приказывает властно. Пьяные люди вдруг

начинают подчиняться, идут к вагонам. Сопровождающие Постышева красногвардейцы расшвыривают костры, за шиворот поднимают картежников. Уже все стоят возле вагонов.

Постышев приказывает: командирам рот выстроить личный состав и доложить ему.

Короткая пауза.

Вдоль вагонов начинают выстраиваться роты. Командиры рот подходят к Постышеву, докладывают о построении.

Постышев приказывает:

— Возле вагонов выставить дневальных. Зачинщиков пьянки направить немедленно в Особый отдел. Выделить команды и начать рыть окопы вокруг станции. Всех паникеров и мародеров будем расстреливать на месте.

Станция Урульга. Яркий августовский день. Салон-вагон. Штаб командования войсками Дальневосточного Совета народных комиссаров. У карты Дальнего Востока, расклеенной на стене салона, стоит Лазо, командующий Забайкальским фронтом. Он докладывает представителям партийных, советских и военных организаций о фронтах на Дальнем Востоке. Их множество — от Читы до Владивостока. Карандаш Лазо очерчивает район Забайкалья, Приамурья, берег Уссури.

— ...нет оружия, нет боеприпасов, нет продовольствия. Двадцать пятого — двадцать восьмого августа 1918 года Пятый чрезвычайный съезд трудящихся Дальнего Востока принял решение прекратить фронтовую войну, перейти к партизанским методам работы, — докладывает Лазо. — Мы выполнили свой долг. Выиграли время, чтобы распустить боевые части. Бойцы разойдутся по домам, но борьба будет продолжаться.

Эшелон останавливается на станции Волочаевка. Из воинского вагона выходят Постышев с женой — Постоловской. У нее в руках небольшой чемодан. Эшелон трогается. Двое одиноких людей на перроне. Вокруг пустынная равнина. Где-то вдали за сопками тайга, неподалеку от станции река.

Вечерняя заря плавится в реке. Вдоль берегов таежные чащобы. Пусто. Безлюдно.

На лодке плывет Постышев с женой.

Городской сад в Хабаровске. Шумно, весело, нарядно.

Казачьи офицеры, солдаты, фланирующая публика.

В летнем кафе на эстраде военнопленные мадьяры-трубачи. Они играют свои пушты — древние пляски Венгрии.

Вдруг на середину зала выбегает пьяный хорунжий, вынул клинок и, взметывая его над головой, кричит:

— Встать! Музыканты, «Боже царя храни»!

Мадьяры поднимаются, как и весь зал, но перестают играть.

— Играть!.. Играть!.. Играть! — разноголосо визжит, ревет и неистовствует публика в кафе. Люди в офицерских мундирах, кокотки, дамы, гимназистки, чиновники.

— Мы не умеем играть «Боже царя храни», — подходя к рампе эстрады, говорит пожилой трубач.

— А большевикам «Интернационал» играли?! — кричит, багровея, полковник, стоящий у столика почти рядом с оркестром. — Им умели играть?

— Что с ними церемониться! Расстрелять мерзавцев! — вырываясь к эстраде и стаскивая трубача с нее, кричит казачий офицер. — Здесь же расстрелять, в саду! Чтобы знали, как якшаться с большевиками.

Окраина Хабаровска. Ночь. Силуэты людей, копающих братскую могилу — ров. Избитые, изможденные люди опираются на лопаты, чтобы передохнуть. Конвоиры и казаки избивают их прикладами, нагайками.

Деповский поселок в пригороде Хабаровска. По улице скачет взвод карателей. Казаки лихо спешиваются у какого-то домишки, окружают его, крушат прикладами дверь. Кто-то выволакивает во двор женщину. Из погреба вытаскивают пожилого обросшего человека, сбивают его с ног прикладами, обыскивают, связывают и уводят с собой.

В деревню влетает казачий отряд. Над ним штандарт с волчьей челюстью на черном фоне. Отряд останавливается у избы. Несколько казаков спешиваются, врываются в дом. Выволакивают дряхлого старика, бьют его.

Казачий отряд рассыпался по селу. Казаки стучат в избы, не слезая с лошадей, кричат: «Выходи на сходку!»

Идут на сходку старики, бабы, подростки. Возле каждой группы всадники.

На площади выстраивают всех мужчин в шеренгу. В селе остались

только старики и подростки.

— Мужики в партизаны ушли?! — злобно кричит пожилой офицер в английском френче. — Рассчитать по два! — приказывает он уряднику.

— На первый-второй рассчитайсь! — угодливо кричит урядник.

— Первые номера, шаг вперед. Шагом марш! — приказывает офицер.

Ошеломленно шагнули вперед первые номера и застыли.

— К пальбе — товсь! — приказывает урядник.

Бредут по падам, урочищам голодные, оборванные люди, откапывают корни, чтобы чем-то поддержать силы. Бредут, отыскивая вожаков.

Глянцевеют наметы снега под мартовским солнцем. По таежной тропе идут охотники, сторожко вслушиваются в шум тайги, всматриваются в чащобу ее.

Из-за деревьев показывается заимка. Высокий вопросительно смотрит на своего бородатого спутника; тот молча кивает головой. Они проходят к заимке.

Бородатый останавливается у распахнутой двери, легонько свистит и, кивнув головой своему спутнику, заходит в заимку.

Тесно в лесной заимке. Сквозь сизые волны махорочного дыма плывут лица рабочих хабаровского «Арсенала», украинцев из переселенческих сел, гольдов, нанайцев, китайцев.

У печи за столом рабочий хабаровского «Арсенала» Бойко-Павлов, Зубков, Кочнев, Истомин, Изотов и другие партизаны.

— Нужно объединить все отряды, — говорит пожилой рабочий Кочнев, не поднимаясь из-за стола, — штаб избрать. По-моему, Бойко-Павлов должен всем командовать. А в Вяземскую Сократу и в Архангеловку Шевчуку послать наших людей для связи.

— Оружие нужно доставать, — говорит кто-то из партизан.

— Придется идти на риск, — говорит Бойко-Павлов. — Атаковать где-то калмыковцев с дробовиками. Может быть, трехлинейки раздобудем.

Мчится по дороге подседланная лошадь. К хвосту ее привязан человек. В отдалении на кавалерийской рыси скачет взвод калмыковцев. Гикают, свистят пьяные казаки.

Небольшое таежное село Шаманка. На окраине у самого леса изба с вывеской «Школа». Неподалеку от избы верстовой столб с жестяным

орлом. У орла свернута голова. На указательной дощечке выцветшая надпись: «До Хабаровска 202 версты». Сквозь раскрытые окна виден небольшой класс с некрашеными партами, большие стоячие ученические счеты. Какой-то мальчик пытается дотянуться до верхнего ряда костяшек. Учительница помогает ему передвинуть костяшки. Кто-то входит во двор. Ученики выглядывают из окон. Учительница Постоловская — жена Постышева — выходит на крыльцо, о чем-то говорит с пришедшим, потом выносит ему кружку воды. Она настороженно оглядывает двор. Там у сарая складывает рубленые дрова Постышев. Он еле заметным движением головы успокаивает Постоловскую и подходит к крыльцу.

Постоловская уходит в класс.

Незнакомец, несмотря на жару, в шинели. Постышев вглядывается в него и улыбается глазами.

Незнакомец протягивает кисет с табаком Постышеву. Они скручивают сигарки, о чем-то неторопливо беседуют.

На берегу Амура возле Шаманки разгружается какой-то отряд.

Столпились жители Шаманки на берегу, смотрят на людей, вытаскивающих из лодок нехитрый кочевой скарб, одетых во что пришлось: в шинели, зипуны, пальто, вооруженных берданками и японскими винтовками.

К командиру отряда — рослому, чубатому, обросшему бородой — подходит школьный сторож Тарасов.

— Познакомимся, товарищ командир, — говорит школьный сторож, протягивая руку командиру отряда. — Тарасов. Здесь при школе сторожем.

— Здравствуйте, товарищ Тарасов, — произносит командир отряда. — Шевчук. Так и звали Шевчуком в разных городах, — намекая на что-то, добавляет он после паузы и идет, не выпуская руки Тарасова вдоль берега.

Удивленными взглядами провожают школьного сторожа и командира отряда жители Шаманки и партизаны.

Лесная поляна. Шатром над ней ветви вековых кедров.

Партизанский отряд расположился биваком.

Из глубины леса выходят Шевчук с Постышевым.

Люди, сидящие у таганов, смотрят на Постышева, не скрывая удивления, — в отряде знают друг друга. Откуда, зачем появился этот новый.

Шевчук чувствует на себе взгляды людей, жестом приглашает Постышева присесть к одному из таганов, говорит партизану,

наблюдающему за котлом:

— Уха готова, Вараксин? Угощай нашего комиссара. Зовут его Павел Петрович. Партийный комитет прислал.

Наклонясь к Шевчуку, кто-то из партизан шепчет:

— Это же школьный сторож из Шаманки?

— Знаю, что сторож, — многозначительно говорит Шевчук. — В тайге немало добрых сторожей... Кончим войну, все ясно станет.

Интендантский склад на берегу Амура. В канцелярии склада капитан с младшими офицерами заканчивает завтрак.

Капитан о чем-то увлеченно рассказывает.

Стремительно распахивается дверь, обитая клеенкой. В комнату врываются густые клубы пара.

Капитан что-то выкрикивает и вдруг, побледнев, поднимается, бросается к окну, нажимая на него плечом.

И застывает.

За окном стоят с наведенными в комнату винтовками партизаны.

— Сдать оружие, — приказывает Шевчук, входя в канцелярию. — Ключи от складов — на стол.

— Я не имею права без...

Капитан не доканчивает фразу. Кто-то из партизан сбивает его с ног и кричит младшим офицерам:

— А ну, доставай ключи у начальника! Показывай, где оружие!

Большое таежное село Восторговка. На подъездах к селу, в лесу осматривают всех проезжающих. И не узнать, что здесь происходит подпольный съезд Тунгусской волости.

Самая большая изба в Восторговке забита приезжими, людям нельзя повернуться. За председательским столом — школьный сторож из Шаманки: Постышев.

Крестьяне Тунгусской волости вслушиваются в речь незнакомца, только недавно появившегося в их местах. Постышев рассказывает, как Красная Армия громит колчаковские войска, на школьной карте прочерчивает путь красных войск. А закончив речь, кладет руку на плечо Шевчука, спрашивает:

— Его бойцам помогать будете?

— Поможем своим.

— Сыновья наши у него, — раздается из разных углов избы.

— Хлеб нужно выпекать, сапоги тачать, шубы шить, — продолжает

Постышев. — Голодные и голые не воют. Голосуем, кто за помощь партизанам?

Как одна, поднимаются руки.

В тайге валят лес. Чинят бревна. Плотники ставят большой барак. На бревне уселся рядом со стариком плотником, точащим на камне-дикаре топор, Постышев. Он чертит углем на стесанном камне какой-то план.

Неподалеку Шевчук. Он стоит перед партизанами, держит в руках «лимонку», показывает строю, как снимать кольцо, швырять гранату.

Чадно горят в бараке лампы без стекол. Заиндевели окна. Возле каменки стоят, грея спины, старики партизаны. На лавках вдоль стен сидят парни с листами бумаги на сосновых плахах, старательно пишут под диктовку Постышева.

— «Нужно повернуть оружие против Калмыкова и других наемных убийц», — диктует Постышев.

— Павел Петрович, — раздражаясь звонким смехом, говорит курчавый партизан, почти подросток, — а Савчук к твоему слову свое приписал. Пишет не «против Калмыкова», а «против чертова выродка Калмыкова».

— Эта приписка не помешает, — улыбается Постышев. — Чем острее, тем доходчивее.

Партизаны пишут под диктовку комиссара листовки, агитки.

Стоят перед баракком пленные-калмыковцы, стоят, понуриив голову, со смертной тоской в глазах.

— Чего привел? — кричит старик партизан одному из конвоиров. — Кокнули бы их, христоубивцев, в тайге. Небось они с нашим братом не возьтятся.

Из барака выходит Шевчук вместе с Постышевым.

— Вот, товарищ комиссар скажет, — продолжает старик, — стоило этих хунхузов по тайге водить. Как по-твоему, Павел Петров?

— По-нашему, — Постышев смотрит на Шевчука, — нужно отпустить.

— Отпустить? — раздается несколько возгласов. — Что же убивателей щадить? Они тебя не отпустят, ежели сгребут.

— Мы с командиром посоветовались и решили, что нужно отпустить этих калмыковцев, пусть другим расскажут, что за люди партизаны, с кем они воют, какую правду отстаивают. Пусть себя казнят за то, что пошли против людей труда.

Поздняя ночь. Все уснули в бараке. Только за столом сидят Шевчук, Постышев, рабочий-железнодорожник Кочнев, командир 2-го Тунгусского отряда.

Перед ними нарисованная от руки топографическая карта местности. Сидят командиры, задумались.

— Нужно не выжидать — разгромить базу, — говорит Постышев и пунктиром набрасывает на план маршруты и движения отрядов Шевчука и Кочнева.

Постышев сидит в комнате школы в Шаманке.

Постышев сидит не раздеваясь, он выкроил несколько минут, пришел из отряда навестить семью.

Стремительно распахивается дверь, молодой, обросший до глаз боец без шапки вбегает в комнату:

— Ура! Наши победили! Колчак разбит! Японцы объявили нейтралитет. Отряды из тайги выходят.

Выходят из тайги партизанские отряды. Без опаски идут по морозному лесу.

Радостные встречи, веселые привалы, сытые обеды в родных селениях.

— Павел Петрович, — окружив Постышева, спрашивают партизаны, — раз перемирие, в Хабаровск нужно идти?

— Нельзя, — твердо отвечает Постышев.

— Город-то ведь нашенький, — доказывает какой-то старик партизан.

— Раз перемирие, должны мы в гарнизоне жить. Хватит, поскитались по урочищам, поморозили костушки.

— В город идти — в ловушку лезть, — разъясняет Постышев.

В будке путевого обходчика собрались командиры рот 1-го Тунгусского партизанского отряда.

Шевчук и Постышев терпеливо выслушивают их высказывания. Шевчук нахмурился, изредка переводит взгляд на Постышева.

— В городе уже ревком, — доказывает коренастый, медлительный командир роты, — партийные товарищи там уже живут. А мы тут чего-то выжидаем. От села отстали, к городу не пристали.

— Совет командиров в отрядах Кочнева, Бойко-Павлова решил пока в

город не входить. Иван Павлович и я считаем, что это правильное решение, — доказывает Постышев. — Пока у японцев там еще боевая дивизия, можно ожидать любых провокаций.

Опустела путевая будка. Остались в ней только Постышев и Шевчук.

— Волну нам с тобой не остановить, Павел Петрович, — мрачно произносит Шевчук. — Настроение такое, что не поведем роты в Хабаровск, сами пойдут. Придется вести.

Высыпал Хабаровск на главную улицу. Идут колонны партизан. Впереди рабочие со знаменами. Командир 1-го Тунгусского партизанского отряда Иван Павлович Шевчук впереди своих партизан на большом красивом коне.

Командир держит в руке папаху, кланяется рукоплещущей толпе. Ветер развеивает его чуб, покрытый инеем.

Шумит над тайгой влажный ветер. На Амуре чернеет лед. Идет весна на дальневосточную землю.

Москва. Апрель 1920 года. Народный комиссар по иностранным делам беседует с корреспондентом японской газеты «Осака-Майници» Кафусе.

— У нас нет никаких намерений, — говорит Чичерин, — нарушать мир на Дальнем Востоке. Фактом, свидетельством об этом намерении служит наше решение образовать буферную полосу между Байкалом и Тихим океаном, в которую будет включен и русский Сахалин...

Деревянные казармы на окраине Хабаровска. Перед казармами на плацу занимаются партизаны.

Вдруг дозорный, стоящий у ворот казарм, бьет в подвешенный на перекладине медный стакан, кричит: «Тревога!»

Из казармы выбегает Шевчук, командиры рот поднимают всех «в ружье».

Вокруг казарм, занятых партизанами, рассыпались японцы; они залегли в ложбинах, канавах. Партизаны занимают оборону вокруг казармы.

Штаб японской дивизии. Постышев, Шевчук, Бойко-Павлов, Кочнев и другие командиры партизанских отрядов входят в помещение штаба.

Их встречают японские офицеры.

— Мы ждем объяснения, почему на казармы партизан было совершено нападение, — спрашивает Шевчук представителя японского командования.

— Это происходили тактические занятия наших частей, — улыбается японский офицер. — Они подошли слишком близко к вашим казармам. Ротой командовал молодой офицер.

Безмятежное весеннее утро. Город только начинает свою жизнь.

Вдруг по всему городу открывают пальбу из орудий, пулеметов, ружей.

Шквальный огонь направлен на бывший кадетский корпус, над которым развевается красный флаг.

Отстреливаясь, во главе группы вооруженных матросов Постышев пробегает от квартала к кварталу.

Поздняя ночь. Возле ворот корпуса Постышев пожимает руки матросам:

— Перебирайтесь на левый берег Амура. Передайте, чтобы отступали туда. Я захвачу жену — и за вами.

Постышев крепко запирает двери в квартире. Жена сидит у стола. У нее измученное лицо. Она засыпает, облокотись на руки. Постышев помогает ей добраться до постели.

Утром Постышев и Постоловская просыпаются от грохота сапог. Кто-то бежит по лестнице. Постышев выглядывает в окно. Вокруг дома цепь японских солдат.

— Ты должен выбраться на чердак и скрыться, — говорит Постоловская. — Они сейчас ворвутся сюда.

— Я не оставлю тебя. — Постышев вынимает наган и подходит к двери. — Будем отстреливаться. А для себя оставим два патрона.

Постышев настороженно подходит к окну с решеткой. Из-за занавески видно: идут трое — двое японцев и белогвардеец. Они стучат в дверь комнаты. Потом уходят по лестнице. Снова возвращаются с железным брусом.

Постышев стоит оцепенев и начинает поднимать руку с револьвером в сторону жены.

— Партизаны! — кричит Постоловская.

Постышев подбегает к окну. Партизаны редкой цепью перебегают ко двору корпуса.

Постышев через окно с решеткой видит, как опустела лестничная площадка.

Он открывает дверь, берет под руку жену и выходит из здания.

Левый берег Амура. Артиллеристы отряда Шевчука роют огневые позиции. Шевчук стоит на правом фланге участка и показывает командующему фронтом Серышеву, как будет располагаться артиллерия.

III

Китай. Дайрен. Несмотря на ноябрь, город весь в солнечном сверкании. Старый член партии Ф. Н. Петров, заместитель председателя Совета Министров Дальневосточной республики, вместе с Блюхером прогуливаются по городскому парку.

— Я не мог беседовать с вами, Василий Константинович, в номере. Здесь на каждом шагу японские осведомители — слышат стены, слышат скамейки, слышат полы и потолки. Японцы уже третий месяц настаивают на том, чтобы мы приняли их ультиматум. Семнадцать требований предъявили они. Мы отвергаем все. Сегодня в газетах печатают дифирамбы в ваш адрес. Они надеются, что с вашим приездом конференция, наконец, выйдет из тупика.

— Дифирамбы напрасные, — смеется Блюхер. — Посмотрим, что они напечатают завтра.

На газетных стендах свежие номера дайренских газет. На первой странице портрет Блюхера, под ним надпись: «Рука красного дьявола тянется к Дальнему Востоку».

Блюхер смеется, показывая номер газеты Ф. Н. Петрову:

— Вот это дифирамб!

Декабрь. Заседание народного собрания Дальневосточной республики в Чите. На трибуне Блюхер:

— Ни одно из семнадцати японских требований мы не приняли. По приказу Реввоенсовета я выехал из Дайрена и принял командование Народно-революционной армией. Докладываю коротко: белые заняли Волочаевку в пятидесяти километрах западнее Хабаровска, они на подступах к станции Ин. Я получил указание народного правительства предотвратить отступление наших войск в районе Хабаровска и перейти в решительное наступление. Для оперативного руководства боевыми действиями создан штаб и Военный Совет Восточного фронта. Командующий Серышев, члены Военного Совета Постышев и Мельников. Восточный фронт мы усилим регулярными частями. Степана Серышева вы хорошо знаете. Атаман Семенов до сих пор вспоминает, как Серышев и

Лазо вывели его бандитов из Забайкалья.

Чита. Главный штаб командования Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Комната полевого телеграфа.

Над столом с планшетом оперативной карты склонился Блюхер.

— Товарищ главком, — докладывает дежурный телеграфист, продолжая следить за лентой, — у аппарата командующий Восточным фронтом Серышев.

— Передавайте, — приказывает Блюхер, не отрываясь от карты. — Ускорьте эвакуацию Хабаровска... Но примите все меры для обороны города. Вы совершили крупную ошибку — не прикрыли прочно район Казакевичево. Приказываю...

Блюхер продолжает диктовать приказ, прочерчивая линии на оперативной карте, обводя овалами укрепленные районы, намечая позиции, рубежи:

— К вашему сведению сообщаю, что мной отдан приказ о немедленной погрузке читинской бригады и направлении ее к вам. Нужно разбить перешедшего в наступление противника на станции Ин и отбросить его обратно на Волочаевку. В ближайшие дни я выезжаю со штабом на станцию Ин.

Товарная станция Чита. Лютый мороз. На градуснике пакгауза сорок пять градусов. Грузится эшелон.

За погрузкой наблюдают коренастый спокойный командир бригады Покус и командир группы с монгольским лицом Томин.

Станция Ин под Хабаровском. Салон-вагон командующего Народно-революционной армией Блюхера. В салон-вагоне сидят Блюхер и Постышев.

— Сегодня побывал в ротах, — говорит Блюхер. — Вижу, недовольны партизаны. Один командир говорит: «Рассовываете нас по регулярным полкам. Так хотя бы по роте рассовывали, а то поодиночке». Я им и говорю: «Если рота хорошая, пойдешь с ротой, а если бузотеров много, мы тебя с ротой не оставим».

— Всех бузотеров отсеем, — говорит Постышев. — Стариков и подростков распустим по домам. Партийная организация все сделает, чтобы укрепить дисциплину.

— Необходим смотр войск, — раздумывает Блюхер и выжидательно смотрит на Постышева, — чтобы люди свою силу сами увидели и поняли,

что наступает время дисциплины и порядка.

— Смотр нужен, — соглашается Постышев. — И не только на станции Ин, но и в тех частях, которые в тайге. Там есть батальон Бакутина, боевой. Там бойцы из всех стран Европы.

Вечер. Полуказарма, где размещен штаб партизанской части.

Командир части сидит пьет чай. Входят Блюхер, Постышев, командир бригады Покус.

Командир партизанской части поднимается из-за стола и, кивая на сухари, на колотый сахар, приглашает вошедших:

— Отведайте партизанского чайку.

— Дайте строевую записку! — приказывает Блюхер.

— Какую записку? — недовольно протягивает командир части. — Мы и без записок воевали.

— Строевую, — поясняет Блюхер, — в которой сказано, сколько у вас бойцов, сколько нахлебников.

— Человек шестьсот будет, — озадаченно произносит командир. — В строю человек двести.

— А где остальные? — допытывается Блюхер.

— А кто их знает, — хмуро отвечает после долгой паузы командир.

— Вывести всех, кто в строю, завтра на парад, — приказывает Блюхер.

— Народ воевать пришел, а не парады устраивать, — вдруг резко произносит командир. — Что, мы воевали плохо, Павел Петрович? — с обидой спрашивает он Постышева.

— Воевали хорошо, а будем воевать еще лучше, — говорит Постышев. — Созывай коммунистов. Сейчас мы побеседуем...

Густая таежная ночь. Ярко освещенное здание Народного дома на станции Ин. Вокруг него скопление бойцов Народно-революционной армии.

На большом красном полотнище, протянутом вдоль фронтона Народного дома, размашистая надпись:

«Сегодня делегат X съезда партии товарищ Трегубенков делает доклад о съезде и встрече с нашим вождем Владимиром Ильичем».

Все заполнено в зрительном зале Народного дома. Народармейцы устроились в проходах, на ступеньках, в будке для музыкантов, иные налегли на рампу.

Трегубенков стоит на авансцене. За столом, покрытым красной бязью,

сидят Постышев, политработник Якимов, командующий Восточным фронтом Степан Серышев.

Трегубенков заканчивает свой доклад.

Из зала несутся выкрики:

— Скажи, что про наше положение Ленин говорит!

— Будут помогать нам беляков бить?

— Сколько мы еще дэвээрами будем?

— Владимир Ильич дал нам один совет, — говорит Трегубенков, — быстрее разгромить генерала Молчанова.

Люди в зале встают, кричат, бросают вверх шапки, что-то выкрикивают Постышеву, Серышеву.

— А теперь песенники, чтецы на сцену, — говорит Постышев, поднимаясь из-за стола — Пока вы собираться будете да музыканты будут свои инструменты настраивать, я вам прочту стихи нашего покойного товарища.

— Свои читай! — кричат партизаны. — Давай свои, Павел Петров, про ели!

— Свои потом. Это хорошие стихи. Написал их заместитель председателя Центральной советской власти Сибири — Центросибири, молодой двадцатидвухлетний революционер Федор Лыткин.

*В последний день, в последний раз,
С открытой грудью для ударов,
В тревожный час, в великий час,
Встаем мы, братья коммунары! —*

начинает читать Постышев.

Дальневосточное село Кукан. Обступила его со всех сторон тайга, заслонила от мира. Но село живет напряженно. На площади скопление саней, конных всадников, пеших вооруженных людей.

Морозным полднем в село въезжает кошевка в сопровождении взвода чубатых конников. В кошевке Блюхер и Постышев.

На площадке возле сельской школы под солнечным морозным небом выстроился новый полк. Его пришли приветствовать парни и подростки.

Из школы выходят Блюхер, Постышев, за ними боец со знаменем.

Играет оркестр.

Постышев и Блюхер обходят ряды партизан.

Стоящий рядом с Блюхером и Постышевым на крыльце дома в центре села военный в форме Народной армии объявляет:

— Слово имеет Павел Петрович Постышев, член Реввоенсовета, представитель Дальбюро ЦК РКП (б).

Постышев говорит, указывая на тайгу, на Приамурье, туда, где должны находиться Волочаевка, Хабаровск.

И всем партизанам, знающим в районе каждую лесную тропку, каждую пядь, каждую речушку и сопку, видятся Июнь-Карань и другие сопки на голой, безлесной местности в излучине Амура, там, где в него впадает Тунгуска, неподалеку от станции Волочаевка. Видится, как роют на вершине сопки окопы, как обносят их рядами проволочных заграждений.

Небольшая группа людей, старших офицеров, во главе с генералом Молчановым сопровождает японских и американских офицеров.

Японский офицер в надвинутой на глаза лисьей шапочке, с пушистым дамским воротником на шинели растягивает губы в улыбке.

— Это превосходно, генерал, это дальневосточный Верден. Это могут взять три корпуса. Там, у борсевичов, — японец показывает в сторону Волочаевки, — только одна дивизия. Это мы знаем точно. Японскому командованию известно все, что делается здесь.

Салон-вагон главнокомандующего Народно-революционной армии Дальневосточной республики Блюхера.

На длинном столе разостлана карта-двухверстка. Склонился над ней бритоголовый Блюхер, что-то промеряя циркулем. Напротив него командир бригады, прибывший из Читы, Покус, Постышев в стираной солдатской гимнастерке, молодцеватый красавец Серышев. Они понимают друг друга без слов, внимательно следя за карандашами, которые после коротких и длинных пауз проходят по тропам, дорогам, пересекают реки.

Постышев поднимается из-за стола, подходит к окну салон-вагона, пристально смотрит, что делается возле казармы.

У подветренной стены сидит группа бойцов. Один рубит на пайки топором мерзлый хлеб. Какой-то боец в армяке зубами разрывает мороженую кету.

Неподалеку от казармы занимается взвод: плохо одетые люди — в рваных полушубках, выношенных пиджаках, в чиненых и перечиненных валенках ползут по-пластунски по снегу.

К Постышеву подходит Блюхер, тоже всматривается в окно, понимающе переводит взгляд на комиссара.

Ночь. Безбрежная равнина. Идут врассыпную рота за ротой партизаны; люди ртами хватают разреженный холодный воздух. Он обжигает белые, обмороженные лица.

Они подползают к рядам колючей проволоки.

Бойцы бросаются плашмя на проволоку, рвут ее штыками, срывают прикладами. Ураган огня проносится над проволочными заграждениями. Он сметает людей. Убитые, раненые повисли на первых рядах проволоки. Перебегают, ползут к своим окопам уцелевшие бойцы Народной армии.

Батареи белых на высоте сопки Июнь-Карань. Жерла орудий наведены прямо на юг.

Бронепоезд белых на линии железной дороги. Он медленно движется на фланге войск Народной армии.

Бьют батареи на сопке Июнь-Карань. Бьет бронепоезд белых по подножию сопки.

Черные гейзеры вздымаются над проволочными заграждениями, накрывают партизанские роты.

Растянулась конная бригада партизан вдоль реки Амур. Впереди командир ее Артюховский.

Навстречу кавбригаде Артюховского скачет всадник, передает комбригу донесение:

— Противник движется по китайской территории, прикрыл станцию Ин и побережье реки Амур.

Несут на носилках тяжело раненного командира полка. Поредевшие партизанские роты откатываются от первой линии проволочных заграждений на сопке Июнь-Карань, сперва отстреливаясь, укрываясь за буграми, потом люди начинают бежать. Полк рассыпается по холмистой равнине. По ней ведут прицельный огонь с сопки.

Но вдруг навстречу бегущим поднимается Постышев.

Останавливаются бегущие. Проходит мгновение. И уже снова полк бросается в атаку. Постышев, подхватив кем-то оставленную винтовку, в первой цепи атакующих. С ними он врывается на брустверы окопов белых.

Белогвардейцы выскакивают из окопов, бегут, беспорядочно отстреливаясь, потом пытаются засесть в следующих окопах. Завязывается рукопашный бой.

Папаха Постышева мелькает среди рядов красноармейцев.
Белые бегут из всех окопов.

Сопка Июнь-Карань дымит, словно после затихшего извержения; чадят бревна блиндажей, разрушенных артиллерийским огнем. Легкий ветерок раздувает пламя головешек.

Блюхер, Постышев, Серышев, Покус, Шевчук, другие красные командиры стоят на вершине сопки, молча вглядываясь в предвечернюю мгlistую синеву.

Где-то вдали за перекатами, за снежной равниной, как сполохи, взлетают вспышки артиллерийских выстрелов.

В тесной каморке путевого обходчика у печи, прислонившись к стене, сидит полковник Аргунов. Обветренное лицо его пылает. Он долго сидит молча, смотрит куда-то в пространство, потом, тяжело вздохнув, говорит путевому обходчику, подбрасывающему в печь дрова:

— Я бы каждого красного солдата, штурмовавшего Июнь-Карань, наградил георгиевским крестом.

*

Примечание. В литературном сценарии очерчены лишь наиболее выдающиеся события партизанского движения в Приамурье и завершающий этап борьбы за советский Дальний Восток — Волочаевская битва. Форма сценария не позволила передать чрезвычайно сложную и накаленную обстановку на Дальнем Востоке весной 1920 года, охарактеризовать причины, приведшие к образованию Дальневосточной республики.

Весной 1920 года вместо шести фронтов гражданской войны осталось лишь два — белопольский на Западе, врангелевский — на Юге.

Верховный Совет Антанты принял 16 января 1920 года решение о прекращении блокады Советской России. Антанта меняла тактику. Она начинала сколачивать антисоветские блоки, готовить белополяков к походу на Советскую республику, японскую армию — к отторжению Дальнего Востока. Японцы захватили часть железнодорожного пути за Байкалом.

Между Амурской областью и Западным Забайкальем, в центральных районах Забайкалья, находились войска белогвардейцев и японцев, образовалась так называемая «Читинская пробка». В советских областях Дальнего Востока — в Приморье, на Амуре, отрезанных от Западного Забайкалья, положение было напряженным. Японская военщина выжидала удобного случая развязать войну на Дальнем Востоке. В эту пору Ленин, выступая на заседании фракции РКП (б) VIII съезда Советов, подчеркивает необходимость «отдалить войну с Японией» и, «если можно, обойтись без нее». Ленин предлагает создать своеобразный заслон, буфер Советской республики на Дальнем Востоке — буржуазно-демократическую Дальневосточную республику (ДВР).

Центральный Комитет партии утвердил Дальневосточное бюро ЦК РКП (б) — Дальбюро, высший партийный орган на территории ДВР, подотчетный непосредственно ЦК РКП (б).

В первый состав его вошли С. Лазо, П. Никифоров, А. Ширямов, И. Кушнарев, Н. Гончаров, А. Краснощеков, кандидатом являлся П. Постышев, Впоследствии в составе Дальбюро были Ф. Петров, Анохин, М Губельман, В. Ларин и другие.

6 апреля 1920 года на Учредительном съезде трудящихся и партизан Прибайкалья провозглашается создание ДВР.

Это был новый Брестский мир. Советская республика делала определенную уступку империалистам мира.

Японские империалисты лишались повода развязать войну против Страны Советов. ДВР становилась мостом для торговли с капиталистическими государствами.

Словно стараясь предупредить создание новой республики, посягать на владения которой у них не будет причин, японские интервенты, нарушая перемирие в те дни, когда в Верхнеудинске проходит учредительный съезд ДВР, нападают на партизанские гарнизоны во многих городах.

На Дальнем Востоке возникают фронты. Только что созданные части Народной армии ДРВ и партизаны дают отпор интервентам.

На левом берегу Амура две тысячи партизан, руководимые Постышевым и Шевчуком, занимают оборону после провокационных выступлений японцев 5–9 апреля.

Из Благовещенска, центра Амурской области, на помощь приамурцам прибывают первые части НРА во главе с прославленным командиром приамурских партизан Степаном Серышевым.

Возникает Восточный фронт. Политическим руководителем его Дальбюро утверждает Постышева.

Серышев и Постышев формируют регулярные воинские части. Постышев создает политические отделы и партийные ячейки в частях, основывает и редактирует фронтовую газету «Вперед», выступает с докладами, читает лекции в школах для политработников.

Наряду с этим Постышев, Петров, Губельман, другие большевики-ленинцы дают отпор тем, кто старается противодействовать созданию и укреплению ДВР.

Трудно было налаживать работу государственных органов, экономическую жизнь в республике, часть которой занимала «читинская пробка». Нужно было объединить все области Дальнего Востока.

Японское правительство поддерживало атамана Семенова, захватившего Читу и часть районов центрального Забайкалья. Японские войска, находившиеся на Дальнем Востоке, не выполняли своих обязательств соблюдать нейтралитет — нарушение его приводило к вооруженным столкновениям. После ряда уроков японские интервенты почувствовали, что с частями Народно-революционной армии справиться им не под силу. Они согласились подписать перемирие. Японцы обязались вывести свои части из Забайкалья. Ставленник японцев атаман Семенов терял их поддержку.

Настала пора ликвидировать «читинскую пробку». Напрасно атаман Семенов молит японского императора о помощи.

Части НРА сжимали кольцо вокруг «читинской пробки».

В октябре Амурская дивизия во главе с Серышевым и Постышевым прибыла на помощь забайкальцам.

В конце октября Чита была освобождена от семеновцев, сам атаман еле успел улететь из города на самолете.

Ликвидация «читинской пробки» позволила объединить все области Дальнего Востока. 29 октября 1920 года в освобожденной от белогвардейцев Чите один из старейших большевиков, Ф. Н. Петров, открыл конференцию областных правительств Амура, Верхнеудинска, Забайкалья, Приморья, Камчатки. Они заявили о своем вхождении в ДВР, охватывавшую территорию от Байкала до Тихого океана.

Японцы эвакуировались из Хабаровска.

Вместе с Серышевым и частями Амурской дивизии Постышев возвращается в Хабаровск, он полномочный представитель правительства ДВР. Он организует народные собрания, проводит выборы в дальневосточное Учредительное собрание, руководит партийными организациями, работает с молодежью. Благодаря тому, что Постышев сумел создать крепкие группы пропагандистов и агитаторов, которые

систематически разъясняли, почему создано буферное государство, его роль в защите Советской России, в Приамурье прошли организованно и сплоченно выборы в Учредительное собрание — большинство депутатов были членами партии.

Вплоть до августа 1921 года Постышев руководит политической жизнью Приамурья.

В августе его назначают уполномоченным правительства ДВР по Прибайкальской области. Он выезжает туда вместе с Серышевым и Амурской дивизией.

Японские империалисты не успокоились. Белогвардейские банды барона Унгерна, одного из приспешников битого Семенова, вторглись на территорию Дальневосточной республики. Еще одна попытка развязать войну. Но уже крепки силы НРА. Забайкальские и Амурские части уничтожили конницу Унгерна, самого барона взяли в плен.

Постышев выполнил сложное задание — организовать разгром белых так, чтобы предотвратить возможность перенесения боевых действий на территорию молодой, только утверждающей свою государственность Монгольской Народной Республики.

В октябре Постышев возвратился в Хабаровск.

Он продолжает работу по укреплению органов народной власти, партийных организаций. Ему помогают бывшие политработники Амурской дивизии, вернувшиеся к мирному труду. В Приамурье начинают восстанавливать предприятия, железные дороги.

Но интервенты не оставляют своих провокаций.

Они создают подручное им правительство во Владивостоке. Во главе его поставлен биржевой авантюрист Меркулов. Он угоден японцам. Он согласен удовлетворить любые их просьбы и требования.

Японцы вооружают бывших семеновцев, каппелевцев, помогают создать корпус генерала Молчанова, скрыто подвозят его к границам нейтральной зоны. Они выжидают только удачного момента, чтобы выпустить белогвардейцев на территорию ДВР.

Чтобы замаскировать свои подлинные планы, японское правительство приглашает представителей ДВР на конференцию в Дайрен (Китай), где должны обсудить вопрос об эвакуации иностранных войск из Приморья и урегулировать отношения с ДВР. Семнадцать требований, выставленных японской военщиной, в случае принятия их превращали бы Дальний Восток в колонию Японии. Руководитель делегации ДВР заместитель премьер-министра Ф. Н. Петров и член делегации военный министр и главнокомандующий войск ДВР, недавно прибывший с Южного фронта,

герой Перекопа В. К-Блюхер, категорически отвергли эти наглые притязания.

Японское командование дает команду генералу Молчанову готовиться к вторжению на территорию ДВР.

В ноябре 1921 года корпус Молчанова вторгается на территорию ДВР вблизи Хабаровска.

Вновь создается Восточный фронт во главе с командующим Серышевым и начальником политуправления, членом Военного Совета Постышевым.

Постышев проводит мобилизацию коммунистов в армию, создает коммунистические отряды. Вместе с Серышевым он организует оборону Хабаровска, подтягивает резервы из районов Приамурья.

Все же Хабаровск приходится оставить. У противника превосходство сил и техники. Но коммунисты не просто отступают, они изматывают врага. Возле станции Казакевичево 230 бойцов коммунистического отряда сдерживают напор целой дивизии. А через несколько дней у станции Ин народармейцы останавливают наступление японских наймитов. Белогвардейцы переходят к обороне. Они начинают строить укрепления на высотах возле станции Волочаевка.

В эти дни Постышев вместе с коммунистами фронта готовит народармейцев к наступательным боям.

Через несколько лет эту работу Постышева по укреплению боевого духа и политическому воспитанию народармейцев красочно охарактеризовал В. К. Блюхер: «...имя... [Постышева] служило прямо знаменем на Дальнем Востоке».

Победа под Волочаевкой в значительной мере результат политического воспитания воинов, которым руководил комиссар Восточного фронта Постышев.

В 1922 году на XI съезде РКП (б) Постышев встречается с М. В. Фрунзе. Со съезда Павел Петрович возвращается в Верхнеудинск в качестве эмиссара правительства ДВР. Он руководит восстановлением транспорта, промышленности, сельского хозяйства, объезжает районы Прибайкальской области, изучает нужды, запросы крестьянства.

Дальний Восток снова входит в состав Советской республики. Постышев подготавливает созыв Прибайкальского губернского съезда Советов, создание на территории Прибайкалья Бурятской автономии. В это же время он активно работает в Дальневосточном ревкоме, созданном вместо «буферного» дальневосточного правительства.

Из записок Барвинца

1928 год, декабрь

— По вашему литературному сценарию можно снимать повествовательно-исторический фильм, — сказал мне Довженко. — События гражданской войны полны романтики и патетики. Слушайте, она звучит в брошюре Постышева.

Довженко читает отчеркнутые им абзацы.

— «Гневно дрогнули сопки, огненной, клокочущей лавой задышала тайга.

...В зареве пылающих деревень отражались гигантские силуэты вооруженных рабочих, крестьян. По тропам таежным вереницей тяну^сь они, изнеможенные телом, но сильные духом, на борьбу с извечным врагом — капиталом.

...По полям, долинам катилось: «Смерть палачам!», «Смерть пришельцам кровавым!» — отзывалось в сопках. «На борьбу, на борьбу!» — призывно-раскатисто звучало таежное эхо».

Эти стихи в прозе — ключ к раскрытию главного персонажа вашего сценария — Постышева. Я бы на вашем месте проследил, как формировался рабочий-революционер Постышев. В сценарии он показан волевым человеком, с широким кругозором. У него, очевидно, очень интересная биография. Я бы на вашем месте съездил в его родные места, познакомился с друзьями, старожилками его города. Это непосредственно для сценария не нужно, но это поможет вам многое раскрыть в облике Постышева. В сценарии есть эпизод, показывающий его решимость: он собирается застрелить жену и себя, не желая сдаваться японцам. Это может сделать только человек, прошедший великую школу мужества.

1929 год, январь

Ларин пригласил на встречу Нового года в клубе «Серпа и молота».

— Приедет Павел Петрович. Это он подсказал нашей ячейке устроить новогодний вечер для рабочих. Говорит, что мы, руководители, сухарями стали. Все думаем, как люди должны производительней работать. А подумать, как людям отдыхать, не догадаемся. Спросил: «Масленицу справляют у вас?» Я говорю ему: «Это поповский праздник». Он рассмеялся: «Все праздники попы себе присвоили. Знают, что народу дорого и интересно. Масленица была, еще когда наши прадеды сосне молились. Человек после доброго отдыха ладно работает. Начнем с

новогоднего вечера хорошие обычаи и обряды восстанавливать. И о майском празднике нам нужно подумать А то промаршируем по площадям и начинаем изобретать, чем бы заняться». Оказывается, Косиор, Чубарь, Петровский, Затонский, другие члены ЦК приедут в рабочие клубы Новый год встречать. Потом стал обсуждать со мной, какой концерт организовать, расспрашивал, кто хорошо запеваёт, есть ли плясуны, музыканты, чтецы. Подсказал, как буфеты оборудовать. Я ему возразил: не надо буфетов: мол, люди разные, иные меры не знают. «Вы сумеете так людей занять, чтоб у них для рюмок меньше пауз было. Растормошите людей. Пусть они закипят весельем».

Было веселое новогодье. Разговорил людей Павел Петрович. Стал расспрашивать старожилы о прошлых новогодних вечерах, вспомнил свои. Рассказал, как подростком, выполняя партийные поручения, расклеивал большевистские листовки, как писал потом первую листовку сам. В рассказах Постышева оживали Фрунзе, незнакомые нам до этого ленинцы: «Отец» — Афанасьев, хрупкая, но непреклонная учительница Ольга Варенцова, которую не сломали тюрьмы, ссылки, преследования полиции.

Проходили перед нами друзья его юности. Они стали близки нам своим горением, ненавистью к капитализму, верностью партии.

Постышев рассказывал главным образом о них, лишь изредка о себе.

Слушая его, я пенял на себя, что не захватил блокнота. Не на чем было дословно записать его рассказы. Да и трудно было их записать. Припоминая какой-либо эпизод из жизни подполья, он вдруг спрашивал наших стариков об Артеме, работавшем до революции в Харькове, о приезде в ту пору Куйбышева, о большевиках Харькова.

Напрасно опасался Ларин, что переусердствуют насчет «чарочки». Не до нее было. Нашлись плясуны и песенники. После того как Постышев рассказал о шумовом оркестре, организованном во Владимирской тюрьме Фрунзе.

Ночь оказалась короткой.

— Это зарядка на весь год, — сказал Ларин, — показал нам Павел Петрович, как отдыхать. Дал слово, что приедет на нашу клубную «масленицу».

За городом вдруг разыгралась поземка. Шоссе стало заволакивать снежной мглой. Где-то на степной груди под Чугуевом забушевали снежные буруны. Город призрачно чернел на горизонте. Небо насело на землю.

— Может, свернем, Павел Петрович, в село? — спросил шофер. — Переждем завируху.

— Нельзя. В три часа нужно быть в Писаревке.

— Шо там случится? — сказал шофер. — Зимой «дядьки» с печи не слезят.

— Это и плохо. Они не слезят, а мы их не тормозим. Нужно слезать с печки. Хватит! Вон сколько столетий проспали. У меня в Писаревке сегодня заседание сельсовета. Дал согласие избираться — значит, нужно работать.

Шофер вдруг резко засигналил. Впереди на шоссе в пелене снега смутно обозначилась чья-то фигура. Она неторопливо свернула на обочину.

Когда машина поравнялась с путником, шофер затормозил машину: он знал привычку Павла Петровича в поездках подбирать по дороге попутчиков, беседовать с ними. Постышев расспрашивал, зачем ездят на рынок, что продают, покупают крестьяне. Интересовался, учатся ли дети, далеко ли школа, больница, сколько в селе скота, есть ли машины, какие урожаи, удои.

— Сидайте, дядю, пидвеземо, — открывая окно, пригласил путника шофер.

— Спасибо. Я и сам доберусь, — отказался путник. Из-за ворота тяжелого армяка виднелись только глаза — острые, пытливые. — Мы привыкли пешком ходить.

— Садись, садись, дядя, — настойчиво повторил приглашение Постышев, — что ноги зря натруживать?

Крестьянин сел в машину.

— Что пешком пробираетесь? — спросил Постышев. — Лошадь жалеете или нет ее?

— Есть, две ледащие конячки, — раздраженно произнес крестьянин. — Их бы показать начальникам, чтоб увидели, какое у меня тягло. А то прислали квиток. Признали, шо я под особый налог подхожу.

— Экспертник, — подсказал Постышев, — хозяин в зажитке.

— Я им в районе прямо все выложил, — стал рассказывать крестьянин. — «Я вам по всем квиткам заплачу, вы моих только худоб сменяйте на таких рысаков, каких в своих бумагах на мою усадьбу ваши «фины» записали». Так они вызвали милиционера и приказывают: «Выведите из рика этого бузотера, оштрафуйте его». А милиционер из нашей Писаревки, вывел меня на улицу и говорит: «Иди, Каленик, до дому. Словами ты ничего не докажешь, продавай конячку и плати налог». Я б продал, та кто ее купит?.. Тех грошей, шо выручишь, не хватит, шоб по всем квиткам заплатить. Попал в богатеи. Сам весной хожу прощу, шоб дали лошадь земельку вспахать.

— Значит, нужно в артель сплачиваться, если плохое тягло, — посоветовал Постышев. — Есть у вас тсоз?

— Есть, — после долгого молчания вздохнул Каленик. — Только таких, как я, туда не принимают. Вы откуда, товарищ, из округа или из центра?

— И оттуда и оттуда, — поспешил ответить шофер. — Вам, дядя, повезло. С таким человеком едете, что...

— Кого же принимают в ТСОЗ? — недовольно оборвал Постышев шофера.

— Шо рассказывать! — махнул рукой Каленик. — Як було заведено, шо гроши все робили, так и осталось... В газете уже друковали, шо у нас в ТСОЗе делается, и в Харьков писали, а толку нема.

— Кулаки, что ли, верховодят? — допытывался Постышев.

— И кулаки и помещики. От так все село сдавили! — Крестьянин с такой силой сжал кулак, что на нем вздулись вены. — Мы с фронту повернулись, а в селе новина. Бывший панок, тот, шо в петлюровских штанах с мотней в восемнадцатом году порядки устанавливал, прихватил сорок десятин земельки и хозяйнует. А вокруг него подпанки выросли. Наши хлопцы — в район. Там посмотрели в поземельные книги и доказывают: все в порядке. А панки с хитростью вся земля расписана на родственников. Их в селе видят только летом: приедут варенье варить, в Донце купаться. Нашему панку все похвальные листы присуждают — самое культурное хозяйство в районе. А теперь он в ТСОЗе всем головует.

— Кто же его председателем избирал? Вы где были? — сурово спросил Постышев. — До Харькова вам, что ли, далеко, если в районе с этим мирятся?

— Так все подстроено, шо ни одна комиссия не распутает, — продолжал Каленик. — Наш панок в ТСОЗ не вступает. Есть у него приймаки — записаны, як родственники, а самые настоящие батраки. Они

в ТСОЗ пролезли. Панок ими командует. Ну, спасибо, товарищи, вы меня тут высадите.

Машина подошла к околице села.

— На самом краю села живешь? — поинтересовался шофер.

— Живу возле сельсовета, — ответил Каленик. — У нас жинки глазастые. Языки такие, яких, мабуть, нигде нема. Побачуть, шо я с начальством приехал, начнуть всякое происшествие потом на меня цеплять.

В сельсовете, кроме секретаря и уборщицы, никого не было.

— Отменили заседание? — спросил Постышев.

— Нет, — сообщил секретарь, — соберутся еще.

— Что же, приходят, как на посиделки, когда вздумается?

— Такие люди у нас, до общественности не приучены.

— А председатель где?

— Ганна, сбегай за председателем, — распорядился секретарь. — Скажи, представитель приехал.

— Ну, раз за председателем нужно посылать, так тогда долго люди будут привыкать к общественности, — сказал Постышев и сел на лавку возле окна.

— А вы, извините, откуда? — нарушил молчание секретарь.

— Из окружкома.

— Из самого Харькова?!

— Из Харькова.

— В такую хуртовину?.. К нам из района никто до весны не наведается.

— Значит, плохо район тормозите.

— Якого представителя Ганна выдумала? — входя в сельсовет, недовольно произнес председатель. — На машине, говорят, приехал. Дивлюсь, нет никакой машины.

— Из самого Харькова товарищ приехал. — Секретарь смущенно кивнул в угол, где в полусумраке сидел Постышев.

— Товарищ Постышев? Павел Петрович! — изумился председатель. — Как же вы до нас заехали в такую хуртовину?..

— Не заехал, а приехал. Раз избрали в сельсовет, обязан был приехать — о том, что избрали, известили. А когда первое заседание сельсовета, не нашли нужным предупредить.

— Так вы извините, — растерялся председатель, — избирали для почета. Председатель рика приехал и говорит: «Вашему сельсовету честь — у вас товарищ Постышев избираться будет». У вас такая работа — шо

наш сельсовет для вас?

— Если бы знал, что для почета избираете, я б не дал согласия быть депутатом. Я обрадовался, когда избрали. Теперь у меня есть село, где я в низовой работе буду непосредственно участвовать. Косиор, и Чубарь, и Петровский так же, как я, обрадовались, что нам такое доверие оказывают. Не раз продумывали вместе, как в сельсовете работать будем. Пока люди не собрались, рассказывайте, кто в сельсовете, что намечаете делать, чем я могу помочь. Кстати, есть у вас в селе Каленик?

— Калеников у нас целая улица, — сообщил писарь, — это уличное прозвище.

— Средних лет. Рослый, черный. Был в Красной Армии.

— Это Федот Маркович, — гадал председатель.

— Его экспертная комиссия обложила, — напомнил Постышев.

— Он у вас был? — настороженно спросил председатель.

— У меня не был. Жаль. Но я у него побываю... Настоящий земледелец. Для него земля — призвание, — как бы отвечая на свои раздумья, промолвил Постышев, пробегая повестку дня заседания сельсовета. — Может, товарищ голова, этот пункт о сборе перенесем на другое заседание, а сейчас послушаем председателя ТСОЗа? До весны два месяца... Как будем помогать беднякам пахать, сеять?

В хату входили депутаты сельсовета, усаживались вдоль стен на лавках. Разнеслась, видно, по селу весть о приезде Постышева. Скоро хата была забита до отказа.

Постышев сидел под семилинейной лампочкой, просматривая сведения о ТСОЗе, списки членов общества.

— Как с землеустройством дела у вас? — вдруг спросил он председателя.

— Тут такая история... — начал председатель.

— История есть, а землеустройство обещают.

— Кому оно нужно?

— Устроили, что через чужие межи прыгаем, как куропатки, — заговорили сразу в разных углах хаты.

Задел Постышев своим вопросом самое болезненное.

— Вот второй вопрос повестки дня, — посоветовал Постышев председателю. — Дело жгучее.

Председатель горсовета Бородай, заведующий горсобесом, заведующий городской биржей труда стояли возле подъезда горсовета, присматриваясь к каждой машине, проходившей по Сумской.

Город стыл в крутом февральском морозе.

Главная улица города еще сверкала огнями реклам свертывавших свои дела частных фирм. Но уже чернели огромные витражи игорного зала ресторана «Россия», пусты были витрины многих магазинов, вместо рекламных объявлений на стеклах были наклеены извещения о ликвидации «фирм» и «компаний», Нэп доживал последние месяцы своего эфемерного бытия.

— А помощники твои, Григорий Михайлович, не напутали? — спросил после долгой паузы Бородай заведующий биржей труда. — Чего это мы Постышеву в такой час понадобились?

— Сам мне позвонил еще раз, что заедет в восемь, — ответил Бородай. — Наказывал ждать его у входа.

Машина остановилась у подъезда горсовета. Постышев, приоткрыв дверцу, позвал ожидавших его в машину.

— Туда, где были вчера вечером, — сказал Постышев шоферу, когда все уселись.

Машина обогнула здание Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, спустилась к Лопани. На мосту через реку был затор. Машины ехали гуськом, пропуская вереницы трамваев.

— Тесен город, — сказал Постышев. — Нужно перешивать трамвайные рельсы, товарищ Бородай. Люди на смену по часу ездят.

— Бюджет еще теснее, Павел Петрович, — вздохнул Бородай. — Нам на этот год отпустили только...

— Как быстро люди канцелярскому языку обучаются! — произнес Постышев, — А еще хуже канцелярскому мышлению. Месяц назад председатель райкома металлистов Бородай правильно говорил: «Наказ избирателей — закон, нужно выполнять, не ссылаться на то, что в бюджете мало средств». Правильно рассуждал — нужно изобретать выходы из любого положения. А теперь председатель горсовета Бородай говорит так, как будто он родился коммунхозовцем.

— Без средств все-таки ничего не поделаешь, Павел Петрович, — произнес заведующий горсобесом. — Мы просили полтора миллиона на

помощь безработным, а дали по-прежнему только миллион.

— И по-прежнему вы деньги веете сквозь пальцы, — оборвал его Постышев. — Посмотрите, куда деньги уходят?.. Некоторые безработные могли бы получить профессии, но привыкли жить на пособиях.

Они вылезли из машины. Улица была пустынна, завалена сугробами. Окна двухэтажного дома, возле которого остановилась машина, промерзли. Вдоль стен свисали с проржавевших водостоков ржавые пики льда.

Постышев уверенно вошел в подъезд дома.

— Это горсоветовский дом? — спросил Бородаев заведующий горсобесом.

— Горсобесовский, — резко вымолвил Постышев. — Ночлежный дом номер один.

— Самая главная гопа, — произнес насмешливо кто-то в коридоре и куда-то в темень крикнул озорно: — Девки, начальство приехало! Обследование делать будут.

Сквозь распахнутую дверь прорвался пар, кислый, спертый воздух.

В длинном зале с высокими потолками — видно, было здесь когда-то торговое помещение — стояли ряды коек и топчанов.

Пыльные электрические лампы под абажурами из выгоревших газет бросали тень на запыленные стены. Женщины сидели группами на койках, возле печки. В углу на сдвинутых койках резались в карты. Смешение возрастов, национальностей, нарядов... Большинство было одето в ватные кофты, стеганки, но были и в нарядных английских жакетах, только входивших в моду.

— Комиссия приехала, — насмешливо протянули в углу и смахнули с кровати карты.

— Бачили мы комиссию! — сказала девушка в свитке, гревшая спину возле печи. — Приехала, мабудь, дывыться, як нам крышу отремонтировали, полы постлали.

— Что, обещали отремонтировать? — спросил Бородаев.

— Як бы из обещанок можно було сорочки шить, так мы бы вси выражены булы, — ответила женщина. — Эх, товарищи, товарищи, есть у людей совесть?

— У людей есть, а у начальства есть должности, — развязно подходя к Постышеву и его спутникам, произнесла полная женщина.

С отекишим, заспанным, но напудренным и накрашенным лицом, в каракулевом полусаке с выеденными молью рукавами, она не походила на остальных безработных.

— Должности лучше совести?..

— Ты не вязни к людям!

— Нажралась и ложись спать.

— Здравствуйте, Павел Петрович, — поднимаясь с койки и сбрасывая шинель, накрывавшую ее вместо одеяла, произнесла пожилая женщина. Большие красные руки ее, поправлявшие волосы, были в ссадинах. Резкие складки у рта выразительно говорили о трудном и крутом пути этого человека. — Спасибо, что приехали опять! А то я девчатам рассказываю, что товарищ Постышев был, а они меня на смех поднимают...

— Здравствуйте, Анна Лукинична, — сказал Постышев. — Почему не верят?.. Обещал вам начальников привезти, с ними познакомить вас, а их — с тем, как вы живете. Это самое большое лицо в городе — председатель горсовета, а этих товарищей должны знать...

— Не бачили и не знаем, — сказала девушка в свитке. — Нас к начальству не пускают...

— Это заведующий биржей, — сказал кто-то. — Мы его через окошко видим.

— Я каждый день с людьми беседую, — сказал заведующий биржей. — У этой гражданки личное недовольство.

— А какое же у нее еще может быть? — произнес Постышев. — Недовольна тем, что не знает, когда ее на работу направят. А заведующего биржей она может видеть только через окошко.

— Какая у вас специальность? — спросил заведующий горсобесом.

— Куда пошлют, — ответила девушка в свитке, — и уборщицей могу робыть, и дворником, и истопником... За мужчину на таких работах справлюсь.

— Мы уже полгода не имеем заявок на уборщиц, — произнес заведующий биржей труда. — Почти три тысячи человек без специальностей..

— А что же вы их на курсы ЦИТа не направите? — спросил Постышев.

— С курсов возвращаются и снова отмечаться ходят, — с укоризной заметила Анна Лукинична.

— Значит, обучают не тому, что нужно. Расскажите нам, как, кого, чему учат, — сядя на табурет посреди комнаты, обратился к женщинам Постышев. — Какие порядки на бирже?

Возле него сгрудились обитательницы ночлежки. Они стали высказывать наиболее болезненное, порою не удерживаясь от слез.

— На слесарей, токарей женщин не учат.

— И на штукатурные курсы не берут.

— А вы только узнайте, кому пособия выдают. Разные у нас там безработные, есть такие, что по пять лет стоят на бирже... И еще будут стоять. Им шо?.. Хата своя. Огород свой. Придут на отметку, морды как салом намазаны. Только смеются. «Трудно жить без работы. Только мы не боимся трудностей».

— Феня, иди сюда! — крикнула девушка в свитке другой девушке, сидевшей в стороне от всех.

— Она не расскажет. Застенчивая, — вмешалась Анна Лукинична. — Служила у колбасника-частника. Он ее подговорил, чтоб родственницей назвалась, чтоб за нее налогов не платить. Она сирота, ей деться некуда. А теперь закрыл свою колбасню, уехал. Ночевала на улице. Наши девчата ее подобрали. А на бирже отказываются принять на учет — стажа нет. Так, Феня?

— Так, — произнесла девушка сквозь слезы.

— Павел Петрович, мы выполняем директиву не брать на учет людей без стажа, — поспешил объяснить заведующий биржей труда.

С шумом открылась дверь. На пороге появилась молодая пьяная женщина.

— Мартыновна, — крикнула она, подходя к женщине в полусаке, — мотай за четвертью! Сегодня я монетная. — Она швырнула пачку денег на койку. — А это кто у нас? Комиссия? Пришли осматривать, чи не течет крыша? Текла. А теперь и не дует. Снегом припорошило...

— Ты не кричи, Дора, — сказала строго Анна Лукинична. — Нужно понимать, что за люди пришли.

— Понимать?.. А нас здорово понимают?

Ее оттеснили в сторону.

Постышев шел к машине, не проронив ни слова...

— Позор для нас всех! — нарушил Постышев долгую паузу, когда машина подъехала к горсовету. — Это не общежитие для безработных, а ночлежка для всех. Нужно, Бородай, врачей попросить и юристов, пусть обследуют эти ночлежки. И выступят в газете по поводу этого дурацкого указания Наркомтруда принимать женщин на трудовой учет только со стажем. Людей на улицу толкают. Кто вы по специальности? — спросил он заведующего биржей труда.

— Слесарь-лекальщик, — растерянно ответил тот.

— Хорошая специальность. Нужно вернуться в цех. Отравил вас канцелярский воздух — не умеете заботиться о людях.

Из записок Барвинца

1929 год, март

Решил отпуск использовать для поездки в Иваново.

Прочитал много воспоминаний ивановских революционеров о большевистском подполье, но лишь в двух встречалось имя Постышева. Ему сейчас сорок первый год. Его приговорили к каторге в двадцать два. Сколько же он работал в подполье?

Луков все время настаивает, чтобы я сдал сценарий в таком виде, как он есть, и собирал материал для повести о Постышеве.

1929 год, апрель

В Иваново приехал поздней ночью. И сразу оказался в прошлом веке. От вокзала к гостинице ведет широкая длинная улица, освещенная неверным светом из закопченных окон. Она похожа на улицу аракчеевского города в Медведе под Новгородом, где стоял наш дивизион.

Если бы не гул станков, доносившийся из-за стен, можно подумать, что это улица казарм и тюремных замков.

Проснулся рано от разноголосья гудков. Из окна гостиницы все Иваново, как с наблюдательного пункта. Это, по сути, город фабрик — они занимают весь центр. Вокруг них поселки одноэтажных рубленых домов.

Туман над рекой, заблудившейся между корпусами. Мрачные фабричные здания, окутанные белыми клубами, — его величество пар еще властвует на предприятиях. Голые улицы запружены рабочим людом. Это пейзаж детства и юности Постышева.

Стоит только познакомиться с улицами Иванова, побывать на фабриках, перед тобой предстает недавнее прошлое города. «Отцы города» — фабриканты Гарелины, Зубковы, Дербеневы, соревнуясь в эксплуатации людей, делали все для того, чтобы с детства воспитывать в людях труда классовую ненависть к угнетателям.

На Рылихе, в фабричной слободе Иванова, низенький домишко в три окна — такой же, как сотни соседних. Одна комната с нехитрой утварью. Почти всю ее занимает русская печь. Сюда приходили только спать. На фабрику уходили до рассвета, возвращались поздним вечером.

В нем прошло детство Постышева.

Но было ли у него детство?

Я не мог разыскать товарищей его детских лет. Старожилы вспоминают: «Ткач Петр Постышев работал вместе с женой, жил скудно и трудно. Заработка хватало только на хлеб. Девяти лет определили Павла в учение к щеточнику. Так было заведено на Рылихе: в девять-десять — на свои корма; одну краюху на пять-шесть ртов делить трудно».

Никто не помнит, у какого щеточника кустаря работал Постышев. Таких «заведений» было в городе немало — в них изготавливали щетки для чистки прядильных машин и станков.

Девятилетний мальчик был подручным, нянькой, посыльным — отрабатывал обучение ремеслу.

Но зато на фабрике имени Федора Зиновьева, бывшей Гарелина, пожилые хорошо помнят Постышева.

Двенадцати лет пришел он в отделочный цех. Хмурый, серьезный не по летам подросток быстро вырос.

— От такой жизни, какая у нас была, повзрослеть нетрудно, — рассказывают отделочники. — Трудились, как в тюрьме, все законы против нас были.

До посещения цехов, где работал Постышев учеником электромонтера, до знакомства с общежитиями, с материалами о штрафах, репрессиях мне казались эти рассказы гиперболизирующими мрачность фабричного быта до революции.

Я познал тяжелый труд на машиностроительном заводе «Гельферих-Саде» в Харькове, быт металлистов был мне родным, но каторжными те трудные условия нельзя было назвать.

Стоило только побывать на отделочной фабрике, познакомиться с описанием «спален» общежитий на ивановских фабриках, как стало ясно, что старые текстильщики ничего не преувеличивали.

Даже сейчас, после того как установлены вентиляторы и приспособления, облегчающие труд, чувствуешь, как изнурителен рабочий день в отделочном отделении. Здесь воздух пропитан кислотами, перегретым паром. По-прежнему, несмотря на сильное электрическое освещение, в цехах полумрак. Работа под этими низкими сводами быстро сжигала человека.

Старики отделочники рассказывают, как нередко люди угорали от кислот, как с трудом добирались обессиленные работой старики и подростки в «спальни». Подростки, имевшие родных, живших на Голодаихе, Рылихе или в Яме, просили, чтобы их поместили в «спальню». Не хватало сил добрести домой.

На IX съезде комсомола Украины в 1936 году Постышев рассказал о

подростке-каляльщике. Мне кажется, что одиннадцати-двенадцатилетний мальчишка, каляльщик материи, о котором он рассказывает комсомольцам, — это сам Постышев.

— Вот вам, например, сценка из труда детей на ткацких фабриках. Одиннадцати-двенадцатилетний мальчишка — каляльщик материи. Сам маленький, сидит на маленькой скамеечке, дышит анилиновыми красками. В шесть часов утра он уже должен быть на работе. Тычется он, сонный, тычется в этот поток материи и засыпает. Его заваливает материя. Тащит материя к машине. Если вовремя подойдут, заметят, отбросят от машины и побьют, а если вовремя не подойдут, материал вместе с ребенком попадает в машину. Сколько бывало таких случаев. Или, смотришь, рано-рано, в пятом часу, идут ткачи к своим станкам, а с ними то дочь, то сын лет десяти-одиннадцати. Дети на ходу от сна спотыкаются и падают, недоспавшие, истощенные, полуголодные.

Так, наверное, ходил на работу со своим отцом и матерью Постышев. И песня ивановских ткачей, которую он привел в докладе на съезде, была песней обитателей «спальни»:

*Тяжело, братцы ребята,
Тяжело на свете жить
Зато можно нам, ребята,
В вине горе утопить
Эхма, в утешенье нам дано
Монопольное вино!*

Старый большевик-подпольщик А. Багаев подробно рассказал об одной из таких «спален».

«Спальня» помещалась в двухэтажном большом каменном доме, расположенном среди фабричного двора... В нижнем этаже этого дома находилась кухня для рабочих, в ней стояли длинные столы и скамейки. Столы были настолько грязны, что рабочие разрисовывали на них различные узоры. Полы мылись редко... «Спальня» — огромная комната... У стен и посередине ее в несколько рядов стояли деревянные нары, на которых валялись лохмотья старой одежды, заменявшие матрацы. Немногие рабочие имели подушки.

Рабочие спали на нарах вплотную и так тесно, что лежать приходилось только на боку. Ни столов, ни скамеек в «спальнях» не было. Пили чай на подоконниках или на нарах.

В «спальне» помещалось до сотни человек. Освещались «спальни» по вечерам керосиновыми лампами, привешенными к потолку. Читать могли только те, места которых были вблизи ламп.

Зимой в «спальнях» было так душно, что лампы мигали и гасли. Мы отдыхали от тесноты и духоты, когда большинство рабочих расходились по домам в близлежащие села.

...Когда обитатели «спальни» собирались все вместе и не спали, в ней стоял невообразимый шум. В одном углу играли на гармонике, в другом, окружив рассказчика похабных анекдотов или сказок, громко смеялись от острых словечек.

Подвыпившие рабочие ругались скверными словами, а иногда дрались. Изредка на нарах около ламп собирались любители чтения и слушали какого-нибудь грамотея, читавшего лубочные брошюрки, вроде «Еруслана Лазаревича», «Бовы-королевича» или «Прекрасной кабардинки, умирающей на гробе своего мужа». Были и любители «духовного чтения», читавшие вслух «Жития святых» с умопомрачительными чудесами. Но вообще читали мало, так как среди рабочих текстильных фабрик грамотных было немного.

Фабричные «спальни» в Иваново напоминали тюрьмы. Сходство с тюрьмами заключалось в том, что за порядком их наблюдали так называемые «хожалые», набравшиеся фабричной администрацией из отставных унтер-офицеров, людей в большинстве грубых, мнивших себя начальством над рабочими. Эти «хожалые» были похожи на тюремных надзирателей, каких мне пришлось впоследствии наблюдать в царских тюрьмах. Они почти не разговаривали с рабочими, а лишь кричали и ругались, иногда избивая провинившихся, по их мнению, рабочих. После десяти часов вечера рабочих из «спален» не выпускали; только в редких случаях по особой уважительной причине или за взятку некоторые рабочие получали от «хожалых» разовый пропуск, по которому их пускали во двор фабрики после десяти часов вечера».

В такой «спальне» жил Постышев.

В краеведческом музее я нашел «таблицу бесправия».

«За несвоевременный приход на фабрику штраф — 5—20 коп.

За самовольный уход — 5—20 коп.

За раскрученные концы пряжи — 5—20 коп.

За несоблюдение чистоты — 5—30 коп.

За нарушение тишины и спокойствия — 5—25 коп.

За дерзкие слова посторонним — 5—30 коп.

За курение табака в недозволённых местах — 5 коп. — 1 руб.

За принос с собой спичек — 5 коп. — 1 руб.

За ослушание старшего при работе — 1 руб.»

Почти никто из рабочих не избегал штрафа. Так, на одной фабрике за год было наложено 46 тысяч 609 штрафов. На каждого текстильщика приходилось более 10 штрафов в год.

Несмотря на то, что после Морозовской стачки фабриканты получили указание департамента промышленности и торговли отменить все штрафы, на всех ивановских предприятиях действовали подобные штрафные таблицы.

Каторжный труд, каторжный отдых, каторжное бесправие. Только ужас голодной смерти мог заставить человека переступить ворота, «вольной кагорги» — фабрики.

Те, кто жил в «спальне» Гарелинской фабрики, вспоминают, что Постышев был жаден к чтению, со сверстниками не дружил, больше тянулся к старшим, бывалым людям, приехавшим из Москвы, Орехово-Зуева, Питера. Приезжие порою, когда не было «хожалых», рассказывали о стачках, их вожаках — Моисеенко, Алексеев, Бугрове.

Об этой поре жизни Постышева можно лишь домысливать. Близкие друзья его ранней юности В. Куконков, А. Калашников, П. Бутин, П. Гусев и другие погибли в тюрьмах, во время гражданской войны, лишь в Сибири сейчас работает Василий Калашников.

Удалось узнать, что семнадцатилетний Василий Куконков, работавший на фабрике Гарелина, как-то позвал Постышева с собой за город, в воскресный день «посидеть с друзьями». Постышеву едва исполнилось тринадцать лет.

Чем обратил на себя внимание молодого социал-демократа Куконкова Постышев?

Может быть, тем, что его не соблазняли компании сверстников, собиравшихся в воскресные дни на прогулки с выпивкой. Сторонился он и тех рабочих, что записались в кружки трезвости, посещали воскресные чтения, на которых епархиалки-учительницы показывали туманные картины и читали рассказы о добродетельных фабрикантах и милосердных господах — покровителях бедных. Может быть, своей пытливостью, резкостью суждений понравился Постышев Куконкову?

На этой рабочей пирушке-прогулке было внешне все, как на других, —

пели, пили пиво. Потом к ним подошел высокий, статный, хорошо одетый человек. Он оказался знакомым Куконкова. У него нашлась газета; он стал читать статьи, напечатанные в ней, разъяснять прочитанное. Статьи прямо говорили о фабрикантах-грабителях, призывали к борьбе.

Догадался ли Постышев тогда, что Куконков зазвал его на тайную сходку, о которых он порой слышал намеки в беседах старших.

За этой пошли другие сходки. Постышев стал членом кружка социал-демократов. Только через годы узнал он, что приезжий, читавший газету на рабочей «пирушке», был соратник Ленина, агент «Искры» — И. В. Бабушкин.

— Собрания кружка, — вспоминает старый большевик Ф Н Самойлов, — по воскресеньям и другим праздничным дням мы часто устраивали у линии железной дороги, немного в стороне от гуляющей публики, а чаще иногда прямо и у всех на виду, маскируя занятия игрой в карты, несколькими бутылками пива.

Постышев стал получать первые поручения кружка — распространять листовки, расклеивать их. Незаметный, не привлекающий подозрений порученец мог на ночь исчезать из казарм, сказав «хожалому», что идет навестить родных.

Спустя несколько месяцев ему поручают доставку бумаги, краски, шрифтов для подпольной типографии социал-демократов, которая кочевала из одной рабочей слободы в другую в целях конспирации. Постышеву доверяют хранить экземпляры «Искры», партийную литературу.

Не случайно четырнадцатилетнего Постышева включают в состав группы рабочих, предъявивших администрации требование уволить клеветника-табельщика.

В музее рукописные и изданные воспоминания участников социал-демократического подполья в связи с двадцатилетием первой русской революции. Досадно, что о многом сказано скороговоркой, порой встречаются непонятные утверждения.

«До этого времени (до 1905 года — Г. М.) в Иванове партийная организация работала в условиях полулегальных, все знали, что она есть, знали, что партийной организацией выпускаются прокламации, что за городом в лесах устраиваются массовки, что в городе живут и работают агитаторы и пропагандисты партии», — пишет старый большевик Гандурин.

Странный либерализм жандармерии. Как-то не сочетается он с тем, что уже несколько раз жандармы устраивали разгромы социал-демократических кружков, арестовывали руководителей, жестоко карали их.

Может быть, ивановские и владимирские жандармы успокоились на том, что беззаветные революционеры Ольга Варенцова, М. А. Багаев и другие высланы далеко на север и на юг?

Кажется, было другое — шефы жандармерии решили выжидать, насаждать зубатовщину. Жандармы считали, что руководят подпольем люди вольного сословия — врачи, юристы, домашние учителя. Из Иванова таких руководителей выслали.

Жандармы просчитались Уже выросли руководители из недр рабочего класса. В 1904 году в Иваново приехал «Отец» — Федор Афанасьев. Изумительный портрет этого революционера дал Фрунзе:

«Афанасьев, или «Отец», как его называли товарищи, был чрезвычайно яркой и интересной фигурой в Иваново-Вознесенской организации. Петербургский рабочий, по профессии ткач, принадлежавший еще к кружку народовольцев-восьмидесятников, Федор Васильевич всю свою жизнь посвятил делу служения рабочему классу. Вероятно, многие из товарищей Шуи, Кохмы и Иванова помнят худую, сгорбленную от старости и от долголетних скитаний по тюрьмам России, в очках фигуру «Отца», тихо плетущуюся с костылем в руках. Невзирая на болезнь, на лишения, так бродил он из города в город, из села в село, поступая для добывания куска хлеба на фабрики и всюду немедленно же принимаясь за создание партийных кружков».

С приездом «Отца» в Иваново снова широко разворачивается деятельность социал-демократической организации. Ею руководят сами рабочие. На фабриках создаются партийные ячейки, во главе их — ленинцы-«искровцы».

«Как руководящий коллектив, так и районные организации, — пишет Фрунзе, — кроме одного единственного интеллигента... состояли к этому времени исключительно из рабочих. Из среды местной интеллигенции только намечалось образование маленькой пропагандистской группы...». В это время в иваново-вознесенскую социал-демократическую организацию «входило не менее 400–500 активных работников, почти все из среды местных рабочих. Видное участие, которое принимали в жизни партии сами рабочие, между прочим, чрезвычайно удивило и поразило меня».

Постышев в 1904 году становится членом партии, выступает на

собраниях. У него дар агитатора. Ему поручают писать листовки, обращения.

Постышев учится у таких революционеров, как «Отец», Евлампий Дунаев, приехавший в Иваново по заданию московского большевистского центра, студент-пропагандист Фрунзе.

Целеустремленность, одержимость молодого пролетария трудно представить. После изнурительного трудового дня он посещает кружки, ходит на митинги, выполняет партийные поручения, сам становится пропагандистом.

Для выполнения партийных поручений Постышев не знал помех. Мог хлестать проливной дождь, неистовствовать пурга, он шел расклеивать листовки, переносить шрифты, бумагу. В любую погоду он являлся на партийные собрания — они созывались в окрестных деревнях, в домах под видом семейных пирушек, в ригах, в лесу. Постышев вместе со всеми читал газету партии, брошюры Ленина.

Летними вечерами в лесу, зимой в домиках на Рылихе, Яме, Голодаихе собирались участники социал-демократических кружков. «В кружках рабочие знакомились с историей революционного движения в России и с началами политической экономии, — вспоминает Ф. Н. Самойлов, старый большевик. — Посещались собрания кружков аккуратно. День занятий был для всех нас как бы праздником, а самые занятия были настолько интересными, что ни у кого не возникало и мысли пропустить хотя бы одно собрание без уважительной причины.

На занятиях в кружке обычно читали книгу вслух; после прочтения главы обменивались мнениями по поводу прочитанного, а руководитель объяснял то, что было неясно».

Постышев читал жадно, много. Он не расставался с книгами даже на работе, как говорят те, с кем он работал на фабрике. Особенно привлекали его труды марксистов, популяризаторов науки, публицистов, передовых ученых.

Примечание. Постышев стремился получить образование. Сам Павел Петрович на съезде украинского комсомола прочитал письмо другу ранней юности, некоему Шурке.

«Тяжело мне, очень больно сознавать свою усталость от борьбы с житейскими мелочами, от вечной и нескончаемой борьбы с нищетой. Я хотел бы учиться и учиться. Книги, люди, которые могли бы дать мне возможность получить образование, к моим услугам, но злая доля

пролетария не щадит. Вечная погоня за куском хлеба забирает все время».

В Иваново доставлялись в большом количестве листовки РСДРП, другая литература. Московский центр получал их из Женевы.

Полиция сбивалась с ног. Листовки появлялись в курилках, в ящиках у ткацких станков, во дворах, у колодцев, на заборах. После массового распространения листовок начинались аресты, обыски, допросы. Постышев был вне подозрений.

В начале мая 1904 года готовилось общегородское партийное собрание. Организация росла, ряды ее множились, возникли районные комитеты и общегородской.

На партийном собрании Постышев выделяется партийным организатором на фабрику Гарелина.

Шестнадцатилетний организатор готовит людей фабрики к забастовке. У него отличные наставники — «Отец», Фрунзе, Самойлов.

17 января 1905 года, после Кровавого воскресенья в Петербурге, ивановцы начинают общую стачку.

Ее быстро раздавили полицейским сапогом. Жандармерия разгромила подпольную типографию, арестовала многих подпольщиков.

Но в предмайские дни снова по Иванову разлетаются прокламации большевиков. Восстановлена типография. Ткачи, прядильщики, отделочники выходят на маевку. Их возглавляют пять районных организаций. С фабрики Гарелина идут текстильщики во главе со своим парторгом Постышевым.

Постышев, как и другие партийные организаторы, по почину Фрунзе проводил так называемые «летучки». Через активистов к концу смены рабочим сообщали: «Сегодня «летучка». Вблизи фабрики собирались рабочие послушать агитатора. Даже в тех случаях, когда осведомителям удавалось обнаружить такую «летучку», они не успевали сообщить в полицию, рабочие расходились.

В эти дни Постышев получает особо важное поручение — организовать связь с подпольной типографией, транспортировать листовки и, в случае необходимости, перебрасывать типографию из одного тайника в другой. Несмотря на слежку, полиция никак не могла обнаружить типографию. Типография была летучей, она перекочевывала с места на место.

Постышев быстро выделился среди других активистов Ивановского подполья и своим умением работать с людьми, и своей смелостью, и

находчивостью. Его товарищи восхищались его стремлением к знаниям. Вынужденный жить впроголодь, зачастую ночевавший в сараях, ригах, он не расставался с книгами, с брошюрами Ленина, старался осилить работы Маркса.

Юношеская смелость, напористость, находчивость позволяли Постышеву ускользать из протянутых к нему рук полиции в самых сложных положениях. Он был изобретателен в выполнении партийных поручений.

Однажды он вместе с товарищами переносил наборный шрифт, после того как в одном из домов на Яме нужно было ликвидировать типографию и перевезти ее в другой район. Партийным полиграфистам приходилось кочевать. Почти за каждым двором, особенно на окраинах, полиция установила наблюдение. Постышев предложил смелый план совершить это днем, а не ночью, как было заведено.

Он с товарищами нес шрифт, весивший несколько пудов. Часть пути прошли без препятствий, но где-то на мосту вдруг появился полицейский. Спутники Постышева растерялись. Как с тяжелой ношей миновать дотошного стража порядка? Постышев быстро выработал план. Он взял мешок со шрифтами, опередил товарищей и взошел на мост. Положив кладь рядом с полицейским, Постышев вынул папиросу, попросил у полицейского спичек. Прикурил, сделал несколько затяжек и продолжал свой путь дальше.

В мае 1905 года готовится партийная конференция с участием беспартийных; Постышеву поручают пригласить на нее наиболее революционно настроенных и близких к партии рабочих.

Партийная конференция принимает решение начать 12 мая стачку, утверждает требования ее: восьмичасовой рабочий день, а перед праздниками работа не больше шести часов; отмена ночных и сверхурочных работ; единый годовой срок найма, заработная плата не ниже двадцати рублей; отмена штрафов; полная оплата за время болезни; отпуска роженицам с сохранением полной заработной платы; ясли для детей рабочих; создание паритетной комиссии по разбору конфликтов между рабочими и хозяевами и по приему и увольнению рабочих; улучшение жилищных условий и медпомощи; пенсии потерявшим трудоспособность; ликвидация тюрем при фабриках и фабричной полиции; невмешательство начальства в дела рабочих во время стачек; свобода собраний; бастующие не могут быть арестованы и уволены; полная заработная плата за время стачки; свобода стачек и союзов; всеобщее

обязательное бесплатное образование. Требование немедленного созыва Учредительного собрания.

Постышев готовит рабочих фабрики Гарелина к стачке.

«У нас творятся небывалые дела. В 1 час 12 мая стали четыре фабрики: Бакулина, Бурылина, Никанора Дербенева и Маракушева. К вечеру стали решительно все фабрики. К утру побросали работу заводы, железнодорожное депо, типографии Ильинского, Соколова и др., бросили работу ремесленники, землекопы — остановилась вся рабочая жизнь, закрылись магазины. С утра 13-го, насколько глаз хватал, перед управой была переполнена площадь: ждали главного фабричного инспектора. Требования рабочими были представлены еще раньше по отдельности каждой фабрикой: везде подавалась бумажка с 27 гектографированными требованиями, изданная Иваново-Вознесенской группой Северного комитета нашей партии. Требования эти под руководством группы были выработаны 9 мая в лесу 50 рабочими со всех фабрик, где была решена всеобщая забастовка» (*«Пролетарий» от 3 июня 1905 года*).

«Первый митинг перед думой привел в неопишуемый страх как местную буржуазию, так и местную полицию» (*М. В. Фрунзе*).

«12-го сего мая в городе Иваново-Вознесенске забастовали рабочие на всех фабриках. Рабочие держат себя беспокойно, вследствие чего мною сего числа выслан один батальон нижних чинов от квартирующих в городе Владимире войск. Для наблюдения и распоряжений отправляюсь в город Иваново-Вознесенск сегодня ночью, передав управление губернией вице-губернатору, действительному статскому советнику Сазонову.

Имею честь довести об этом до сведения вашего высокопревосходительства» (*донесение владимирского губернатора министру внутренних дел от 13 мая 1905 года*).

«То, что произошло за три дня, не поддается описанию. Невиданная картина событий... Я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось... Чувствуется в городе двоевластие...» (*фабрикант Бурылин в письме к родственнику*).

Власти предложили бастующим прекратить собрания на площади, «чтобы не нарушать уличного движения». Собрания стали созывать близ станции железной дороги, у опушки леса, на реке Талке.

Тихая речушка вблизи Иваново-Вознесенска — Талка неожиданно вошла в историю на века, стала рядом с географическими пунктами, прославленными историческими битвами, великими событиями. Здесь, на Талке, на небольшом мыску левого берега 12 мая 1905 года собрался первый в мире Совет рабочих уполномоченных, как называли тогда депутатов. Народ создал новую форму правления.

Поэт, бывший гравер, Авенир Ноздрин, первый председатель Совета рабочих депутатов, рассказал мне, как проходили заседания этого необычного революционного Совета:

— На Талку рабочий класс Иванова вывел «Отец» — Афанасьев. Десятки тысяч людей собрались на берегу реки. Совет охраняли молодые рабочие. Они были одеты в черные ластиковые рубашки. У охраны были вместо оружия можжевеловые палки, выкрашенные в черную краску. Совет заседал.

Ежедневно к концу дня собирались все бастующие рабочие, давали наказы. Депутаты отчитывались о переговорах с фабрикантами, читали лекции о борьбе рабочего класса.

Мы знали, кто руководит нами. Знали «Отца» и «Трифоновича», как тогда называли Михаила Васильевича Фрунзе, студента политехнического института, присланного Московским областным бюро социал-демократов для пропагандистской работы. Из среды местных рабочих выделились замечательные вожаки— ткачи Евлампий Дунаев, Федор Самойлов и другие талантливые организаторы.

В бумагах департамента полиции собрания на Талке названы «вольным социологическим университетом», ткач Евлампий Дунаев — его «ректором». А на самом деле «ректором» был Владимир Ильич Ленин. Он наставлял и вел ивановскую социал-демократическую организацию до стачки и во время стачки. Ленинцы из Московского центра направляли ход забастовки. Ленин первым оценил почин ивановцев в организации Советов рабочих депутатов, предсказал им великое будущее. Полиция оторопела. Наглые богатеи наши растерялись.

Растерялись губернские и городские власти. Владимирский губернатор Леонтьев, прибывший в Иваново-Вознесенск восстанавливать порядок, писал: «Сам я должен напрягать все свои силы для достижения однообразного хода дела, что при всем моем старании достигается мною с большим трудом. Первый раз я просидел в Иванове восемь дней. Ныне уже прошло девять дней моего вторичного здесь пребывания, а пока не предвидится его конец. У меня развиваются признаки сердцебиения и

нервного расстройства». То, что господин губернатор растерялся и «нервно расстроился», мы почувствовали, когда наша рабочая делегация во главе с большевиками Лакиным, Евлампием Дунаевым, Самойловым и другими встретилась с царскими чиновниками. Они пытались нас уговаривать пойти на соглашение. Уговорить не удалось, начали угрожать, что мы понесем ответственность за беспорядки, которые возникнут в городе. Но наши уполномоченные, наши боевые дружины, которыми командовал отважный «Станко» (Уткин), навели такой порядок, которого в городе никогда не было. Михаил Васильевич Фрунзе наставлял нас, членов Совета, как нужно беседовать с представителями властей, «Отец» — Афанасьев — расставлял партийные силы. Их в Совет не выбрали — приезжих людей могла задержать полиция. Но они руководили Советом. Фрунзе прочитал несколько лекций в нашем «университете».

Весь май полиция и губернские власти выжидали, что иваново-вознесенские рабочие «образумятся», прельстятся мелочными посулами. Но Совет рабочих депутатов настаивал на выполнении всех требований, предъявленных фабрикантами властям.

Фабрики не работали, весь текстильный люд сходил на митинги, на заседания Совета, который ежедневно обсуждал все вопросы под открытым небом в присутствии тысяч людей.

Постепенно на заседаниях Совета рабочих уполномоченных стали выдвигать не только экономические, но и политические требования. Жандармы и полицейские поняли, что стачка приобретает новую окраску.

Власти решили запугать иваново-вознесенских забастовщиков, разгромить Совет рабочих депутатов. Вот в городе теперь есть улица имени Третьего июня 1905 года. Это памятный день. Пока его описал только один наш писатель. Он сам был на Талке, когда произошли события, о которых заговорили во всей России. Описал коротко, но правдиво, с чувством. К его рассказу, пожалуй, добавлять ничего не нужно.

После Октября Постышев публиковал очерки и рассказы. В армейской газете «Вперед» 20 января 1922 года опубликован его очерк «Талка».

«...Ткачи, ситцепечатники со своими женами, детьми, пестрой лентой опоясав черный город, шумно и торжественно направляются к Талке.

Море красных знамен и плакатов развевается над их головами. С каждой минутой пестрая лента делается все шире, все длиннее и длиннее, все ближе и ближе змеей подползает к Талке. Наконец подползла, всколыхнулась, замкнулась в кольцо, слилась в сплошную разноцветную массу голов и знамен, стихла, напряженно ожидая...

— Товарищи, — раздался молодой, звучный голос, — мы требуем от

своих господ фабрикантов человеческого к нам отношения, мы требуем, чтобы нам дали возможность жить, а не пропадать с голоду, мы требуем свободы высказать все, что у нас на душе. Мы знаем, кому должны по праву принадлежать фабрики и заводы.

Его рука взметнулась к фабрикам. Повернулись головы, пристально смотрели ткачи на безмолвные корпуса.

— Это принадлежит нам! — прозвучало в напряженной тишине... — Правительство и царь пулями убедили нас, чьи они друзья. Кровь наших братьев, расстрелянных царем в Петербурге девятого января, будет нам вечным призывом к борьбе. Долой произвол, долой вампиров, долой кровавое самодер...

Залп винтовок оборвал речь.

Точно море, всколыхнулись ткачи, лавиной шарахнулись в сторону города.

— Казаки, казаки стреляют! Подлецы, палачи, убийцы!..

...Стрельба, свист нагаек, крики женщин, плач детей, взмах кольев, град камней — до сих пор встает все это в моей памяти живой картиной при воспоминании о забастовке ивановских ткачей 1905 года.

Мне было тогда только шестнадцать лет. В разорванной, замазанной синей блузе, с разбитой головой, я стоял около своей матери-ткачихи у круглого изгиба Талки. Мать перевязывала мне голову лоскутом своей нательной рубахи. Она не плакала, а только шептала:

— Псы, кровавые псы! Придет и наш час, час возмездия вам, убийцы...»

После этой бойни рабочие продолжали борьбу.

Стачка длилась 72 дня, закончилась лишь во второй половине июля. «Иваново-Вознесенская стачка показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки» (В. И. Ленин).

«Работа, проделанная партией в смысле политического воспитания рабочей массы за время стачки, была колоссальна... Хотя стачка окончилась лишь частичными экономическими уступками со стороны хозяев, но в итоге ее произошло идейное освобождение рабочего класса, и «властительницей дум» в районе окончательно становится наша партия» (М. В. Фрунзе).

Постышев после стачки — уже в «черных списках». Его

арестовывают, но выпускают — нет улик. Он без работы до апреля 1906 года. Без работы по найму. Но безработный продолжает партийную работу. Он исчезает из поля зрения полиции.

Несмотря на то, что в самой социал-демократической организации работает провокатор «Гоголь» — Кукушкин, филерам и осведомителям не удается выследить Постышева. По воспоминаниям старых большевиков, он выполняет разные партийные поручения в Иваново, в селах — от распространения листовок до созыва «летучек», — он организатор и пропагандист.

Наконец Постышев 10 апреля 1906 года начинает работать на фабрике. В расчетной книжке пометка о пяти штрафах за семь месяцев.

Двенадцатого июня на учредительном собрании союза печатников Постышев избирается в правление.

Ноябрь 1906 года. Постышев протестует против фабричных порядков. Его увольняют с фабрики.

Несмотря на прекращение стачки, не спадает революционный подъем ивановских пролетариев. Погромы, организованные жандармерией и черносотенцами, не рассеяли ряды социал-демократии. Убийство «Отца», Афанасьева, не обезглавило ивановскую социал-демократическую организацию. Партия направляет в Иваново закаленную революционерку Ольгу Афанасьевну Варенцову — «Оленьку», как любовно называл ее Ильич. Уроженка Иваново, руководитель первых социал-демократических рабочих кружков родного города, Варенцова испытала тюремные заключения, подвергалась высылкам, но по-прежнему была активным бойцом партии. В самую трудную пору первой русской революции эта внешне хрупкая и тихая женщина возглавляет подпольные военные организации большевиков в Петербурге, организует большевистские группы, печатает и распространяет прокламации в воинских частях, налаживает подпольные связи.

В середине 1906 года она приезжает в Иваново. Перед ней большая задача — не допустить затишья в работе социал-демократических организаций, использовать все средства для активизации масс, в частности подчинить влиянию партии профсоюзы, занять в них главенствующее положение.

Под руководством Варенцовой Постышев, Калашников и другие молодые большевики проходят школу агитации, организации масс, учатся, как конспирировать свои действия.

Встречи с Варенцовой, вместе с Фрунзе руководившей практической

работой пропагандистов, показывавшей, как на живых фактах рабочих будней воспитывать людей, прививать им чувство пролетарского интернационализма, были для Постышева мудрой школой ленинизма. Выполняя ленинское указание об активном участии в профдвижении, он становится деятельным организатором профессионального союза ситцепечатников.

Весной 1907 года Постышев участвует в праздновании «вербного воскресенья». За городом, в Боголюбовской слободе, на квартире большевика С. И. Балашова («Странника») собрались «верующие». Полиции было невдомек, что с пучками освященной вербы сходились в слободу большевики-подпольщики. Многие приехали из других городов губернии, ближних к Иванову, — Шуи, Кинешмы, Лежнева, Тейкова. Предстояли выборы делегата на V съезд партии, дискуссия между большевиками и меньшевиками. Но дискуссия не состоялась — в ивановской организации не было ни одного меньшевика, она была ленинской. В своей речи Варенцова раскрыла реакционную роль меньшевизма, консолидацию его с реформистами, буржуазными партиями.

3 июня 1907 года жандармерия арестовала и привлекла к судебной ответственности думскую социал-демократическую фракцию. Жандармы разных степеней и рангов считали, что этот произвол пройдет безнаказанно, что никто не подымет голоса протеста.

ЦК РСДРП принял решение провести однодневную стачку.

Постышев участвует в организации широкого совещания по поводу стачки. Некоторые делегаты фабрик и заводов считали, что рабочие не готовы к выступлению, они боялись разгрома партийных организаций.

Но совещание представителей фабрик решило проводить стачку. Иваново-Вознесенский союзный Совет РСДРП выпустил листовку в типографии, которой руководил Постышев. Листовка разъясняла цели однодневной политической забастовки.

Постышев вместе со своими партийными товарищами Уткиным, Калашниковым, Караваевым, Кузнецовым и другими в эти дни на фабриках разъясняет рабочим, зачем и как организуют стачку. Он во главе стачечного комитета. Он выступает на фабрике Грязнова, на митинге у заводских ворот. После этого выступления 23 ноября текстильщики Грязновской фабрики прекращают работу. За ними вслед останавливают станки и машины на других фабриках.

Постышева арестовывают — обвинение в подстрекательстве к забастовке сулит суровое наказание. Но Постышев настолько опытный конспиратор и пропагандист, что жандармерия и полиция в течение месяца

не могут выдвинуть против него существенных улик. Постышева освобождают. Казалось бы, в такую мрачную пору подозрений и преследований ему «по здравому смыслу» не нужно было оставаться в Иванове. Но Постышев руководит восстановлением типографии, готовит партийную организацию к выборам в Думу, организует отпор «отзовистам», которые ратуют за бойкот Думы. Из двадцати шести уполномоченных для выборов депутатов в Думу по Иваново-Вознесенску было избрано двадцать три социал-демократа. В этой цифре красноречивое подтверждение замечательной организационной работы Ивановского комитета. Комитет одновременно готовился к общегородской конференции. Постышев продолжает выполнять партийные поручения, сплачивает силы партийной организации, которой нанесены тяжелые удары, особенно арестом М. В. Фрунзе.

Жандармерия и полиция, наконец, решают покончить со своим внешним, напускным либерализмом и безразличием к работе социал-демократических организаций. Они засылают в ряды подпольщиков провокаторов. В январе 1908 года выслеживают Варенцову и арестовывают ее.

Неустойчивые члены организации отходят от революционного движения. Иные из них выступают с покаянными письмами в буржуазных газетах, исповедуются в своих заблуждениях. Провокаторы сообщают, что почти в десять раз сократились ряды подпольщиков, осталось около шестисот социал-демократов. «Профессиональные» руководители высланы из Иванова, заключены в тюрьмы. Жандармерия ликует: «Без интеллигенции чумазые ничего не сделают».

Но из среды рабочих уже выделились талантливые организаторы; среди них Куконков, Калашников, Постышев и другие.

Постышев перешел на нелегальное положение. Безработный, без постоянного крова, он все продолжал организаторскую работу.

В трудных условиях реакции комитет, которым руководил вместе с Самойловым Постышев, поддерживал старые связи с фабриками, возобновлял утраченные связи. Два провала не остановили деятельности комитета. Члены комитета, и прежде всего Постышев, разъезжали по округу, поддерживали и налаживали связи с другими партийными организациями. Правда, пришлось приостановить работу типографии из-за того, что нельзя было создать конспиративных условий.

Организация после разгрома восстанавливала и собирала свои силы.

В партийной кассе средства настолько скудны, что порой нет

пятидесяти копеек — рубля для того, чтобы оплатить выезд в соседний город, село. После увольнения с фабрики Постышев, как и всякий подпольщик, вынужден добывать себе средства для существования случайной работой; он определяется на один-два дня то грузчиком, то мойщиком посуды, то расклейщиком афиш.

За Постышевым ведется филерское наблюдение. Партийная организация на время предлагает ему уехать из Иваново-Вознесенска, вести работу в Шуе.

Этот период жизни Постышева не запечатлен ни в одном документе. Только его соратник В. И. Калашников вспоминает о том, что Постышев был своеобразным «летучим пропагандистом», перекочевывал с одной фабрики на другую вблизи Иванова и Шуи.

Но вскоре Постышев возвращается в Иваново. Он получает важнейшее поручение: организовать подпольную типографию. Московский партийный центр, где работал в ту пору земляк иванововознесенцев А. С. Бубнов, на помощь ивановцам прислал наборщика Сулкина и опытного пропагандиста Андронникова. Вместе с ними Постышев оборудует типографию, готовится начать выпуск листовок. За ним следят, но он не дает повода для ареста, он умеет прикинуться простачком, провести полицию, даже когда его задерживают.

«Когда Постышев шел от Зубкова с митинга, то знал, что на фабрике «Компании» арестовали оратора, поэтому он пошел предупредить своего партийного товарища Геннадия. Но тот уже сидел у себя в квартире арестованный: у него шел обыск, а во дворе была устроена засада. Павел Петрович не успел перешагнуть порог двора, как его схватили и потащили в дом. Он запротестовал, заявив, что не знает-де арестованного. Однако их обоих отвезли все же в жандармерию для допроса.

Отвечая на вопросы жандармского полковника, Постышев заявил:

— Видите ли, господин полковник, я шел по улице, ну, значит, и захотел по нужному делу и хотел зайти за калиточку, а тут ни с того ни с сего меня полицейские и поперли, куда и сам не знаю. И этого человека впервые видел.

— Врешь ведь, сволочь! — закричал разъяренный жандарм. — Знаю, как ты не знаешь! Но счастлив — попал дуракам полицейским. Будь мои ребята, они пропустили бы в дом, тогда и разговаривай, как ты не знаешь этого прохвоста!» (В. С. Калашников.)

У полиции нет повода привлечь Постышева к суду. Она лишь на месяц изолирует его в административном порядке.

Полиция по-прежнему неотступно следит за каждым шагом

Постышева. Провокатор доносит, что в январе 1908 года должно состояться заседание Иваново-Вознесенского городского комитета партии.

Перед самым заседанием подпольщики узнают, что полиция осведомлена об их замысле. В. С. Калашников срочно направляется на квартиру рабочего Михаила Куликова, где должны были собраться члены горкома, — предупредить о слежке. Куликова и Калашникова арестовывают. Полиция идет с Калашниковым на его квартиру, чтоб установить личность задержанного. Несомненно, обыск, обнаружится склад нелегальной литературы. Но на квартире уже успел побывать Постышев — ему сообщили об аресте товарищей. По совету Постышева мать Калашникова вынесла всю литературу в бельевой корзине.

Провокаторы и филеры следили теперь за каждым шагом наиболее видных деятелей ивановской социал-демократической организации.

Молодой партийный работник — безработный Постышев — приковал к себе особое внимание полицмейстера Виноградова.

«...Путем наблюдения установлено, — докладывал владимирскому вице-губернатору Сазонову полицмейстер Виноградов, — что, когда наборщик «Виктор» переносил шрифт на квартиру в Афанасьевскую улицу из деревни Сергеиха, то ему помогал в переносе вещей некто «Ермак» (Павел Постышев); о местонахождении его сведений не имелось. Между тем арест его более чем необходим, и нахождение его на свободе нежелательно. Приняты меры, чтобы взять под наблюдение всевозможные места его появления. По агентурным данным, «Ермак» явится в семь часов утра на свидание к арестованному Калашникову с передачей книг».

Это особое внимание полицмейстера к двадцатилетнему безработному, не имеющему места жительства, объясняется тем, что провокаторы информировали охранку о конференции иваново-вознесенских большевиков, состоявшейся 8 марта 1908 года в деревне Авдотьино, доверившей Постышеву руководство организацией.

Старательно выбирали подпольщики место для конспиративной конференции. В деревне Авдотьино, расположенной за городским парком, арендовали квартиры рабочие Зубковской фабрики, завода Анонимного товарищества. Среди жителей Авдотьино было немало революционно настроенных рабочих и активных большевиков.

Я представляю, как изумлены были ивановские жандармы, получив от своего осведомителя сообщение, что двадцатилетний Павел Постышев, сын ткача, рабочий Гарелинской фабрики вместе с Калашниковым и другими молодыми большевиками созвал конференцию, выступил на ней с

двумя докладами: о Карле Марксе, в связи с годовщиной со дня его смерти, и о работе ивановской партийной организации. Жандармам не удалось узнать, что на этой конференции был посланец Ленина «Макар» — Ногин, сделавший доклад о профсоюзах.

Сохранился короткий протокол этой замечательной конференции:

«Конференция собралась в составе 28 человек, 22 с решающим и 6 совещательным, вместо 37.

После выбора председателя конференции почтили память К. Маркса, юбилей смерти которого организация не смогла ознаменовать чем-либо торжественным, причем была сказана речь о значении К. Маркса для развития научного социализма и для объединения пролетариата всех стран.

Сделан был доклад о деят. ив. — возн. к-та, которая выразилась в поддержании связей с фабриками, так и в возобновлении их после двух провалов в январе, а также в поездках по округу в целях поддержания связей. Комитет приостановил работу типографии ввиду невозможных конспиративных условий.

Конференция постановила избрать комитет не в составе 13 человек, как было раньше, а в составе 9, что позволит ему более часто и конспиративно собираться.

На союзный съезд конференция выбрала только 6 делегатов вместо прежних 11, мотивируя это уменьшением числа членов иваново-вознесенской организации...

Конференция закрыта в 5 часов 45 минут утра 9 марта.

Конференция не могла обсудить сделанного доклада о кооперативном движении ввиду позднего времени и сильного утомления членов, пришедших прямо с работы».

Постышев был избран руководителем городского комитета партии. Но возглавлять организацию ему пришлось недолго.

Двадцать четвертого апреля полицмейстер Виноградов, торжествуя, доносил генерал-губернатору:

«...«Ермак» явился к арестному помещению 24 апреля в одиннадцать часов утра, где и был арестован (Постышев пришел на свидание к арестованному Калашникову. — Г. М.). При обыске обнаружено письмо к неизвестному лицу, в котором «Ермак» просит о высылке литературы для подготовки движения, чернила для гектографов, счет книжного магазина за подписью и под заглавием Иваново-Вознесенскому комитету РСДРП».

Через несколько дней Постышева отправили во Владимирскую тюрьму.

Владимирский губернатор срочно сообщил в министерство

внутренних дел об аресте еще одного важного государственного преступника и приобщил его к делу «об Иваново-Вознесенском союзе РСДРП».

38 большевиков во главе с М. В. Фрунзе обвинялись по 1-й части 102-й статьи уголовного положения о наказаниях в содержании конспиративной квартиры, хранении оружия и боевых патронов, создании типографии, призыву к вооруженному восстанию, распространении нелегальной литературы.

Молодого революционера ожидала суровая кара — каторжные работы.

— Хотите прочувствовать меру мужества Михаила Васильевича Фрунзе, Постышева, Гусева, Сулкина и других революционеров-большевиков? Побывайте во Владимирской тюрьме, повстречайтесь с теми, кто был с ними в заключении, на каторжных работах, — посоветовал Ноздрин. — И вы сердцем поймете, что такое мужество революционера. Ведь в тюрьме немногие выдерживали. Были такие, что от своих убеждений не отказывались, но сворачивали на другой путь, уходили от борьбы к террору. Вместе с нами сидел хороший рабочий парень, был активистом социал-демократической организации, а как побыл в тюрьме, там попал под влияние эсеров, и они из него террориста сделали. Его потом к смертной казни за какое-то нападение приговорили. В тюрьме большевики продолжали свое дело воспитания людей, организации их. Годы заключения были своеобразной академией.

Несколько дней прошло после посещения «польского» корпуса Владимирской тюрьмы, но я не могу отделаться от мрачных картин, виденных в этом каменном застенке. Камеры — гробы из камня, цемента и железа. Людей давили стены, сжимали железные решетки, ограды.

Мне не удалось во Владимире разыскать тех революционеров, что были в тюрьме в одно время с Фрунзе, Гусевым, Постышевым и другими ивановцами. Калашников на партийной работе в Иркутске, другие — на Дальнем Востоке, в Казахстане.

Я уже собирался уехать из Владимира, но узнал, что приехал старый большевик Иван Андреевич Козлов. Он привлекался по делу орехово-зுவевской организации, но был в «польском» корпусе одновременно с ивановскими большевиками.

Козлов собирает материалы для книги о подполье, каторге, ссылке.

Познакомился с Козловым. Бывший коломенский столяр стал видным партийным работником, был, между прочим, руководителем харьковской

парторганизации в годы гражданской войны.

Его рассказы о Фрунзе, ивановцах, москвичах, заключенных во Владимире, интересны настолько, что они достойны большой книги.

Тюремщики напрасно силились убить дух большевиков-революционеров. Они продолжали свою деятельность с такой же энергией, как на воле; использовали заключение как паузу для общеобразовательной учебы, продумывания тактики борьбы. Они продолжали бороться. Ни камень, ни железо, ни толстые стены, ни строй штыков не могли их отторгнуть от рабочего класса. Если на берегах Талки Фрунзе руководил политическим воспитанием тысяч людей, то здесь, в тюрьме, он стал признанным руководителем факультета партийных пропагандистов и массовиков.

Фрунзе организовал ежедневные занятия гимнастикой. Для фехтования приспособил ручки от швабры, для турника — кроватьную раму. Он вел ежедневные занятия с политическими заключенными. Изучали общеобразовательные предметы, историю социального движения. Великое мужество революционера, над которым навис смертный приговор по ложному обвинению.

Своей стойкостью Михаил Васильевич Фрунзе воспитывал в Постышеве, Гусеве, Калашникове, других своих сопроцессниках то мужество, для которого не подберешь эпитета даже из самых высоких шкал твердости: ни алмаз, ни порфир, ни другие несокрушимые временем минералы не могут быть синонимом этой твердости.

В этой академии большевистской выдержки, беззаветности, верности своим идеалам и принципам в течение двух лет проходил школу Постышев, двадцатилетний вожак ивановских большевиков. За столом в камере, где Фрунзе организовал рабочий факультет социальных наук, занятия продолжались от завтрака до обеденной прогулки. Во время предобеденных прогулок возникали горячие дебаты между большевиками, меньшевиками, эсерами, анархистами.

Постышев получал партийное образование.

Личное мужество Фрунзе, уже приговоренного к смертной казни, но продолжающего занятия с товарищами по заключению, вдохновляло, наполняло силами, вселяло веру в людей, в свое правое дело.

Каждый штрих поведения Фрунзе, живого, неистового, горячего, не сгибающегося перед несчастьями, учил, каким должен быть революционер.

Козлов с юношеским восторгом рассказывает о «великом профессоре революционной деятельности» — Фрунзе.

Поединок заключенного Михаила Васильевичу Фрунзе с начальником

тюрьмы Гудимой достоин отображения в новелле. За циником, изувером, садистом Гудимой заслуженно пришла во Владимир худая слава «мрачного палача». Не без умысла Гудима был переведен из Шлиссельбурга, где сгноил, довел до умопомешательства сотни политических заключенных. Министр внутренних дел, вероятно, решил без громких приговоров разделаться с социал-демократами постоянно бунтующей Владимирской губернии. С первого же дня по прибытии во Владимир Гудима начал показывать свой нрав. За малейшее возражение, неподчинение тюремному режиму отправляли в карцер. Гудима решил уничтожить все «вольности» в тюрьме.

Он появился на тюремном дворе, когда заключенные были на прогулке. Раздалось:

— Смирно! Шапки долой!

Фрунзе и другие заключенные продолжали швырять снежки.

Гудима приказал вызвать солдат. Строй конвойной роты, поднятый по тревоге, возник на тюремном дворе. Гудима приказал солдатам взять ружья на прицел.

Заключенные рассеялись по углам, запрятались за стены.

Фрунзе остался на тюремном дворе. Он выжидающе глядел на начальника тюрьмы и конвоиров.

Гудима остолбенел, уперся взглядом во Фрунзе.

Потом глухо спросил офицера:

— Кто это?

— Фрунзе, — доложили ему.

— А, знаю... — хмуро протянул Гудима и, помолчав, добавил: — В него стрелять не нужно. — И ушел со двора.

Не поучая, не назидая, Фрунзе своим обликом, своими поступками воспитывал людей. В рассказах Козлова тюремная жизнь представляла многогранной, сложной, порою очень обостренной. Конфликты здесь вызревали часто и бурно. В камерах были лидеры эсеров, меньшевиков. Они старались распропагандировать сидевших там молодых социал-демократов. Фрунзе полемизировал с ними, читал лекции о синдикализме, об аграрной программе РСДРП (б), дискутировал во время прогулок.

Его обаяние и жизнерадостность были тем сердечным магнитом, который притягивал к себе всех.

Вечерами Фрунзе организовывал шумовой оркестр, собирал вокруг себя песенников, запевал сам.

Эти рассказы Козлова помогают понять истоки тех качеств, которые поражали в Постышеве.

Жизнь в тюрьме, общение с Фрунзе отграничили характер Постышева. Молодой революционер видел перед собой человека, которому нужно подражать, у которого можно заимствовать лучшие качества, побуждения, стремления, идеалы.

У заключенных, несмотря на карательные меры реакции, были друзья на воле. Они не боялись жандармских угроз, они не отрекались от своих друзей, приходили к ним на помощь.

— Жаль, здесь аллеи срубили, — рассказывал Иван Андреевич, осматривая кладбище перед тюрьмой. — Вот в этом месте посадки были. Сюда молодежь приходила из города. Мы уже все знали, когда придут наши друзья к стенам тюрьмы. Мы их называли «голубками». Прильнем к решеткам, переговариваемся с ними. Мы знали часы, когда придет молодежь. В тюрьму к нам из политического Красного Креста приходили названные сестры, братья. Ими руководила Любовь Матвеевна Николаева-Белоконская, жена владимирского врача. Поддерживать связь с заключенными было ее партийное поручение, помогать им, передавать литературу, пособия, вести переписку с теми, у кого не было семей или родные были неграмотными. Чудесная женщина! Некрасов в поэме воспел Трубецкую и Волконскую. Они достойны этого. Но ведь ни Трубецкой, ни Волконской не угрожали преследования. Читали воспоминания, в каких условиях они жили в остроге? Учтите, что это были богатые люди. А Любовь Матвеевна Белоконская рисковала всем. Она назвалась сестрой Постышева, приходила к нему в тюрьму на свидание. У самой девять ребят. Муж возражал против ее встречи с арестованными, не хотел жертвовать своим положением, терять репутацию, как тогда говорили, в глазах начальства. Но даже когда муж настоятельно потребовал, чтобы Любовь Матвеевна прекратила работу в политическом Красном Кресте, она не выполнила его требований — разошлась с мужем. Внимание Любви Матвеевны к Постышеву, по-моему, крепко поддержало Павла Петровича в тяжелые месяцы наряду с той опекой, которую взял над ним Фрунзе.

Посмотрите в архиве дела политических заключенных. Не допускаю даже мысли, чтобы Фрунзе и Постышев не переписывались со своими товарищами. Фрунзе, после того как Постышев, Сулкин и другие сопроцессники были высланы в Иркутскую губернию, отбывал срок каторжных работ во Владимирской каторжной тюрьме; тут же сидел его товарищ и сопроцессник, ближайший друг Постышева Гусев. Эта переписка многое раскроет, расскажет о думах, настроениях молодого Постышева.

Во Владимирском историческом архиве мне посчастливилось найти лишь одно письмо Постышева, оно адресовано его сопроцесснику Павлу Гусеву, продолжавшему отбывать срок наказания во Владимирской каторжной тюрьме. В деле Гусева, умершего в тюрьме от туберкулеза, хранится оригинал. Читал ли это письмо Гусев? Возможно, тюремная администрация не вручила его адресату?

Яркое письмо, убеждающее, что Постышев — человек с задатками художника слова.

Владимир, губернский,
арестантское исправительное отделение,
каторжанину *Павлу Гусеву*
из Заларийского, Иркутской 4/II.14.

Павел! Вот уже год, как я живу на новой родине. И ровно год, как я собираюсь писать тебе. А ведь, дорогой мой, кажется, я обещал написать тебе вскоре после освобождения. Да, я это обещание помню. Не забыл и того, какое удовольствие доставляет Вам каждое живое слово, пришедшее с воли; помню, прекрасно помню, что сам я недавно находился в одинаковых с Вами условиях; с таким же нетерпением ждал живого, теплого слова. И все-таки, Павел, несмотря ни на что, я не написал тебе до сих пор ни единого слова. Ах, Павел, Павел! Могу ли я надеяться после этого на твое извинение?

Можно было бы, вполне можно извинить это кому-нибудь другому, но не нам, испытавшим на себе все прелести вашей жизни. Чем мне оправдываться? Не лучше ли скорее приступить к описанию своей жизни. Начну сначала и постараюсь довести до конца. Как только мы покинули славный город Владимир, перед нашим взором открывались все новые и новые впечатления. Ехать на новую родину было весело. Рождество мы провели в Самаре. Там нас собралась порядочная компания. В Томской, или нет, в Красноярской, пересылке было уже слишком весело. Человек триста ввалились в тюремный барак, по силе песня, пляска, и, конечно, не без драки. Но чувствовали себя все очень хорошо, а главное — свободно. Встречались административные, которые сообщали нам о жизни в Сибири. Первого января мы прибыли в Иркутск, застали там воронежских. Стали ждать назначения... Вот тут-то нам пришлось туговато...

Главное, не было ни копейки денег, а ждать назначения пришлось недели три. Заботься об этом, «паря», а то придется тоже нелегко. Отделение, в котором мы были, было полно дашнакцутюнами. Была

публика и из Орловской тюрьмы. Дождались дня назначения. Всех нас троих перевели в другой барак, где собирают партию. И назначили нас всех сирот в одну волость и одну деревню. Только Сулкина в этот раз не назначили, и ему пришлось остаться. Собрали партию, и мы тронулись дальше. До Тырени мы ехали по железной дороге и под конвоем. А в Тырени нас сдали крестьянам, но они еще похожи на конвойных, у них были ружья, и они получают месячное жалованье, как наемные конвоижки. Все-таки и тут мы были под замком, но все-таки режим гораздо ослабел, а Владимирского духа уже и не чувствуешь. Этот конвой нас довез до Балаганска. Там уже совсем другое: нас пустили ночевать на квартиры к товарищам. И тут я впервые почувствовал волю. С каким удовольствием, вообрази, я прошелся один по улице! Никого около тебя нет, один, на все четыре стороны [пути] тебе открыты, иди куда угодно. На другой день мы поехали дальше. И чем дальше, тем ощутительнее свобода. Наконец третьего февраля мы прибыли на место назначения, в село Янды (пол. сел.) Ирк. губ. Балаганского уезда.

Пришли в волость, нас приняли, после проверки и сказали, что мы свободны. Все от нас отступились, остались мы одни; куда угодно, туда и иди.

В Яндах из политиков, кроме дашнаков, никто не живет. И мы решили тут не оставаться — поговорили с ямщиками, которые нас везли, как арестантов, срядились с ними и тут же решили поехать в Усть-Уду. Попили чаю у дашнаков и как пассажиры, а не арестанты поехали с этими же мужиками из своей столицы. Приехали в с. Усть-Уду, там нас встретили товарищи. Стали опять пить чай, пошли разговоры, то, другое. Но вот приходит наш сопроцессник Ал. Жуков. Забирает нас на квартиру (они жили коммуной человек пять — трое столяров, Алексей стряпухой по очереди с одним товарищем). Тут-то мы и устроились. Немного отдохнув, я и Куликов пошли работать к крестьянам, и Яков пошел пилить шпалы.

Затем наступила весна.

И мы стали наслаждаться ее красотой, открылась река Ангара. Я купил сачок и стал ловить рыбу. Ездили гурьбой кататься на лодках. Ходили по цветы. Чудная, Павел, живописная местность нашего поселка. Самым любимым местом моей прогулки были горы. Утром до восхода солнца я брал газету и отправлялся на горы. Трудно для меня описать всю прелесть этих гор, когда они бывают позолочены восходящим солнцем и над ними высоко-высоко сверкает бирюзовое небо, и так близко к земле пылающая [заря]. Что вот-вот загорится Земля, а когда заходит солнце, то я предпочитаю гулять между гор, по «падаям» — так они здесь называются.

Тогда эти горы подернуты синеватой дымкой, а небо будто касается их верхушек, и сквозь сосны сверкают лучи заходящего солнца. Что-то волшебное представляется тогда взору, и душа наполняется чем-то неземным, и тогда хочется и обнять всех, хочется простить всем, и чтобы самому все было прощено. Чудно созерцать эту картину и с лодки, когда тихо несет тебя по течению. Вспорхнет где-нибудь стая уток и потонет в сверкающем небе. Я всегда возмущался, когда в это время их убивали. Уж слишком тогда всем хочется жить, да и стоит жить тогда. Ну, прожил я тут шесть месяцев, потом получил паспорт и поступил на пароход в качестве матроса. Проработал на пароходе до 12 ноября. Возил дрова, таскал муку и получал 21 руб., но приходилось много проживать, так что не мог скопить ничего на зиму. Часто бывал в Иркутске. Ходил и в театр нередко. Но главным образом там дороги харчи. Ездил я и по славному священному озеру Байкалу. Как оно, Павел, красиво! Потом пошел пешком в Усть-Уду обратно. Побыл там недели две и уехал в село Залори, где и живу сейчас. Со мной по соседству живет Ал. Жуков Яков остался в Иркутске, Куликов — в Усть-Уде. Недавно получил письмо от Сулама, он в Енисейской губернии, Канского уезда, в деревне Хандельской Тасевской волости.

Я, Куликов и Жуков живем семьями. Мы женились, и все поженились на поселянках. У Жукова уже родился сын. Ну, что бы тебе еще написать? Много нового на воле, да как вам написать об этом. Мы получаем много газет, получаем две газеты рабочие, газету «День», «Сибирь», «Современное слово» и др. Журналы «Просвещение», «Наша заря», «Современный мир», «Заветы», «Русскую мысль» и «Современные записки». Читать есть что, была бы лишь охота. Много литературы по страховой компании. Жизнь на воле кипит. Рабочие стали вполне современные, особенно петербуржцы.

В 1962 году опубликованы письма Постышева к Белоконской. По сути, это главы повести о революционере. Они так же, как и письмо к неизвестному другу Шурке, раскрывают характер человека романтического склада, борца, беззаветно преданного делу своего класса.

«Шурка!

Через два месяца иду в Сибирь. Теперь я твердо могу сказать, что восьмого декабря я буду выслан в эту страну изгнанником.

Какой бы эта страна ни была, но я все же с удовольствием променяю на нее Владимирский централ. Иногда становится грустно при мысли, что ты идешь на волю, а тут остается столько молодых, красивых, умных людей, которые стремятся к жизни, простору, на котором бы они могли

развернуть свои могучие силы, таланты. Сколько бы они могли принести людям пользы! Только священная, великая вера в лучшее будущее — она одна укрепляет наши силы, и ты, Шурка, не теряй ее».

Письма Постышева Л. М. Белоконской

Здравствуй, дорогая сестра! Посылаю тебе последнее письмо из г. Владимира потому, что скоро покину его. Остается два месяца срока, через два месяца иду в Сибирь. Теперь я наверное могу сказать Вам, что 8 декабря с. г. я буду отправлен в «страну изгнанников».

Хотя история этой страны и печальна, но все-таки, живя в ней, я найду хоть один час или одни сутки в неделю, которые я проведу совершенно один. Никто, решительно никто тогда не будет окружать меня. Находясь здесь, невозможно даже и представить себе, как это может быть, чтобы я один мог пойти гулять, или лег спать, когда захочу, или не спал бы, когда не хочу. Как все это надоело и как все это скоро кончится. Иногда становится очень грустно при воспоминании, что ты идешь на свободу, а здесь остается столько молодых, красивых и умных людей, жаждущих жизни, простора, где бы они могли развернуть свои могучие силы, свой талант, и сколько бы они могли принести людям пользы, но ими пренебрегли, мало того, лишили свободы.

Дорогая сестра! Если бы Вы посмотрели на этих людей, которые надеются тоже получить свободу и тоже верят в лучшее будущее, несмотря на то, что имеют 20, 15 лет и вечную каторгу!..

Нас идет три однодельца. Все трое с нетерпением ожидаем декабря. Буду писать Вам как с дороги, так и из Сибири...

Кланяюсь Вам и знакомым.

Твой брат П. Постышев,

4 октября 1912 г.

Здравствуй, Л. М.!

Какое время, 14 апреля — самый разгар весны, ведь у нас теперь с каждым днем все лучше и лучше становится местность, все красивее и красивее. Уж давно поют жаворонки, прилетели гуси и утки, а буйная красавица Ангара своим усиленным дыханием прозрачную ледяную броню превращает в снежную кашу. А если бы знали, какие вечера у нас! Особенно при солнечном закате красивы горы. Усть-Уда со всех сторон окружена горами, сплошь покрытыми лесом. Несколько месяцев спустя за один час такого вечера что бы я отдал — не знаю. Освещенные солнечным закатом, горы становятся слишком очаровательными. Разорванные, в

пурпур окрашенные тучи воистину сказочными коврами ложатся на их верхушки. И по этим-то прозрачно-нежным коврам, устало вздыхая, катится солнце на другую сторону гор. Но вот эта чарующая прелесть и сотовой доли не имеет той прелести, если бы ее можно было созерцать украдкой сквозь мрачные решетки проклятой тюрьмы. Когда удастся увидеть сквозь тюремную решетку хоть холмик или маленькую рощицу, так с каким невыразимым желанием рвешься туда, как мучительно сознавать, что ты этого наслаждения лишен. А теперь тебе открыта дорога, наслаждаешься всем, чем можешь. Однако же я лучше буду созерцать эту прелесть, но на воле, хотя бы вот здесь в Усть-Уде, но не сквозь решетки тюремные. Пусть смотрят и любуются сквозь них тюремные надзиратели.

Дорогая моя, моя хорошая, добрая сестрица Л. М.!.. Я буду вам писать всегда, где бы я ни был. Мне было бы очень тяжело не писать Вам и от Вас ничего не слышать.

Ваш друг и брат Павлик
Усть-Уда, 2 апреля 1913 год.

Дорогая Л. М.

Живем мы на новой квартире опять четверо: трое однодельцев и четвертый тов. Глинский (сидел с нами во Владимире)...

Теперь сообщу Вам о нашей организации. У нас имеется касса взаимопомощи, которая задается не только одной целью помогать товарищам материально, но и духовно: со всех денег, поступающих в фонд организации, отчисляется 25 проц. на библиотеку, и теперь у нас имеются книги очень недурные. Все тов. по возможности должны возвращать взятые из кассы деньги.

Помогаем главным образом этапам и крайне нуждающимся. Членские взносы 15 копеек в месяц. Если вы пожелаете, я могу послать Вам нашей кассы устав. Каждый член организации, кроме членских взносов, делает отчисления с получаемых денег извне по 5 коп. с рубля. Отчисления делаются с суммы выше 10 руб.

Дорогая Любовь Матвеевна!
Шлю Вам свой горячий привет.

Поздравляю с великим пролетарским праздником Первого Мая. Надо Вам сказать, что этот праздник я встречал в дороге, трое нас ходило на колесную дорогу, которая проводится верстах в 30-ти от нашего села. Пройдя верст 15, дорога идет к тому участку, где работа, тайгой. Мы ходили узнать, нет ли там для нас работы, но пока там еще работы не

начались, и мы пойдём ещё туда же завтра, Так вот где мы провели наш рабочий праздник, первый праздник на свободе после тюрьмы провожу не под штыками и пулями. Оркестр нам заменяла тайга. Шум гигантов-деревьев — как будто бы победный гимн миллионов армии пролетариата. Эта дикая, но величественная музыка проникала в самую глубь нашего сердца. Мы стояли и слушали эту могучую победную песню. Аккорды этой песни менялись, до наших ушей долетал то пронзительный вопль, полный злобы и мщенья, то как будто бы тяжкий вздох огромной, огромной армии. Это тайга на одну минуту прекратила свою песню. А какая была красивая в то время тайга, деревья то плавно покачивались из стороны в сторону, то, как будто чего испугавшись, бросались то в ту, то в другую сторону. То опять успокаивались. Чудная была у нас там Маевка. Сколько хочешь выкидывай красных флагов и произноси речей: никто не запретит.

Я Ваше письмо, дорогая Л. М., получил 4 мая. Тысячу благодарностей я шлю Вам за него. Как я рад, что слышу от Вас хотя изредка весточку. В тот день мы ходили собирать цветы, и я для Вас собрал большой букет... Посылаю Вам из него два цветка.

Пока, будьте здоровы. Посылаю Вам на память свои стихи...

Ваш друг Павлик

7 мая. Усть-Уда. 1913 год

Дорогая Любовь Матв.

Ещё раз извиняюсь перед Вами за свое молчание. Помните, я писал Вам, что поступаю матросом на пароход. Вот эта-то служба и мешала мне вести с Вами регулярную переписку. Большую часть времени приходилось проводить в тайге, где-нибудь в захолустье: бросят нас грузить дрова на баржу, и там нередко мы жили по целому месяцу.

Работа слишком тяжелая, встаешь вместе с рассветом и работаешь до поздней ночи, а когда кончишь, то несколько часов приходится потратить на приготовление ужина, а когда съешь ужин, то усталость начинает требовать свое. Это одна из причин моего молчания, но не самая важная. Главное то, что я за все время службы слишком скверно чувствую себя. Сколько раз я садился за письмо в самую тяжелую минуту грусти, чтобы поделиться с Вами своим одиночеством, но ни одного письма я не мог отправить Вам...

Дорогая моя, моя хорошая, добрая Л. Матв. Как бы я хотел учиться и учиться, особенно когда я чувствую себя слишком малограмотным.

Книги, и учебники, и люди, которые помогли бы мне побороть премудрость света и знаний, все к моим услугам. Но злая, неизбежная

судьба пролетария нигде не дает покоя. Вечная погоня за несчастным куском хлеба поглощает все мое время, и все напрасно. Когда душа просит света, кричит и рвется из объятий непроницаемой тьмы, тело подавляет крик душевный стоном о хлебе.

Я после расчета на пароходе пошел к тюремному инспектору в надежде получить от него разрешение временно проживать в городе Иркутске: вот, думал я, устроюсь на каком-нибудь местечке и все свободное время посвящу самообразованию, но увы. И эта мечта, подобно мечте покинуть Сибирь, обратилась в прах. Инспектор велел мне отправиться туда, где мне показано проживать. И пошел я в Усть-Уду и пришел с отмороженным носом. Как Вам это нравится?..

Ваш Павлик

1913 г. 15 декабря

Из записок Барвинца

1929 год, 14 апреля

Сегодня Влас Яковлевич Чубарь делал доклад о пятилетке. Трудно представить себе размах строительства. Пятьсот восемнадцать предприятий. Хочется быстрее прожить пять лет, чтобы увидеть, каким будет Новокраматорский завод. Я не представляю завод, который будет выпускать ежегодно оборудование для одного-двух металлургических заводов.

На сколько километров протянутся цехи тракторостроительного завода, с конвейеров которого ежедневно будут сходить сто пятьдесят тракторов? «Азовсталь», запроектированный на берегу моря, вблизи Мариуполя, оказывается, займет территорию сегодняшнего Харькова. Алюминиевый завод вблизи Днепровской электростанции будет соревноваться потоками голубого металла с потоками доброй степной реки.

Когда Чубарь говорил о средствах, зал застыл от удивления. Оказывается, Украина уже продает макароны Италии, молотилки — Турции, кирпич — Польше, кости для жировой промышленности отправляет во Францию, пшеницей снабжает Германию.

Вспоминаешь, как на любом активе в области и в районе Постышев интересовался сбором тряпья, костей, выделкой кустарных изделий и доказывал, что это «золото», за которое мы приобретем машины и станки для нашей индустрии.

Чубарь показал, как они уже идут в Харьков, Мариуполь, Краматорку, Одессу, Днепрпетровск — для новых гигантов.

Саша Курганов на городском собрании комсомола рассказал, как Постышев привел в окружном комсомола беспризорника. «Этот хлопчик, — сказал Постышев, — нам всем самое суровое обвинение. В центре города, на виду у всех ребята ночуют под асфальтовыми котлами. А мимо проходят дяди из Комитета по борьбе с беспризорностью и из комсомола. К чему привела облава, которую вы устроили осенью в прошлом году? Устроили облаву в одном Харькове. Ребятишки сели в поезд и разъехались в другие области. Уж если делать облаву, так договориться с другими областями. А потом проследить, чтобы ребята попали в хорошие детские дома, а не туда, где «фельдфебели в юбках». Курганов от имени ЦК комсомола Украины попросил выделить лучших людей для проведения облавы на беспризорных.

Помощник Постышева раскладывал в папки на рабочем столе первого секретаря окружкома утреннюю почту — письма, сводки, протоколы, отчеты. Самой рыхлой всегда была папка номер один с письмами трудящихся.

Постышев просматривал окружные и районные газеты, подчеркивал корреспонденции и заметки, заинтересовавшие его (потом их вырезали и наклеивали в тематические альбомы).

— Наконец прислал окрисполком проект договора с москвичами, — вытаскивая из пухлого конверта несколько больших листов, тиснутых в типографии, сказал помощник и положил их на середину стола.

Постышев отложил газеты, стал читать проект договора. Помощник продолжал раскладывать почту, поглядывая на Постышева. От одежды секретаря тянуло легким запахом каленой металлической пыли, нефти. Помощник уже привык к тому, что в иные дни вместе с хозяином кабинета входили в него запахи тех цехов, где он успел побывать. Теперь, когда казалось, даже маленькую паузу нельзя отыскать в сутках, Постышев умел находить время побывать на предприятиях и неизменно в тепловом отделе ХПЗ, где монтировали новый мощный двигатель типа «зульцер».

Постышев карандашом делал пометки на проекте договора, потом набросал на листке календаря несколько фамилий, отдал его помощнику.

— Сразу же ко мне их, Борис. И агрономов пусть пригласят, — и подвинул к себе папку с «личными» письмами.

Традиция была нерушимой — Постышев сам читал эти советы, жалобы, наблюдения, раздумья. Сколько раз помощник пытался аннотировать их, давать сводку писем, но Постышев строго предупредил: «От людей меня отгораживать нечего, выслушивать их я обязан без посредников».

В кабинет вошли один за другим заместитель председателя окружного исполкома Канторович, секретарь исполкома Дзюбенко, заведующие отделами окружного комитета партии и окрисполкома, агрономы.

— Кажется, все в сборе? — обвел взглядом присутствующих Постышев. — Почти в каждом письме из села об одном и том же. — Постышев постучал пальцем по картону папки. — Проведите землеустройство, организуйте ТСОЗ!.. А мы это все пока просто

регистрируем. Все читали этот проект? — поднимая со стола большой лист бумаги, спросил Постышев. — Можно с ним направлять делегацию к москвичам?

— Кое-что поправить нужно, — высказался пожилой специалист, удивительно напоминающий своим обликом Григория Ивановича Петровского. Даже учительские очки в металлической оправе такие, как у «всеукраинского старосты».

— Вы из исполкома? — спросил Постышев двойника Петровского.

— Это наш агроном из земельной инспекции, — представил его Канторович, усердно вытирая потную шею носовым платком. — Если нужно что доработать, Павел Петрович, мы созовем комиссию, — предупредительно добавил он.

— Доработкой этого сочинения не исправите, товарищ Канторович, — возразил Постышев. — И дело не в поправочках, товарищ агроном, а в том, как подошли к договору.

— Павел Петрович, такие же договоры заключают между собой другие области. — Канторович озадаченно приподнялся из-за стола. — Дон с Поволжьем недавно оформили. Мы все обязательства не хуже сформулировали. Смотрите...

— Сейчас мы обсудим, хуже или лучше, — остановил Канторовича Постышев, — читайте, товарищ Дзюбенко, по пунктам. Вступление можно не читать. Все правильно и все общо. Начинайте с обязательств.

— «Харьковский округ обязуется охватить коллективизацией сорок процентов всего землепользования», — прочел Дзюбенко.

— Пока на этом и остановимся. — Постышев поднялся из-за стола и стал прохаживаться вдоль комнаты, — Откуда взяли эту цифру — сорок процентов? — после короткой паузы спросил он. — Почему не пятьдесят?.. Нужно, мол, ей, Москве, показать, что мы не лыком шиты. Раз они — тридцать пять процентов, мы — сорок! Расчеты есть, товарищи агрономы?

— Мы прикидывали, — оказал кто-то из агрономов.

— Прикидывали? — Постышев сел за стол напротив агронома, подавшего реплику. — Вы агроном, вам нужно не прикидывать, а рассчитывать. И расчеты строить на подготовке земли к коллективизации, на наличии техники. Сколько у нас еще в округе чересполосицы, сколько крохотных участков! Доходит до того, что крестьяне ездят пахать за десять-пятнадцать километров от села, а на соседних землях пашут из другого села. Да и чем вы пахать эти сорок процентов земель будете? Это договор для того, чтоб соблюсти форму. — Постышев посмотрел на Канторовича. — Составили. Подписали. В архив положили И забыли!.. Читай, Дзюбенко,

дальше.

После прочтения второго пункта о площадях посевов пшеницы и трав, о чистых и занятых парах разгорелся спор. Своими замечаниями по первому обязательству Постышев открыл шлюз давно накопившимся раздумьям о нерешенных вопросах.

Агроном в очках и толстовке обрушился на окружной исполком за то, что до сих пор не решен вопрос о семенном хозяйстве округа. Постышев без упрёка произнес:

— А говорили, «кое-что поправить»?

— Привыкли, Павел Петрович. Что ни напишем, все на бумаге остается, а теперь почувствовал: слава богу, писанине конец приходит!

— До конца еще далеко, — покачал головой Постышев. — Оказывается, мы еще считать не научились. Это не договор. Это проект декларации с общими фразами, повторение общих истин и тех речей, что произносят плохие ораторы на праздничных и юбилейных митингах. Договор должен быть конкретным, расчетным, как инженерный проект. За каждую цифру в ответе округ и прежде всего парторганизация. Что это за фраза: обязуемся провести коллективизацию в короткие сроки? Скачки на коллективизации! Кто кого обгонит? Есть указание нашей Пятилетки провести коллективизацию в пять лет. Встречные планы и опережения в этом деле не нужны, а вредны. Что обязались сделать москвичи? — Постышев взглянул на Канторовича.

— К первому октября 1933 года коллективизировать тридцать пять процентов всех хозяйств и одну треть посевной площади, — ответил Канторович.

— Мы считали с товарищами Косиором, Шлихтером, Чубарем, что по Харьковскому округу мы сможем за пять лет коллективизировать в лучшем случае только одну треть всех хозяйств округа, охватить двадцать восемь процентов всей площади крестьянского землепользования. И этот расчет реален при одном условии, что у нас через два с половиной года начнет действовать тракторный завод. Без машин коллективы — пустая затея. Если за три года мы получим двадцать тысяч стальных коней, дело пойдет на лад. Но кони — конями. Нужно, чтоб в коллективы пошли середняки, не только беднота и безземельные.

— Значит, решен вопрос о постройке тракторного завода в Харькове? — спросил кто-то.

— Его решила жизнь, — сказал Постышев. — В договоре следует точно указать, что будем сеять, как сеять. Где займем землю чистыми парами? Сколько будем надаивать от каждой коровы? Но решать не по

ответу, как школьники. Строго рассчитывать. Указать, какая будет оказана организационная материальная помощь бедняцким хозяйствам. Показать, как будет расти посевная площадь под каждой культурой в отдельности. Со стихийными удачами — либо дождик, либо снег, нужно кончать.

— Для этого весь аппарат окрисполкома придется мобилизовать минимум на неделю. — Канторович смотрел на Постышева, гадая, что ответит секретарь окружкома.

— Пусть даже на несколько недель. Каждую цифру договора рассчитать.

Постышев поднялся из-за общего стола, подошел к письменному, нажал кнопку. Вошел помощник.

— Соедините меня с профессором Соколовским. Мы попросим ученых помочь нам в расчетах. Селекционера Юрьева нужно пригласить — он подскажет, что сеять. С хорошего семени начинается урожай. Были вы в нашей первой МТС? — обратился он к агрономам. — Поезжайте, посмотрите, как они земли артелей обрабатывают. Мы еще четыре МТС собираемся заложить. Все проверить — все свои ресурсы, средства. Самое главное — готовность людей. Есть одно обстоятельство — ни в один пункт его не запишешь. Обстоятельство психологическое. Трудно крестьянам со своими наделами будет расставаться, вообще с частной собственностью. А вы сразу махнули — обобществить скот... Пусть на месяц отложим заключение договора, но выверить каждую строку его.

В приемную Постышева вошел секретарь окружка комсомола Корсунов в сопровождении нескольких комсомольцев и остановился в нерешительности.

Сквозь раскрытую дверь кабинета было видно, как Постышев склонился над бумагами, разложенными стопками на бюро.

— Только вернулся с секретариата Цека, — предупредительно вполголоса сообщил помощник Корсунову. — Зайдите попозже, ребята. Начал почту просматривать...

— У нас дело горячее, — произнес Корсунов и показал пачку листовок.

— Раз горячее — нужно ковать сразу, — громко сказал Постышев, отрываясь от бумаг. — Заходите, ребята...

Корсунов и рассчитывал, вероятно, на то, что Постышев увидит его с товарищами. В Харькове многие знали: раз открыты двери приемной и кабинета первого секретаря, значит секретарь в окружке и попасть к нему можно запросто. В свободное от бюро и совещаний время он готов был принять каждого, кто хотел поговорить с ним. Порою, сам заведя посетителя окружка, растерянно стоявшего в коридоре, он выходил к нему, расспрашивал, кого тот разыскивает, и, случалось, приглашал к себе на беседу.

— Что случилось, Корсунов? — спросил Постышев, когда комсомольцы вошли в кабинет. — Что горит?

— Сейчас эти листовки, Павел Петрович, — Корсунов положил на письменный стол листовки, — принесли из технологического — их распространяют троцкисты в институте.

— Не первый случай. Вчера в медицинском задержали одного типа, тоже раскладывал листовки в аудитории перед лекцией, — возмущался завкультпропом Вася Мускин.

— Этого следовало ожидать, — пробегая глазами одну листовку, произнес Постышев. — У нас иные товарищи поверили искренности раскаяний оппозиционеров. Старые меньшевистские приемы. Покаяться. А потом потихоньку воду мутить... С заводов их выгнали. Туда им ход заказан. Ищут средю, где найдутся сочувствующие, единомышленники. Что же вы собираетесь делать?

— Выставили посты из проверенных товарищей, — сообщил

Корсунов. — Наблюдаем, чтоб не распространяли подпольщики.

— Значит, решили привлечь внимание к ним. — Постышев, перехватив недоуменные взгляды комсомольцев, добавил: — Будете ловить распространителей, и за листовками станут охотиться. Запретное всегда привлекает молодежь. Опубликуйте эту галиматью, и ее никто читать не станет.

— Кто же нам разрешит троцкистские листовки публиковать? — удивленно воскликнул Вася Мускин.

— Не размножать их, — пояснил Постышев, — а опубликовать в газете, прокомментировать. Так прокомментировать, чтоб труха от них осталась. Это ты должен сделать, руководитель организации, — сказал он Корсунову. — Написать статью, рассказать, как, кто распространяет листовки, привести текст одной из них. И напечатать статью в «Харьковском пролетарии».

— Беда! Не умею писать статьи, Павел Петрович, — смутился Корсунов.

— Нужно учиться. Уменье приходит с опытом. А с опытом знакомит дерзание, — заметил Постышев. — Садитесь, ребята. Мы артельно план статьи обсудим. Когда мне впервые поручили в ивановской организации листовку написать, я тоже сказал, что не умею, а Куконков, мой партийный наставник, спросил: «Думать умеешь? Свои мысли есть? Вот и записывай, что думаешь». Листовку троцкистов вы прочли. То, что это демагогия, ясно? Нужно разобрать, как говорят, ее по складам.

— В ней ведь каждое слово ложь и поклеп, — горячо произнес Корсунов.

— Вот с этого и начинай статью, покажи, в чем ложь этих подпольных писателей, а потом расскажи об их методах, о том, как, кем эти листовки распространяются. — Постышев на одной из листовок делал пометки. — Кто из молодых рабочих поверит тому, что комсомол не борется за улучшение быта рабочей молодежи.

— Да это на примере любого фабзавуча можно показать, — заметил кто-то из комсомольцев.

— А стоит ли этим отщепенцам отвечать? — сказал другой комсомолец. — На заводах их болтовне не верят. У нас на ХПЗ один попытался листовки в инструментальные ящики раскладывать — его с поличным накрыли. И за проходную!.. Не нужно из-за одного института всю организацию позорить.

— Позора никакого не будет, если Корсунов расскажет, как действуют троцкисты, — возразил Постышев. — Нужно, чтоб с этой мерзостью была

знакома вся молодежь. Пусть на собраниях те, кто распространяет эти листовки, расскажут, по чьему поручению они действуют. Ну, Корсунов, рассказывай, как бы ты начал статью?

— Я так и начну, Павел Петрович, как вы советуете, с того, как появились эти распространители листовок, — стал рассказывать Корсунов, — потом приведу текст листовки, а потом расскажу, как они брешут и почему.

— Просто, но ладно, — улыбнулся Постышев. — Так и пиши. А потом прочти ее членам бюро. И неси в «Харьковский пролетарий». Я с редактором договорюсь...

Как-то беседуя с секретарями партийных организаций, Постышев, раздумывая над тем, что главное в деятельности партийного работника любого звена, образно обобщил: родники нужно замечать. Начинается река из ручейка, а ручеек из родника. Много новых родников вскрывает жизнь. Наше дело увидеть их вовремя, чтоб песком не занесло, помочь им в ручей-реку разлиться.

Таким родником стал для него совхоз «Коммунист», заложенный после решения пленума Центрального Комитета ВКП(б) о совхозах.

Это было первое крупное сельское государственное предприятие с угодьями в десять тысяч гектаров. Гигант в сравнении с теми десятками карликами совхозами, что ютились в округе, занимая каждый не больше пятисот-шестисот гектаров земли.

Таких, как совхоз «Коммунист», было немного на Украине. Вокруг него скрестились мнения специалистов. Одни считали, что это дань гигантомании, другие, наоборот, утверждали, что только хозяйство с таким размахом может быть рентабельным и товарным при хорошем ведении дела.

Директором совхоза утвердили Федора Ивановича Зюлькова, старого большевика, выбившегося в сельские учителя из бедной крестьянской семьи, человека с большим хозяйственным опытом. Постышев знал его еще по партизанскому движению на Дальнем Востоке. Рекомендуя Зюлькова на пост директора первого опытного крупного совхоза, Постышев заявил на бюро окружкома партии: «О том, что Зюльков человек, преданный партии, говорит весь его путь. Всюду был он большевиком. Умело воевал, умело руководил учебными заведениями. Но всего этого мало для того, чтобы повести сельское хозяйство. Кроме Зюлькова, были другие кандидаты на пост директора. У них было немало опыта, заслуг, о них хорошо отзывались люди, работавшие вместе. Но когда я беседовал с ними, я не почувствовал двух качеств, которые нужны руководителю сельскохозяйственного предприятия, — любви к земле и любви к людям. Руководить совхозом может тот, кто слил эти чувства в одно. Мне кажется, я не ошибусь, если рекомендую Федора Ивановича, как человека, который любит людей, землю и будет пестовать их».

И хотя совхоз «Коммунист» был на самом дальнем краю округа — в Лозовском районе, Постышев из своего времени, сжатого прессом больших

и малых забот, выкраивал день-другой для того, чтобы самому увидеть, что делается в совхозе. Приезжал он сюда в дни организации совхоза, потом наведалься во время сева. И сейчас перед зажинками нашел свободный от совещаний и заседаний день, приехал на поля «Коммуниста».

Вместе с Зюльковым, секретарем парторганизации Журавлем, главным агрономом Постышев обходил уголья совхоза, осматривал хозяйственные службы, слушал рассказы своих спутников, животноводов, трактористов о делах, заботах.

Где-то в поле Постышев остановился у пшеничного клина. По наливавшему зерно хлебу ползли жирные змеи осота, синели острова васильков.

— Поле-то с вышивками, Федор Иванович, — озабоченно произнес Постышев, — прозевал директор. Что бы вовремя прийти попросить химиков обработать поля?

— Такие вышивки на всех полях, Павел Петрович, — сказал Журавель. — Самое главное, что наша «арнаутка» даст пудов сто с десятины.

— Самое главное — кулацкое наследство не прихватывать. — Агроном прошел по полю, сорвал несколько колосьев в том месте, где не было осота, потом сорвал еще несколько колосьев из рядка рядом с осотом, умело вышелушил уже тронутые матовой желтизной созревания зерна и поднес их на ладони Журавлю. — Сразу можно отличить, где какой колос вырос.

— Это соседи, черт бы их драл! — показывая на чьи-то большие участки, примыкавшие к совхозным землям, разгорячился Зюльков. — Наш совхоз в окружении кулацких земель. В прошлом году предлагал им: проведите боронование, выжгите стерню. Ответ один: «У нас и так растэ». Я им доказываю, что агрономия учит огнем и обработкой бороться с осотом. Один ответ: «Агроном дождя не зробыть. Два дождя в маю, и я агронома не признаю».

— Скоро, Федор Иванович, — сказал Постышев, — будут у тебя другие соседи. С теми легче будет найти общий язык. Только ваше хозяйство во всем пример должно показывать. И прежде всего научить людей озимые сеять. Я с крестьянами во всех районах беседовал, не возражают, что участки озимой пшеницы дают в полтора-два раза больше зерна. А продолжают яровую сеять. У меня просьба к вашему коллективу: сил у вас пока у самих маловато, но находите возможность помогать беднякам.

— Двести гектаров обработали тем беднякам и маломощным, что в

товариществе совместной обработки земли, — сообщил Журавель.

— Для начала хорошо, но мало. Осенью начнем постепенно коллективизировать село. — Постышев долго стоял молча, разминая в руках зерна. Он о чем-то раздумывал, что-то взвешивал. — Вообще-то для наступления техники маловато. В округе всего несколько десятков тракторов. Эх, было бы их хотя бы несколько десятков сотен! Тогда бы заложили пять-шесть крупных МТС. И всех безлошадных обеспечили бы тяглом. Придется выжидать, пока наши тракторные станут выпускать.

— Долгие жданки, — вздохнул Журавель. — Паровозостроительный завод немцы в Харькове лет семь строили. Но тогда сами фирмы машины предлагали. А у нас... Знаете, что мужики говорят, когда им наши агитаторы рассказывают о планах пятилетки? «Родил бог панамы, да денег не дал на карманные расходы». Кулаки посмеиваются, что мы кости, ганчирки, это по-украински «тряпье», всякие отходы по деревням собираем. Прямо говорят: «Не купит у нас государство пшеницы по той цене, которой хотим, и вся пятилетка на бумаге останется».

— Не только у вас так говорят, — произнес Постышев, — и в других районах и в самом Харькове. Один член партии даже письмо в бюро прислал: «Не трогайте кулака». Беседовали мы с ним на бюро, он все доказывал, что кулак страну кормит. Когда зашла речь о совхозах, прямо заявил: они товарного хлеба не дадут. Понимаешь, Федор Иванович, на какой передний край твое хозяйство вышло?

— Первое сражение выиграем, соберем не менее двухсот тысяч пудов. — Зюльков говорил уверенно. Видно, что не раз прикидывал директор, сколько каждый участок даст пшеницы. — А на будущий год засеем не менее десяти тысяч гектаров. Даже при среднем урожае получим не менее миллиона пудов зерна. Это наш ответ всем «правым» — неправым. Развели теорию — кисель на воде. Козыряют показателями разных карликовых совхозов и орут: «Не выйдем!»

— Сколько у тебя на один центнер пшеницы будет затрачено трудодней? — спросил Постышев.

— Не посчитал еще, — с досадой вымолвил Зюльков, почувствовав, что Постышев не случайно задал этот вопрос.

— Я тебя попрошу, Федор Иванович, когда весь цикл работы закончишь, пришли мне точные данные о трудовых затратах на центнер зерна.

— Затраты будут большие, Павел Петрович, — сказал Зюльков. — Кроме сева с помощью тракторов, все остальное вручную.

— Раз большие, нужно подсчитывать. И подсчитывать трезво, без

всяких комбинаций, — посоветовал Постышев. — А то я посмотрел данные одного совхоза — все показатели хороши, а приехали просить ссуду в банке. Хозяйство рентабельное по отчетам, а денег нет. Оказывается, там такая двойная бухгалтерия: одна для плановых показателей, а другая — для выплаты людям за труд. И результаты одной бухгалтерии с другой не сходятся. То, что у тебя затраты большие, сейчас пока не страшно. Специалисты говорят, что канадские фермеры затрачивают на центнер зерна один рабочий день. Вот по этой цифре нужно равняться. И такие совхозы, как ваш, должны сами заказывать тракторы, комбайны, все остальные машины, химикаты.

— Это не так просто — машину заказать, — озадаченно вымолвил Журавель.

— Без ученых не закажете, — согласился Постышев. — Кто у тебя из ученых побывал, Федор Иванович?

— Мы, Павел Петрович, — сказал Зюльков, — рассчитываем на помощь окружкома. Задумали конференцию по экономике созвать. Ученых у нас нет. У одного агронома высшее образование. А вопросов с каждым днем больше. Чем земли занимать, как работу людей и машин планировать? Все по дедовским выкладкам прикидываем. А они подводят.

— Задумали хорошо. Ученых попросим приехать, — пообещал Постышев. — И сами приедем поучиться у вас. Почин интересный. Его и в другие районы нужно передать.

Из записок Барвинца

1929 год, июль

Вот эту беседу я запомню на многие годы. Неожиданно меня вызвал Постышев. Я думал, что по поводу корреспонденции о покровителях кулаков в Змиеве. Павел Петрович нередко вызывает наших сотрудников, особенно после поездки в районы. Но оказалось, меня подвел Луков. Тот второй экземпляр сценария, который я дал ему для прочтения, он, не сообщив мне, передал Всеукраинскому фотокиноуправлению. Оттуда его переслали Постышеву на заключение.

Постышев встретил меня сперва недружелюбно, сразу огорошил вопросом:

— Кто тебя надоумил писать сценарий и делать меня главным участником событий?

Я рассказал Павлу Петровичу, как возникла идея работы над сценарием.

Он выслушал, обнял меня за плечи, посадил рядом с собой на диван и признался так задушевно, будто я с ним в долголетней дружбе:

— Напустился я на тебя, оказывается, напрасно. Когда мне переслали сценарий, я подумал, что какие-то подхалимы задумали мою персону прославлять... Видно, что материал ты собирал старательно. Но ведь это движение на Дальнем Востоке — океан. Его одним сценарием не исчерпаешь. Писать о партизанах нужно только о тех, которых уже с нами нет. Там были такие люди-факелы, которые озаряли души тысяч людей. Нужно писать о Лазо, о комиссаре Щепетнове, о замечательном большевике Мухине... Погибли... но живут. Герои, люди, верные народу, никогда не умирают. А Постышев был самым обычным комиссаром одного из партизанских отрядов. Только в партизанскую группу Бойко-Павлова таких отрядов входило более десяти.

Павел Петрович долго расспрашивал меня о том, что пишу, как изучаю жизнь тех людей, о которых собираюсь писать. Он посоветовал отложить сценарий на время, тщательно собрать материалы о Лазо или Мухине, а пока работать над очерками. Оказывается, он любит этот жанр.

Я рассказал ему, что начал серию очерков «У нас на Журавлевке». Павел Петрович вызвал к телефону директора издательства «Пролетарий»:

— Жаловались на бюро окружкома, что нет авторов, которые любят рабочую тематику? А мне кажется, что у вас в издательстве нет людей, которые ищут молодых авторов, знающих рабочий быт.... Где такие? В Харькове, на Журавленке, в Краснозаводском районе. Только им помогать нужно, по-короленковски. Они пишут хорошо, только еще вычеркивают плохо. К вам зайдет товарищ Барвинец, организатор рабкоров, посмотрите, что у него за очерки.

Понапористей нужно быть, — прощаясь, сказал Постышев. — Как изобретатели. Настоящая литература это, брат, изобретательство, и изобретательство трудное, но радостное и очень нужное людям.

Я осмелел и спросил Павла Петровича, продолжает ли он сам заниматься литературным творчеством, рассказал ему о том, что в Иванове Авенир Ноздрин познакомил меня с очерком Павла Петровича.

— От поэзии не уйдешь, — улыбнулся Постышев, — только времени не хватает, а над стихами, рассказами работать, сидя на двух стульях, нельзя... Авенира помню — застенчивый, робкий человек. Наш комитет его выдвинул в качестве председателя Совета рабочих депутатов, чтобы усыпить полицию. Они считали, что у Авенира характера не хватит вести

тысячи людей за собой. Тех, кто вел, они не видели. Только потом разглядели, что «Отец» нам всем отец. Убили его черносотенцы. Знали, что тюрьма такого человека не сломит. Обо всех наших «отцах» писать нужно.

Решили отметить окончание института Обушным. Собрали складчину. Но наш «именинник» задержался. Пришел поздно. Оказывается, Постышев встретился с восьмьюдесятью выпускниками Института народного хозяйства. Они обратились к нему с письмом — обещали выехать на предприятия, на новостройки.

— Сперва выслушал нас, — рассказывал Обушный. — Хлопцы все свои планы выложили. У каждого желание по-своему работу перестроить. Постышев нам коротенько сказал: «Мы хотим, чтоб вы организаторами промышленности стали. И росли быстро. Нам очень нужны руководители и МТС, и заводов, и шахт. Везде не хватает руководителей. Только мой совет — не учите людей уму-разуму, не дергайте заводские организации, когда придете на завод. Нужно самим учиться и помогать. Включаться в заводскую жизнь. И помогать выявлять узкие места, исправлять их. Для вас, будущих организаторов промышленности, завод — большая школа.

Август властно вышел на площади, улицы Харькова. С полей, бахчей, из садов Слобожанщины он принес терпкие ароматы созревания, разложил на овощных торжищах, зеленных рядах дары благодатной украинской земли.

Постышев остановил машину неподалеку от проходных ворот паровозостроительного завода, возле овощного базара, разбитого прямо на площади. Там лежали бурты картофеля, пирамиды капусты, лука, помидоров. Постышев стал осматривать базар, узнавать цены на овощи и фрукты, расспрашивал домохозяек, есть ли тара для засолки, погреба для хранения.

С овощного базара Постышев свернул к рабочему клубу паровозостроителей. Туда уже шли металлисты, закончив дневную смену. Должно было состояться рабочее собрание. На заводе знали, что доклад о чистке партии будет делать Постышев. Никого не пришлось уговаривать остаться на собрание. Живущие в пригородах настояли, чтобы задержали рабочие поезда.

Стоило только Постышеву войти в сад клуба, как его окружили, — он оказался в центре большой группы молодых и пожилых металлистов. Завязался разговор. Постышев расспрашивал молодых рабочих, кто из них поступает на вечерний рабфак, кто сдает экзамены.

— Куда тех девать специалистов, Павел Петрович, что на бирже труда годами ожидают работы? спросил кто-то.

— Скоро будет нехватка, — разъяснил Постышев. — Биржу мы закроем. Начнем строить заводы — тракторный, турбогенераторный, станкостроительный.

— До нас вистки доходили, сперва на Волге построить, а потом у нас. И ждать — не короткий час. И строить — песня длинная.

— Мы постараемся ее спеть быстро, товарищ Валюх, — улыбнулся Постышев. — Посоревнуемся с волжанами. Соревноваться харьковчане мастера. Самое главное — средства нашли. Машины, станки закупаем за границей.

— Раз машины будут — мы заводы поставим. Поставим, — живо радуясь, как счастливой находке, словам Постышева, воскликнул коренастый старик с поразительно, не по возрасту черной шевелюрой и буквально серебряными усами. — Все заводы в Краснозаводском районе

построили.

— То акционеры строили и их «пети-мети», Андрей Терентьевич, — Валюх сделал красноречивый жест пальцами, как бы пересчитывая незримые ассигнации.

— И «пети-мети» были наши. И каждая стенка нашим потом сцементирована, — горячо возразил Андрей Терентьевич. — На индустриализацию займы дали. И еще кое-что дадим, займем. Свои выходные займы дадим. Денег за них получать не будем. За нашей властью не пропадет, рассчитается.

— Выходные займы? — увлеченно повторил Постышев. — Наши экономисты бьются над тем, как сократить вербовку людей для стройки. Андрей Терентьевич подсказал — тракторный должен строить весь Харьков. Как такую идею встретят на заводах?

— За это не беспокойтесь, Павел Петрович. И выходные и после смены отработаем.

— Вспомним субботники, — раздалась голоса.

— Так я и передам товарищам Косиору, Чубарю, Сухомлину, Коцюбинскому, — сказал Постышев.

— Павел Петрович, скажите, это тот самый Коцюбинский, который Троцкого поддерживал? — спросил кто-то.

— Сердюк вечно с расспросами.

— Про это в парткоме можно спросить.

— Вы его не атакуйте, — посоветовал Постышев. — Хорошо, товарищ Сердюк, что спросили. Да, Юрий Михайлович Коцюбинский был участником оппозиции. Выступал на окружной партконференции в 1927 году, поддерживал Троцкого. Но потом признал свои ошибки. Его восстановили в партии.

— Как же так — одних восстановили, других и в Харькове не видно, — озадаченно произнес Валюх.

— Восстановили тех, кто честно признал свои ошибки, — продолжал Постышев. — Партия проверяет людей по их работе. Партийный съезд постановил вернуть в партию тех оппозиционеров, кто искренне раскаялся, вырвал с корнем ошибки, как больной зуб. Так было не раз в истории партии. Нам нужно поступать так, как Ленин. Ногин вскоре после революции выходил из правительства. Ленин, когда Ногин признал свои ошибки, настоял, чтобы Ногина снова назначили на руководящую должность. Но тем, кто свернул с дороги партии навсегда, кто создавал троцкистское подполье, стал помогать сидящим за рубежом меньшевикам, возврата в наши ряды нет.

Раздался звонок.

— Приглашают, — сказал Постышев. Он подозвал секретаря партийной организации. — Рассказывайте людям о назначениях, чтобы все знали, кто идет в правительство, кто работает там.

Из записок Барвинца

1929 год, сентябрь

В день МЮДа Постышев, приветствуя комсомол, пишет: «Не может быть ничего левее ленинской партии. Все, кто пытается быть левее большевистской ленинской партии, могут скатиться и скатываются с пути большевизма на дорожку к классовым врагам, в сторону от социализма к капитализму... Беспощадно боритесь со всяким оппортунизмом в своих рядах, как откровенно правым (главной опасностью в настоящий период), так и прикрывающимся «левой фразой», а равно с примиренчеством, с уклонами. В современную эпоху развертывания на мировой арене классовых боев — это важнейшее условие успеха в деле борьбы рабочего класса».

Сегодня вся редакция на предприятиях. Сотрудники и работают и готовят материал для номера о «Дне индустриализации». Я тряхнул стариной, набивал опои в литейном цехе. После смены пришел в заводоуправление и увидел Шлихтера. Академик и нарком Шлихтер что-то подсчитывал в плановом отделе. Так на каждом предприятии работают члены ЦК, правительства. После смены состоялся митинг. Приехал Постышев с паровозостроительного завода. Там работал в электромастерской. На митинге Постышев произнес короткую речь:

— Много я видел радостных дней у рабочего класса, но такого радостного еще не видел.

21 сентября

Опубликовано постановление бюро Харьковского окружкома партии о растратах на ХПЗ. Об этом гнилом нарыве уже несколько недель судачат, спорят, раздумывают в Харькове. Бухгалтер Свеженцев присваивал деньги рабочих и их отчисления на Заем индустриализации.

Выступление Постышева на бюро окружкома, напечатанное в газете, показывает, какое значение он придал этой растрате: «Разве дело только в

том, что какой-то проходимец что-то случайно украл? Как можно пройти мимо ряда таких фактов, когда одни проходимцы командуют на Канатке, другие — на ГЭЗе, а третьи — на паровозном заводе? Как это так? Разве на ХПЗ нет настоящих пролетариев? Не хватает кадров? Ничего подобного! Там около тысячи членов партии и комсомольцев, сотни активистов... Мы должны пересмотреть нашу практическую работу. В обстановке величайшего напряжения мы требуем от рабочего класса дать снижение себестоимости, поднять производительность труда... Идет ожесточенная борьба за-хлеб с кулаками. В таких условиях мы должны быть требовательны к себе, требовательны к руководству и обеспечить в этом отношении абсолютную честность. Этот удар есть удар по окрпарткому... Нужно проковырять уши, освежить голову...»

В селах Харьковщины сплошной кулацкий саботаж хлебозаготовок, как по негласному сговору. У кулаков находятся защитники. Был в селе под Казачьей Лопанью. Кулак Перелома отказался продать хлеб. Приехал сын Переломы, слесарь депо «Октябрь», стал уверять уполномоченного, что у отца хлеба нет. Вскрыли подпол. Там был почти целый вагон хлеба.

16 октября

На городском собрании рабкоров и членов редколлегии стенных и многотиражных газет слушал доклад Постышева.

Он рассказал, как нужно бороться словом за пятилетку и коллективизацию. Анализируя работу многотиражек и стенных газет, Постышев особое внимание обратил на то, что газеты, критикуя коллективы, отдельных товарищей, забывают о том, что печать тоже можно и нужно критиковать. Кажется, об этом забывают и в больших газетах. Получается, что обратной самокритики нет. И связь с читателями нарушается.

Кулак маневрирует — срывает хлебозаготовки.

26 октября

Командировали в Кириковский район. Идет коллективизация. О том, что в селах идет коллективизация, видно по стечению народа на вокзалах. Вокзалы забиты. Тысячи людей куда-то едут. Не нужно спрашивать — куда. Едут сами не знают куда. Просто убегают от коллективизации, порою продав за бесценок имущество, порою просто бросив его. Из разговоров на вокзалах узнаешь, что во многих селах творится неладное — в колхоз

принуждают вступать. «Как же не вступишь? — делилась своими мыслями пожилая женщина на вокзале в Харькове. — У нас один средний хозяин отказался вступить, его сразу в кулаки зачислили и назначили на выселение».

28 октября

За два дня в селе Петрополье насмотрелся на картины развала. В селе организуют колхоз, сводят на животноводческие фермы артели весь скот. Крестьяне тайком режут коров — везут мясо на базар.

Уполномоченный по коллективизации, пожилой харьковский слесарь Натяченко рассказывает: «Пока скотину не начали обобществлять, все проходило ладно. Бедняки и середняки сами проголосовали за колхоз. А как приехали из района и начали нажимать на меня: своди всех коров и лошадей на один двор — тут такая завируха поднялась! Думал, что село разнесут. Кулаки это для себя использовали. Идет пропаганда — скот забрали, всех в Сибирь вышлют. Сперва в колхоз вступило шестьдесят дворов. На этом и нужно было остановиться. Нет, из района командуют — отстаешь, Натяченко Всех коллективизировать нужно».

Написал корреспонденцию о том, что происходит в Петрополье.

Двухнедельник коллективизации трудно взбирался на подъем.

В окружном круглые сутки непрерывно шли почта, донесения, оперативные сводки.

На многих конвертах были фельдъегерские пометки — «три креста». На телеграммах синели наклейки «молний». Порою от скупых телеграфных донесений, рапортчиков веяло дымом пожаров. Нередко слова доносили выстрелы обреза в ночи. Шли тревожные сообщения о гибели селькоров, активистов...

Стоило только Постышеву на небольшое время уехать из окружкома, как на его письменном столе выростали вороха корреспонденций из сел. Сейчас, вернувшись из Совнаркома, он просматривал сводки из районов о коллективизации, телеграммы, письма. Ставил на них свой гриф — писал короткие резолюции. Две телеграммы он отложил в сторону, нажал кнопку звонка.

— Всю эту почту по отделам, — сказал он вошедшему в кабинет помощнику, — и вызови Дзюбенко, редактора, Блата, Марченко.

— Блат сейчас в окружкоме, у Марченко, — доложил помощник. — Он больше часа ждет вас. Говорит, что нужно срочно видеть.

— Зови, зови. — Постышев снова взял со стола одну из отложенных телеграмм. В ней сообщалось о тяжелом ранении селькора, председателя сельсовета Дерегуса.

Перечитывая телеграмму, Постышев вспомнил безвозвратно ушедших друзей и соратников — наставника ивановских большевиков, ленинца, ткача Афанасьева — «Отца», убитого черносотенцами в дни первой русской революции. Память воскресила облик лучшего друга-сопроцессника Павла Гусева. Где-то на владимирском тюремном кладбище сравнялся с землей могильный холмик каторжанина... Зримо явились один за другим милые сердцу образы Сережи Лебедева, командира иркутских красногвардейцев, Ивана Постолюнского, комиссара Щепетнова, соратника по иркутскому подполью и первым дням революции Гаврилова, казненных калмыковскими бандитами, сожженного в топке героического романтика революции Сергея Лазо.

Стук в дверь вывел Постышева из раздумья: в кабинет сразу вошли редактор окружной газеты, заместитель Постышева Марченко, начальник окружного отдела ГПУ Блат, секретарь окрисполкома Дзюбенко.

Постышев молча кивнул, пригласил жестом сесть.

— Павел Петрович, в Ивановых Братах кулацкое восстание, — продолжая стоять, доложил Блат.

— Ты там был, в этих Братах? — Постышев пристально взглянул на Блата. — Садись, чекист. Пока сам не убедишься, что происходит, с чужих слов никогда не говори. Я тоже получил телеграмму о том, что два твоих сотрудника улепетнули из села.

— Павел Петрович, я убежден, что нужны особые меры, — начал доказывать Блат, — там все кипит.

— Послать войско на деревню? — иронически оборвал его Постышев. — Никаких особых мер не нужно! Они всегда вызывают контрмеры.

— Это определенно кулацкий бунт, — настаивал на своем Блат.

— Это кулацкая провокация, товарищ Блат. И только, — уверенно заявил Постышев. — Кто-то затеял драку на собрании. Работникам вашего отдела показалось, что начинается восстание, и черт их унес из села. Ты Ивановы Браты знаешь? — спросил Постышев Дзюбенко.

— Знаю.

— Там что, крепкие хозяева живут? — допытывался Постышев.

— Разные есть, Павел Петрович. Больше однолошадников и безлошадников, — сообщил Дзюбенко.

— Вот что, старый чекист, немедленно выезжай туда, — приказал Постышев. — Разберись, что произошло. Блат нас убеждает, что там началось восстание. Разберись на месте. Сколько дать людей в охрану?

— Я не генерал-губернатор Шебеко, — рассмеялся Дзюбенко. — Тот на охоту со взводом казаков выезжал.

— Слышал? — Постышев взглянул на Блата. — Никакой охраны. Так и нужно поступать. Когда Дзюбенко вернется, попроси его, он расскажет, как вдвоем с товарищем ездили махновский полк разоружать. Что в редакции известно о Дерегусе? — уже обращаясь к редактору, спросил Постышев.

— О каком Дерегусе? — Редактор переглянулся с Марченко.

— О вашем селькоре, — резко произнес Постышев. — Сидит в районе ваш собственный корреспондент — там ранили активиста, председателя сельсовета, а он хлопает глазами. Нужно дать в номер фотографию Дерегуса, подробности покушения на него. Товарищ Марченко сейчас свяжется с прокуратурой. Пусть расследуют, кто организовал покушение. О здоровье Дерегуса сообщать ежедневно в печати.

— Павел Петрович, принято обычно сообщать о здоровье государственных деятелей, — заметил редактор.

— Дерегус — это государственный деятель, это человек, который умеет отвечать за все государственные дела на своем незаметном посту, незаметном, но очень важном. Это герой. Его не запугали кулаки. Внимание к нему ободрит других активистов. Каждый день приходят телеграммы — поджигают овины, избы, палят из обрезов. Это вызов нам, но мы не позволим заварить смуту, пролить кровь. На кулацкие провокации поддаваться не будем. Кулаков мы сломим нашей организованностью, сплоченностью.

Из записок Барвмнца

1929 год, ноябрь

За эти недели, которые я провел в Кириковском районе, изменился Харьков Мне кажется, город помрачнел У продовольственных магазинов очереди. В столовых уже нет выбора блюд Появилась конская колбаса, ее никогда не ели на Украине.

И, несмотря на то, что хуже стало с продовольствием, каждый день богат трудовыми подвигами. На «Серпе и молоте», на паровозостроительном во время перерывов разговоры не об очередях, не о том, что все скуднее становится еда в столовой, а о проекте тракторного завода, о закладке турбогенераторного.

Монтажники, уже побывавшие в Краматорске, Мариуполе, Луганске, на Днепрострое, с гордостью рассказывают о небывалых стройках.

Пятьсот восемнадцать — это число новостроек первой пятилетки — стало лозунгом, и паролем, и маяком.

Записывал сегодня беседу с главным инженером паровозостроительного завода Бондаренко.

Это уже инженер советской формации. Был красногвардейцем, член партии с первых дней революции. Один из первых советских инженеров в Харькове, работал мастером, начальником цеха.

Бондаренко рассказывал, что люди не уходят из цехов домой, работают двое-трое суток подряд, лишь бы выполнить заказы вовремя. Невиданная героика, героика массовая.

Бондаренко рассказывал о том, как начали на заводе осваивать мощный двигатель в шестьсот лошадиных сил. В том топливном цехе, где раньше производили «нефтянки» в пятьдесят-сто лошадиных сил.

Это целая повесть. Заграничная фирма «Зульцер», которая выпускала монополюно такие двигатели, сперва заключила договор, потом заплатила неустойку и предложила лишь рабочие чертежи осваивайте, мол, технологию сами. Надеялась, что паровозостроители споткнутся и придется выдавать лицензии на закупку мощных двигателей. Двигатели, оказывается, нужны для больших военных судов, для танкеров, большегрузных судов и лайнеров. Ведь мы держава морская.

Я записывал всю эту историю освоения технологии производства «Зульцера» и радовался — сама жизнь подсказала великолепный сюжет. Бондаренко предупредил: «В беседе только не пиши, что это инициатива руководителей завода. Взяться за освоение «Зульцера» нам посоветовал Влас Яковлевич Чубарь. Он приехал на партийное собрание в свою организацию. Когда зашла речь о работе цеха топливной аппаратуры, Влас Яковлевич рекомендовал нам попробовать силы на выпуске мощных машин. Техническое бюро стало разрабатывать нормали, вести опытную работу. А Павел Петрович, как только узнал, что мы начали над «Зульцером» работать, так в топливный цех стал наведываться почти каждую неделю».

На заводах продолжают энергично отчислять средства на эскадрилью «Разрыв». Наверное, через десятилетие историки будут писать об этом сборе средств на оборону страны так же, как сейчас пишут о том, как нижегородцы жертвовали всем, лишь бы создать ополчение.

В редакцию приходят письма с предложением организовать соревнование за сплошную коллективизацию Харьковского округа. Редактор сообщил, что на бюро окружкома партии Постышев заявил, что в округе сплошную коллективизацию можно осуществить лишь в тех районах, где заложены МТС. Косиор, Чубарь, Затонский и другие члены Украинского Политбюро против пожарных сроков коллективизации, против сплошной коллективизации без технической базы.

Снова в Кириковском районе. Работники райкома партии, уполномоченные по коллективизации растеряны. В ноябре на Пленуме ЦК партии Косиор предупреждал против перегибов в проведении коллективизации, против ускоренных темпов ее, погони за процентами. Пришла «Правда» с выступлением Сталина на конференции аграрников. Он упрямо требует ускорения темпов кооперирования.

Вслед за «Правдой» пришло письмо ЦК КП (б) У. Снова напоминают

райкомам и окружкомам о необходимости осторожности, чуткости и гибкости в проведении коллективизации.

Наступила пора, о которой мечтал Постышев.

Рабочий класс начинал осуществлять свой небывалый подвиг возводить твердь социалистического общества. Котлованы новостроек, опалубки плотин, монтажные вышки домен обозначали путь пятилетки по стране. Он зачинался у вод Днепра и заканчивался в таежных дебрях на побережье Тихого океана.

Страна за пять лет должна была завершить стройку фундамента социализма, превратиться в индустриальную из аграрной.

Мир дивился замыслам большевиков, не верил воплощению их.

— Мы создавали станкостроение целый век, — кичливо напоминали англичане и немцы.

— Четверть века понадобилось на то, чтобы усадить американцев на автомобиль и трактор, — предупреждали воротилы США.

— В стране, где нет станкостроения, нельзя развить авиационную промышленность, — непрерываемо заявляли консультанты из прославленных авиафирм Запада и Америки.

«Это все будет у нас за срок пять лет», — объявил всему миру XV съезд партии.

На карте великой державы появились госплановские символы, условные значки металлургических гигантов на горе Магнитной, в Кузбассе, у моря Азовского, на Днестре, сорока двух электростанций, новых шахт и нефтяных промыслов, тракторных, авиационных, станкостроительных, химических и других заводов.

Создать пятьсот восемнадцать предприятий за пять лет!

Мир еще не знал такого исполинского дерзания.

— Большевицкие Архимеды хотят повернуть свою экономику, — острит западный экономист, — их планы огромны. Сказочны! Но у них нет рычага.

Рычаг был найден в первые дни сотворения нового мира его гением. В статье, написанной в декабре 1917 года, «Как организовать соревнование» Владимир Ильич Ленин обосновал новые принципы раскрытия и организации творческой энергии и инициативы людей труда, разведки родников народных талантов.

Опубликованная впервые в 1929 году, статья Ленина становилась великой организующей силой, с помощью которой партия повела

миллионы в поход за индустриальное развитие страны. С творческой радостью начинали дружить не только избранные одиночки — писатели, работники искусства, ученые и изобретатели, но и миллионы людей, создающих твердь жизни — ее экономику.

В стране зачиналось социалистическое соревнование.

17 января 1929 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О задачах угольной промышленности Донбасса». Оно определяло главные задачи партийных организаций Донбасса: повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции, укрепление трудовой дисциплины, воспитание молодых рабочих, усиление работы среди специалистов.

Это стало программой для всех партийных организаций страны.

После обращения коллектива ленинградского завода «Красный выборжец», предложившего в марте 1929 года снизить себестоимость продукции, повысить производительность труда, началось массовое движение соревнующихся.

Труд становился делом чести, творческим призванием миллионов.

Компартия Украины поручает Постышеву руководство главнейшим политическим участком. Он во главе всеукраинского штаба социалистического соревнования — комиссар похода за высокую производительность и организованность.

Соревнование должно быть одновременно школой политического воспитания людей. Это проходит красной нитью через всю деятельность Постышева на новом посту.

На предприятия приходили молодые рабочие; они впервые знакомились с производством, с бытом рабочего класса. На них еще влияла психология собственников, земледельцев.

Сделать интересы пролетариата их кровными, добиться, чтобы они не считали себя случайными гостями фабрик, города, оградить от меньшевистских влияний.

Еще были живы среди некоторой части рабочих меньшевистские тенденции — противопоставлять интересы рабочего класса интересам Советского государства. Большевики долго и старательно сеяли неверие в творчество рабочего класса. Их эпигоны, правые оппозиционеры, призывали равняться на узкие места, доказывали, что нужно приспособляться к трудностям, что рабочий класс не в состоянии осуществить индустриализацию.

Партия призывала преодолевать трудности, активно наступать на них.

Соревнование убеждало примером, оно разбивало все теоретические выкладки и мудрствования правых непререкаемыми аргументами —

стройками небывалых цехов, выполнением планов пятилетки тяжелой промышленностью, созданием новых видов продукции. Миллионы творили.

Мастер организации масс, пропагандист нового по призванию, Постышев выискивал побегии нового.

Помочь взойти новому, укрепить — это было главной задачей штаба социалистического соревнования.

Карта Украины стала для него картой трудовых дерзаний.

С передовых борьбы за производительность труда шли волнующие донесения.

Постышев выискивал их на страницах многотиражных, районных, центральных газет, среди сводок районных штабов.

Соревнуясь, шахтеры Трудовского рудника на одну треть перевыполнили план.

Постышев требовал от донецких окружкомов сделать опыт «трудовчан» достижением всех шахтеров. Мастер Масленников на Харьковском электромеханическом организовал три ударные бригады — он сам знакомился с его организаторской деятельностью.

Коллектив осевого цеха на днепродзержинском заводе имени «Правды» стал давать благодаря соревнованию вместо тридцати сорок одну ось за смену.

Харьковские паровозостроители подсчитали, что, соревнуясь, они смогут выпустить тысячу паровозов вместо шестисот в год.

Бригада бетонщиков на строительстве Днепрогэса укладывала сто кубометров бетона вместо семидесяти по норме.

Доменщики Донецкого металлургического завода обязались вместо трехсот девяноста тысяч тонн дать четыреста пятьдесят тысяч тонн чугуна в год.

Такие вести приходили с каждого завода.

Родники били. Их воды сливались в могучее течение.

Постышев настоял, чтобы по примеру «Ленинградской правды» на страницах украинских газет организовали заочные митинги и переключки соревнующихся, слеты и совещания ударников. Он был убежден, что гласное, широкое обсуждение итогов соревнования вдохновляет, воспитывает, мобилизует людей.

Соревновались уже семьдесят тысяч металлистов Украины, двести тысяч шахтеров Донбасса.

Соревнование воспитывало людей. Там, где возникали бригады соревнующихся, крепла дисциплина, снижался брак, росла

производительность.

Постышев на секретариате Центрального Комитета показывает, что профсоюзные и комсомольские организации формально относятся к социалистическому соревнованию, надо оживить их работу. Не производство протоколов и резолюций, а обобщение и передача опыта — вот чем должны заниматься они.

Как, где передавать опыт? На всенародных смотрах соревнования, слетах, конференциях ударников. Жизнь утвердила эти формы.

На Луганском паровозостроительном теперь пять тысяч соревнующихся, потому что первые пятьдесят соревнующихся передали свой опыт на цеховых, общезаводских собраниях.

Члены Политбюро Компартии Украины, секретариат ЦК знают, что не только на очередном заседании Постышев обрадует их известиями о новых трудовых успехах. Он делится ими в любое время по «живому следу».

Памятники соревнованию миллионов — памятники из металла, бетона, стекла, дерева — новые цехи, плотины, копры шахт воздвигались по всей Украине. Трудовая Украина подсчитывала: планы первого года пятилетки выполнены за восемь месяцев — открывались реальные возможности выполнить пятилетку в четыре года.

Это стало девизом сотен тысяч соревнующихся.

1929 год их посланники провожали на I Всесоюзном съезде ударников в Кремле.

Сто пятьдесят делегатов Советской Украины представляли десятки тысяч ударников. Они привезли с собой рапорты побед. И то, что съезд признал победителями во Всесоюзном соревновании многие коллективы Украины, было лучшей аттестацией работ Всеукраинского штаба соревнования и его руководителя — Постышева.

Метод строительства социализма был найден.

Уже самые прожженные скептики стали всматриваться в то, что происходит в стране, которой они отказывали даже в государственности, именуя ее географическим пространством, которое смогут «одушевить» только воротилы капиталистических концернов. Их глаза и уши — корреспонденты разных телеграфных агентств и газетных трестов вынуждены были свидетельствовать: большевики строят, их энтузиазм необъясним, их строители получают лишь хлеб и воблу, но они строят. В «скифской степи» под Харьковом уже поднялись здания будущего тракторного, в Харькове заложен турбогенераторный завод. На старом электромеханическом заводе — ГЭЗе — уже заканчивают турбины и генераторы для Днепрогэса. Здесь главная сила — социалистическое

соревнование.

Из записок Барвинца

1930 год, январь

Последний январский номер «Харьковского пролетария» нарасхват. В нем гневная, суровая статья Постышева о детских домах. Он рассказывает о Будянском детском доме, где «братья, зятя, кумовья» директора заняли все лучшие помещения. Вокруг детского дома выросла целая колония поселений служащих. Завскладом построил три дома. Постышев побывал в мастерских, в классах, так называемых спальнях. Факт за фактом раскрывают бездушное, циничное отношение к детям, к обучению и воспитанию их. «Что говорить о пролетарском — там вообще нет никакого воспитания».

Он предупреждает, что дело не только в ревизии дел в Будянском детском доме. «Ревизий у нас бывает сколько угодно, но толку мало от этих ревизий».

«Такое положение не только нетерпимо. Оно требует немедленной расправы с этой сволочью» (руководителями-ворами).

Что делается в других детдомах?

— Можно сказать с уверенностью, что так везде, кроме показательных.

— Сегодня отдел народного образования, помдет, общество «Друг детей» именинники, — язвит репортер Дымный.

— Именинники, Володя, мы, — говорит Нетреба, — мы уже и беспризорность в статьях ликвидировали. И в детские дома не заглядываем. А Постышев сейчас, когда суток на то, чтобы с колхозными делами разобраться, не хватает, нашел время и в детские дома заехать.

18 января

Сегодня в Харькове полно приезжих — съехался сельский партийный актив. В театре секретари райкомов партии, председатели райисполкомов и колхозов, уполномоченные по коллективизации, бригадиры.

Я не видел Постышева никогда таким озабоченным, напряженным и вместе с тем собранным. Он начал делать доклад, медленно произнося каждую фразу, как будто бы выводя какие-то формулы. Как всегда, он прочел несколько вступительных фраз по заготовленному тексту, потом

отодвинул его в сторону и, взглядываясь в зал, стал с накалом внутреннего убеждения доказывать, что темпы коллективизации в округе отвечают тем решениям, которые принял партийный съезд. Чувствовалось, что каждая фраза прокалена пламенем долгих часов раздумья. Он раскрывал картину коллективизации в селах Харьковщины и показывал, почему нельзя просто коллективизировать все районы. Нельзя наступать без техники на старый уклад села, нельзя создавать артели без техники и тягла. Он говорил о постройке тракторного завода и новых заводов сельскохозяйственных машин.

Как негодные и порочные, Постышев отвергал кавалерийские рейды коллективизации. Мне казалось, что он предлагает строго придерживаться решений съезда и соблюдать стратегию коллективизации.

— Постановление пленума ЦК сделало ударение на трех вопросах: на вопросе технической базы коллективизации, вопросе организации труда в колхозе и вопросе о кадрах колхозников. — Он перечислял, что нужно сделать для решения каждого из вопросов. — Это дело местные организации осуществляют очень плохо.

Постышев детально разобрал, как организуют труд в колхозах.

Он, словно соизмеряя подъем на крутизну, сделал долгую паузу, потом произнес, особо выделяя каждое слово:

— У нас в округе обстоят дела так. Если мы не даем директив, чтоб к осени тридцатого года наш округ был округом сплошной коллективизации, то это никак не означает, что мы задерживаем процесс коллективизации, наоборот, мы всеми способами будем форсировать процесс коллективизации.

Постышев предупреждал, что для коллективизации нет регламентов и особо отметил, что нужно внимательно изучить количество кулацких хозяйств. В некоторых районах считали, что у них пять-шесть процентов кулаков к общему количеству крестьянских хозяйств. Постышев разъяснил, что это проценты хозяйств, подвергавшихся экспертному обложению, что кулацких хозяйств в округе значительно меньше.

Доклад Постышева на собрании сельского партийного актива Харьковского округа напечатан полностью, без всякой правки.

В редакции мне сказали, что доклад одобрен членами Политбюро. Косиор, как и Постышев, считает, что на Украине нельзя проводить сплошную коллективизацию, что темпы, предусмотренные пленумом ЦК партии, нужно соблюдать как неперемное условие в организации хорошо оснащенных, дружных коллективов. Косиор на всех партийных активах

заявляет, что если удастся выполнить план постройки тракторного завода за пятнадцать месяцев, то сельское хозяйство Украины будет коллективизировано не за пять лет, а за три — три с половиной года. Он всегда подчеркивает, что сплошная коллективизация — это термин обобществления не менее двух третей земли, занятой сельскохозяйственным производством.

В районе прочел письмо Постышева от 29 января.

«У нас в округе выявилось безобразие, например, в Волчанском районе в ряде сел зажали середняков, то есть раскулачили середняков, как кулаков. Середняка партия не позволит никому обижать и не позволит никому издеваться над середняком, никому не позволит ставить середняка на одну доску с кулаком».

Февраль

Третьего февраля появилась передовая «Правды». В ней не призыв, а приказание сплошь коллективизировать сельское хозяйство. Статья написана в директивных тонах.

Под вечер нас созвал редактор, сказал, что в окружке было совещание заведующих отделами, инструкторов. Постышев объяснил, что по-прежнему Косиор, Чубарь, Петровский, он сам считают, что на Украине в отдельных округах можно сплошь коллективизировать только по три-четыре района, где имеется МТС. Если Украина пойдет на сплошную коллективизацию, это грозит подрывом сельского хозяйства. Его спросили, как в районах разъяснить статью «Правды». «Я думаю, что это ошибочная статья. Можете мое мнение сообщить в районах».

В районы выехали представители окружкома с точным указанием — единоличника, который не идет в колхоз, не заставляя силой и принуждением вступать в артель.

«Директивы съезда никто не отменял, — сказал Постышев на этом совещании, — и только съезд может пересмотреть объем коллективизации. Он определен точно планом пятилетки».

6 февраля

Постышев докладывал активу комсомола о коллективизации, раскулачивании. Познакомил с установкой окружкома. «Коллектив должен быть создан: в результате коммунистической работы, упорной, вразумительной, а не башибузукской. Лжеколлективы нам не нужны. Надо привлечь к суровой ответственности тех, кто «расслаивает» середняка».

В редакцию приходят анонимные письма о том, что Постышев и

Харьковский окружком под его давлением зажимают самокритику и покровительствуют правым, примиренчески относятся к кулакам, сдерживают темпы коллективизации.

Из кабинета Постышева доносился громкий разговор по телефону.

Двери из приемной в кабинет по обычаю были раскрыты настежь.

— Проходи, Саша, — сказал помощник Постышева секретарю окружкома комсомола Корсунову, вошедшему с группой комсомольцев, — Павел Петрович ждет вас. Вы ему не мешаете.

— Всех удалось собрать, Павел Петрович, — останавливаясь на пороге кабинета, доложил Корсунов.

За спиной его — сгрудились ребята.

— Что же докладываешь? Заходи, — не отнимая телефонной трубки от уха, Постышев кивком головы пригласил комсомольцев. — Борис, — крикнул он помощнику, — зови Фурера, пропагандистов! Завтра от нас приедут товарищи, — сказал он в микрофон и положил трубку на аппарат.

Комсомольцы уселись за стол для заседаний — все знали, что раз вызвал Постышев, значит разговор предстоит интересный, значительный. Они любили эти встречи со своим парторгом, даже когда доставалось им за недосмотр, упущения, инертность. Любили его суровую прямоту, восторгались его умением «подбрасывать» новые задачи, упоенно слушали его рассказы о подпольщиках, героях дальневосточных походов. С ним можно было запросто спорить. Он ценил юношескую прямоту суждений.

— В селе давно были? — спросил Постышев, когда вошли Фурер и пропагандисты.

— В неделю каждый из нас обязательно один раз побывает, — сказал Корсунов.

— Как, по-вашему, люди живут в селе? Чем занимают свой досуг?

Комсомольцы заговорили, перебивая друг друга:

— Смотря где какой актив.

— С зарей встают, с зарей ложатся.

— Все зависит от сельского клуба.

— Все зависит от меня, от вас, от него, — показывая на Фурера, сказал Постышев.

Он поднялся из-за стола и стал ходить по комнате — все знали его привычку беседовать прохаживаясь, подходить то к одному, то к другому собеседнику, порой садиться за стол для посетителей.

— Скучно и некультурно ребята живут в селе. Это нам укор. Да и в городе у нас не лучше. В театр ходят лишь по революционным праздникам.

Читают мало, по рекомендациям соседей. Газеты, товарищ Фурер, «Книжную полку» помещают лишь для подверстки. Все у нас есть. Книги, кинопередвижки, самодеятельные кружки. Талантливых людей легионы. Нет выдумки! Нет инициативы! В городе молодежь вечерами полирует асфальт. Изводит время. Свободное время, самое великое достояние человека. Что, у комсомола Харькова нет сил, нет театров, кружков, нет чтецов, песенников, библиотекарей?

— Упустили этот вопрос, — горячо произнес кто-то из комсомольцев. — Действительно, скучно живет село. Я был недавно в Камышевах, под Изюмом. Выйдут девчата на «вулицу» и поют песни, как век назад.

— Так что делать? Как выкурить скуку из села? — Постышев обвел взглядом собравшихся, словно приглашая «пошевелить мозгами».

— Нам туда поехать, — из-за стола поднялся секретарь комитета комсомола электромашиностроительного завода Трофименко, — повезти наших «артистов драмы», музыкантов, собрать библиотечки из тех книг, что сами уже прочитали.

— Слышишь, агитпроп! — довольно переглядываясь с Фурером, сказал Постышев. — Комсомолия нас учит, как досуг проводить. Только, Трофименко, нужно поехать не на один вечер. Послать на неделю хороших культурников. Пусть найдут в самом селе одаренных людей, помогут им кружки организовать.

— Я так и думал, Павел Петрович, — продолжал Трофименко. — Оттого, что мы приезжаем только концерты устраивать, толку мало. Нужно признаться, выезжали только в пригородные села. И то в большие праздники. Теперь заберемся на самую границу округа. Вы нам Волчанск поручите?

— Мы с вами пошлем корреспондента «Харьковского пролетария», — пообещал Фурер, — дадим в газете «Дневник культбригады». После этого на других заводах найдутся подражатели.

— Шефские бригады — это часть дела. — Постышев подошел к табель-календарю и, проводя пальцем по красным датам, сказал: — Для наших пропагандистов и культработников следует календарь с церковными праздниками издать. Их хватает. Мы в эти дни ничего не предпринимаем, чтоб людей занять. Ивана Купалу, масленицу, «красную горку» народ отмечает не потому, что в бога верит, а потому, что они с окончанием разных земледельческих работ совпадают или с перерывами между ними. Мы должны у попов эти праздники отвоевать. Только не превратить их в митинги, заседания. Был я на «Октябринах» — наших советских крестинах. Речей — как на любом собрании. Человек в мир пришел! А

вместо радости — скука. Голосованием имя устанавливали. Даже протокол приняли. Человек век проработает, а его с предприятия кто провожает?.. Отберут рабочий номер, дадут бумажку в соцстрах — и все проводы! Комсомол должен ветерана проводить, мало этого — на свои праздники звать. Человек вас учил работать, воспитывал вас. В быту горы Дел. Обрядности у нас нет. Ее создавать нужно — красивую, радостную, торжественную.

Из записок Бармица

1930 год, февраль

В Харьков приехала комиссия Центрального Комитета ВКП(б) во главе с Орджоникидзе специально для расследования тех «ошибок» по сдерживанию темпов коллективизации, которые допустили Центральный Комитет Украины и Поогышев, как секретарь Харьковского окружкома партии.

Опубликован отчет о совещании руководителей партийных организаций ряда областей, созванном ЦК ВКП(б). Орджоникидзе прямо заявил о состоянии на Украине: «На местах чудесные работники. Никаких уклонов у них нет». Он критиковал недостатки коллективизации, но также со свойственной ему резкостью и принципиальностью заявил, что ЦК дает общие директивы... А нужно на месте указать, как быть в каждом отдельном случае, а то низовой местный работник ищет ответа на те или иные вопросы в «Правде», а «Правда» очень часто дает неправильное указание.

О массовом культпоходе в Волчанском районе, организованном комсомольцами электромеханического завода, сообщения во всех центральных газетах. ЦК комсомола принял решение организовать такие культпоходы во всех районах Советского Союза.

На заводах напряженная работа по ликвидации прорыва. На какой бы завод ни приехали наши сотрудники, они узнают, что были в цехах Косиор, Чубарь, Постышев, Петровский, Шлихтер. И не просто знакомились с положением, а принимали участие в цеховых производственных совещаниях, помогали организовать планирование в цехах и на участках.

Апрель

Теперь кажутся смешными и жалкими все спицы, которые старалась правая оппозиция вставлять в колеса нашего движения. Они изломались, как соломинки. И теперь от них только труха. Верный союзник правых, кулак притих, не удалось ему запугать колхозников, активистов, не удалось сдержать движения людей, коллективов пожарами, выстрелами, нападением на селькоров.

На Харьковщине успешно заканчивают сев. Колхозники сумели вспахать свои поля даже на оставшемся тягле, хотя много лошадей истребили после разных перегибов, после обобществления всего скота.

С каждым месяцем нарастает борьба за пятилетку в четыре года.

Харьков в своеобразной осаде строек — появились первые котлованы на Тракторострое, Турбострое, Станкострое. Старые предприятия — паровозостроительный, электромеханический, завод сельскохозяйственных машин — обрастают новыми цехами. На «Серпе и молоте» пустили цех тракторных молотилок, сконструированных изобретателем Карпенко.

И казалось, не было прорыва, который всполошил весь Харьков в январе — феврале.

Постышев в своих выступлениях и статьях сумел показать, что главная причина прорыва — плохая и медленная перестройка планирования и технического руководства.

После того как он проанализировал планирование на паровозостроительном заводе и выступил со своими советами в газете, как организовать планирование от заводоуправления до участка, на заводах стали создавать инженерные бригады, во главе участков поставили техников; теперь план составляют не только для цеха, но и для каждого участка.

Харьков похож на прифронтовой город — все время прибывают эшелоны с людьми, то из Донбасса, то из черноземных областей. Строительные рабочие получают направления на стройки сразу же, сойдя на харьковский вокзал. На вокзале порою доходит до драк — представители строительных организаций переманивают каменщиков, бетонщиков, землекопов.

У Харькова — новый календарь. Теперь уже нет воскресений. Непрерывная рабочая неделя. В выходные дни бригады производственников, комсомольцев едут на самую главную стройку

Харькова — Тракторострой помогать строителям. По сути, Тракторострой — это народная стройка. Люди работают в выходные дни, не требуя зарплаты.

Пригород Харькова Лосево — крохотный поселок — стал вдруг известен не только за пределами Харьковской области, но за рубежом страны. Тем, что возникало на степной площадке, заинтересовались не только деловые люди, но и представители военных штабов Европы и Америки.

За пятнадцать месяцев большевики задумали создать в Лосево колоссальный тракторный завод, производящий пятьдесят тысяч тракторов в год.

Не нужно было обладать большой дальностью, чтобы понять, что тракторный мотор может стать мотором боевой машины, а в цехах завода можно варить и клепать стальные лохани — танки. В штабах Европы внимательно следили за дискуссией о создании танковых войск в Советском Союзе. Дискуссия со страниц прессы была перенесена на поля маневров. Запад знал сторонников создания танковых армий в России, прославленных полководцев гражданской войны Тухачевского, Якира, Уборевича, Дубового, Блюхера, видных партийных деятелей — Кирова, Орджоникидзе, Постышева.

Позиция этих патриотов, предвидевших неизбежное нападение империалистов на Советский Союз, не встречала должной поддержки со стороны некоторых партийных деятелей, руководителей армии. Кое-кто из них был в плену старых представлений об обороне и войне. Поклонники конницы хвастливо отстаивали первозначимость этого рода войск, противопоставляли его танковой силе.

Само собой разумелось, что сотни тысяч тракторов произведут революцию в сельскохозяйственном производстве.

Но одно дело замыслы, а другое — их осуществление.

Западные экономисты и публицисты иронически встретили сообщение о том, что в Лосево начнут строить завод. Они хором гудели — «большевики занимаются блефом». Аргументы их были неотразимы. Они доказывали точными расчетами, что в Советском Союзе нет машин для стройки тракторной промышленности, нет специалистов. «Из песка фантазий здания не воздвигают».

Но были и трезвые умы. Форд заявил: советские люди могут создать тракторную промышленность.

В Харькове главной темой всюду, от ЦК до цехов, были теперь дела на

лосевской площадке.

Порой кто-либо из харьковчан, побывав в Лосеве, растерянно пожимал плечами. Стройка не подавала особых признаков жизни. Уже наступил март, а на территории стройки всего шесть барачков, небольшие служебные помещения, не начинают рыть котлованы для цехов. Не готова подъездная ветка от магистрали. Даже склада для материалов не было в степи. И в Харькове на заводах озадаченно отсчитывали — потеряно три из пятнадцати месяцев. Эта стройка, как и другие пятьсот семнадцать, была кровным, личным делом каждого пролетария — он строил каждую из них.

Положение становилось тревожным. Чубарь, председатель комиссии по строительству, попросил выехать в Харьков заместителя председателя ВСНХ СССР Валерия Ивановича Межлаука.

Межлаук, Косиор, Постышев, Чубарь, Сухомлин несколько дней изучали положение на стройке, каждый участок — от обеспеченности кадрами до сооружения складов и завоза материалов. В точных, но тревожных цифрах охарактеризовал В. Межлаук ВСНХ и Совету Труда и Обороне положение на стройке. Межлаук убедился, что Постышев сумел нацелить харьковскую партийную организацию на мобилизацию с предприятий рабочих, опытных инженеров и техников, подготовку квалифицированных рабочих на курсах.

Партийная организация города выделила на стройку наиболее подготовленных инженеров, техников, рабочих. Они должны были осуществить монтаж тех машин, которые закупились за границей.

Совет Труда и Обороне, ВСНХ СССР по докладу Межлаука обязали всех поставщиков снабжать материалами строительство Харьковского тракторного завода вне очереди, форсировать прокладку подъездных дорог.

К началу мая уже стали оживляться работы на лосевской площадке. Постышев наблюдал за ними так, будто его назначили прорабом. Но оживление — еще не перелом, не разворот по-настоящему. Постышев настоял, чтобы Политбюро Украины обсудило вопросы стройки Харьковского тракторного. Их было немало, и выявленных и назревших.

На заседании Политбюро Постышев показал, что со стороны управления строительством нет достаточного контроля за деятельностью контрагентов и управлений. Он требовал привлечь в Харьков для работы советских и американских специалистов, которые участвовали на стройке тракторного завода на Волге. По предложению Постышева жилищное строительство было приравнено к индустриальному. «Мы должны думать перспективно, — убеждал он. — На действующий завод нужно принять пятнадцать тысяч рабочих... Пять тысяч квартир мы обязаны сдать к осени

тридцать первого!»

Постышев показал, что при тех темпах проектирования, какими оно велось, стройка не получит проектов в течение ближайшего года. Влас Яковлевич Чубарь, с его хозяйственным опытом, с его умением анализировать экономику, быстро подсказал решение сложного вопроса: пересчитать проектное задание завода и использовать все проектные материалы волжского гиганта на лосевской площадке.

Это позволило не составлять заново генерального проекта. Можно было с июня начинать стройку.

Постышев настоял, чтобы партийные организации всей Украины усилили популяризацию строительства тракторного завода. «Стройка должна стать народной — люди должны знать, что они строят, зачем».

В июне по проложенной ветке в Лосево пошли вагоны с лесом, металлом, цементом. Ежедневно по направлению к Лосеву через Харьков двигались колонны строителей — каменщики, бетонщики, монтажники. В Лосеве чернели первые котлованы. От нулевой отметки нарастали здания цехов.

Строительство двинулось.

Нужно было перестраивать характеры и психологию людей. Постышев привык смотреть на людей, на факты, события трезво и взыскательно. Тракторострой был не простым строительством — это была школа для тех людей, что через несколько месяцев отсюда разъедутся по всей стране, на остальные сотни строек из пятисот восемнадцати.

Что унесут они с собой, какие дрожжи будут бродить в этом молодом вине?

Почти ежедневные встречи с людьми стройки, посещение барачков, площадок убеждали Постышева, что решение Центрального Комитета партии о массовой работе выполняется плохо. Постышев снова вынес на Политбюро разговор о Тракторострое.

Он нарисовал реальную картину: социалистическое соревнование еле теплится. Коллективы не знают своих ударников. По предложению Постышева Политбюро решило перебросить пятьдесят членов партии в качестве рядовых рабочих из Харькова, сто из других округов Украины и двести комсомольцев-рабочих.

Постышев настоял на смене руководителей общественных организаций стройки — людей, регистрирующих факты, вместо них направили организаторов соревнования и воспитателей. Постышев предложил усилить строительную газету. Она называлась символически — «Темп», но была вялой, плохо организовывала людей стройки, мало

способствовала темпам ее. Постышев составил список массовых брошюр по популяризации стройки — их должны были написать ученые, писатели, журналисты.

И, вынося все эти предложения на Политбюро, Постышев назвал точный срок исполнения — месяц.

Приход кадровых рабочих, комсомольцев, смена руководства профсоюзами на стройке сразу изменили многое. Но не хватало пяти тысяч рабочих. Пролетариат Харькова по призыву Постышева взял Тракторострой на общественный буксир.

— Точные сроки, — советовал Постышев, — точная ответственность буксиров за участки, контроль за использованием людей на стройке, они приносят свои вклады, время, опыт, силу. Поручите самим рабочим контроль, и они почувствуют себя хозяевами положения, они будут ревностно отвечать за все.

Из записок Барвинца

1930 год, май

За короткий срок социалистическое соревнование стало массовым. Уже соревнуются не только бригады, но и один завод с другим, уже многие харьковские предприятия заключили договоры на выполнение пятилетки в четыре года с предприятиями Москвы, Ленинграда, Донбасса, Приднепровья.

В редакции газеты «Темп» молодые прозаики и поэты Микола Нагнибеда рассказывает, что почти ежедневно на площадку приезжает кто-нибудь из членов Политбюро Центрального Комитета Украины, Влас Яковлевич Чубарь — председатель комитета содействия Тракторострою. По утрам его путь в Совнарком теперь лежит через Тракторострой. Постышев приезжает вечером, посещает бараки строительных рабочих, столовые.

В городе на улицах появились плакаты и лозунги с фамилиями лучших бетонщиков, каменщиков и землекопов. Это после того, как Постышев потребовал от партийных организаций, что бы ни один трудовой подвиг не оставался без гласности.

Был два дня в Лозовой. В районе закончили сев. Старики говорят, что виды на урожай хорошие. В колхозах уже закрепилось постоянное число людей. Теперь не бегут из колхоза. Но и принимают в них не как раньше, валом, а внимательно изучая каждого, кто подает заявление.

Приходят последние дни нашему «Дому коммуны». За последние месяцы новых жильцов не поселяли. Многие разъехались на стройки, часть жильцов перебралась в Лосево и на Турбострой. Я в мае получу место в общежитии газеты «Коммунист». Жаль, что ликвидируется «клуб спорщиков». Агид после того, как его заявление об оппортунистах и замалчивании критики в Харьковском обкоме получило достойную оценку на пленуме горкома, куда-то тихо исчез. Постышев доложил пленуму о том, что были заявления Агида и других, контрольная комиссия разобралась и сочла их несостоятельными. Думали, что он потребует привлечь Агида и его друзей к ответственности. Но Постышев, как говорят, просто предложил побеседовать с ними и поручить такую работу, на которой они могли бы быть полезны.

Мы сидели в редакции газеты «Темп». Во время перерыва зашел Постышев с двумя товарищами. Одного мы хорошо знаем: это член партии с 1918 года Мельников. Он прораб на одном из крупнейших участков. А другой — молодой паренек.

— Вот этого героя знаете? — спросил Постышев. Редактор не знал, что ответить. — Ну, тогда чувствую, что о нем не слыхали. Это Марусин. Он поставил новый рекорд. О нем нужно написать. А если есть поэты, то и песню о нем было бы неплохо сложить.

Поэты как раз пришли в редакцию — Вадим Собко, Микола Нагнибеда.

— Значит, для поэтического пленума, — улыбнулся Постышев, — не хватает Сергея Борзенко. У вас тут целый цех поэтов. Хорошие стихи Борзенко напечатал в «Харьковском пролетарии».

Мы невольно переглянулись: знает начинающих поэтов Тракторостроя?

— Пусть пишут о Марусине, о Мельникове, о всех мастерах своего дела, — уходя, посоветовал Постышев, — а пока просто запишите их рассказы, да так, чтобы каждому каменщику, бетонщику было понятно, почему они хорошо работают, как организуют свою работу. И живее газету делайте, ребята. Вечером в бараках людям читать нечего.

Утвержден проект памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко. Недавно была закладка здания новой оперы в Краснозаводском районе. В этом же районе работает первый в республике рабочий театр. В музеях идет переоборудование, создаются новые экспозиции, в частности по истории Харькова. Начал работать коллектив по созданию истории Харьковского паровозостроительного завода. Жаль, уехал Опришко. Мы вспомнили о нем с Обушным. Лука Каленникович говорит, что написал Опришко письмо: «Приезжай, посмотри, как в Харькове идет украинизация — на каждой улице для нее фундамент заложен».

Началось соревнование навстречу XI съезду Компартии Украины и XVI Всесоюзному съезду Коммунистической партии.

На предприятиях выступают с докладами члены Центрального Комитета партии и наркомы.

Я специально поехал на паровозостроительный завод, где Постышев сделал доклад о работе партийной организации Харькова и округа между двумя съездами. Было интересно, как он охарактеризует тот бой, который пришлось выдержать парторганизации Харькова с леваками, настаивавшими на сплошной коллективизации.

Черт знает, как шагает Харьковщина, какая поступь у Харькова! Растут новостройки! После доклада Постышева уже не сомневаешься, что Харьковский округ выполнит пятилетку в четыре года. Цифры прироста в промышленности окрыляют. Но Постышев, рассказывая о достижениях в городе и на селе, о том, как шла борьба за переустройство сельского хозяйства, как развертывалось социалистическое соревнование, самое большое внимание уделил самокритике. Стало ясно, почему партийная организация Харькова ударяла, «и ударяла жестоко», по всем гнойникам на паровозостроительном заводе, Канатке, в Волчанске, в издательстве «Космос», Центральном рабочем кооперативе. Оказывается, несмотря на то, что партийная организация раскрывала гнойники, была крепко по носителям бюрократизма, находились члены партии, которые «сигнализировали» ЦК и ЦКК о том, что в харьковской организации зажимают самокритику, поддерживают правых. В Харьков выезжали комиссии по поручению ЦК и заслуженно называли авторов этих писем клеветниками.

Когда Постышев стал говорить о тех нажимах и натисках, которые были на Центральный Комитет Украины, на Харьковский окружком в период проведения коллективизации, когда от них требовали соревнования с Московской областью и Поволжьем на «сплошную» коллективизацию, он

только коротко остановился на истории этого вопроса и сразу стал анализировать упущения в партийном руководстве сельским хозяйством. Он говорил о другом виде «головокружения». «В решении февральского пленума окружного партийного комитета о проведении весенне-посевной кампании мы ни одного слова не сказали относительно необходимости внимания индивидуальным хозяйствам, которые даже в феврале составляли пятьдесят процентов в округе. Как видно, мы здесь увлеклись исключительно коллективным сектором и оставили нашу заботу о единоличном крестьянском хозяйстве».

Постышев прямо охарактеризовал это как ошибку. Другой ошибкой он считает недостаточно критическое отношение к быстрому темпу роста колхозов.

Снова Постышев призывал внимательно относиться к середняку, беречь его и извлечь уроки из тех перегибов, которые были в Кириковке, Волчанске, Липецке, Дергачах.

Постышев подчеркнул, что сегодня уже не может быть водораздела между промышленностью и селом, этот водораздел равнодушия и потребительского отношения к судьбам различных, но тесно связанных между собой отраслей народного хозяйства нужно срывать. Промышленность отвечает за состояние сельского хозяйства. Мы требуем от села продуктов питания, а должны им машины, химикаты, любые средства механизации ручного труда, но не просто сбывать, а учить людей работать. Деревня впервые переходит к машинному труду. Школа трудная. Многие крестьяне свыклись с ручным трудом и еще не понимают тех выгод, которые дает машинный. За урожай на полях отвечают не только пахари, но и люди «Серпа и молота», из тракторного отдела, весь рабочий класс Харьковщины.

Характерно, что в речи Постышева, когда он касался вопросов коллективизации, не было таких фраз: «Харьковский окружком поступил правильно», «Харьковский окружком не допустил искривлений». Когда в прениях какой-то оратор попытался отмечать заслуги Харьковского партийного комитета и его зорких уполномоченных, Постышев остановил оратора и сказал: «Съезд партии дал указание коллективизировать сельское хозяйство за пять лет. Наша задача — выполнять решение съезда».

Июнь

На заседании XI съезда КП(б)У Косиор сказал об ошибках, ошибающихся и об отношении к ним: «Мы не занимаемся чтением в сердцах, но мы требуем от тех, кто допускал те или иные ошибки, чтобы

они своим поведением, своей работой на деле подтвердили отказ от старых ошибок, чтобы они работали как следует, честно — по-партийному. Если были грехи, то их нужно исправить. Партия всегда помогала в этом товарищам, которые искренне признавали свои ошибки и от них отказывались, помогала прежде всего тем, что старалась создать для них товарищескую обстановку».

Это не просто душевные слова. Просматривая список выступающих на съезде, видишь, как партия вернула в свои ряды тех, кто честно признал ошибки, доказал свою преданность партии. Снова получили возможность вести большую государственную работу Коцюбинский, Примаков, Шмидт и другие, хотя ошибки у них были немалые.

Прошел XVI съезд партии. На пленуме ЦК ВКП(б) Постышев избран секретарем Центрального Комитета ВКП(б).

В Харькове сожалеют, что уезжает человек большого сердца, яркой выдумки, «социальный изобретатель», как сказал один рабочий на паровозостроительном заводе.

Когда ведешь разговор с посетителями редакции, все — от профессоров до молодых строителей Тракторостроя — говорят о Постышеве с сердечностью. Профессор Соколовский принес нам статью о применении химических удобрений, попросил ее напечатать быстрее: «Хочу Павлу Петровичу один экземпляр послать с обещанием, что все наши раздумья о химизации сельского хозяйства буду выполнять. С ним интересно было раздумывать над перспективами будущего. Интересно было слушать, когда Косиор, Затонский, Чубарь, Постышев сойдутся вместе в Померках в воскресный день. Косиор всегда рыбную ловлю организовывал. Неутомимый человек. За ухой на бережку начинают мечтать вслух. Влас Яковлевич Чубарь в две темы влюблен — в ирригацию степей Украины, ее запорожских прерий, и в создание электрометаллургии цветных металлов. Затонский намерен все химизировать — от производства тканей до выпуска кормов из угля и нефти. Косиор мечтает о том времени, когда из шахты уйдет последний шахтер, а у домен встанут автоматические горновые. Постышев всегда эти мечтания как-то приводит к одному знаменателю. Для него все это средства, с помощью которых наше общество должно сделать жизнь всех людей радостной. Слушая его, беседуя с ним, я убедился, что у него призвание нести людям радость, изобретать все для этого в быту и в труде».

Состоялся пленум окружного партийного комитета. Он в специальном решении отметил:

«За последние три с лишним года работы харьковская организация под руководством ЦК КП (б) У и ОПК во главе с товарищем Постышевым еще больше идейно выросла, организационно окрепла, сплотилась вокруг ЦК и консолидировалась в борьбе вокруг троцкизма, против правого, открыто оппортунистического уклона, против примиренчества, против левых загибов и искривлений линии партии, в борьбе против великодержавного и украинского национального уклона, в борьбе против беспринципности, комбинаторства и местничества, решительно развертывая большевистскую самокритику. На этой основе харьковская организация заняла в рядах КП (б) У место действительно передовой столичной пролетарской организации, которая является верной опорой ленинского ЦК. Пленум ОПК считает, что своим четким ленинским направлением, осуществлением очередных задач, своей большевистской последовательностью и настойчивой борьбой за проведение в жизнь генеральной линии партии, своей широкой революционной инициативой товарищ Постышев, как секретарь ОПК, являлся образцом стойкого ленинца, закаленного пролетарского революционера и этим сплотил вокруг ОПК актив харьковской организации, воспитывая и выращая новые кадры пролетариев-большевиков».

На карте Госплана ежедневно появлялось новое обозначение введенного в строй промышленного предприятия, список МТС ежедневно увеличивался на две единицы, колхозов — на сто пятнадцать.

Социализм наступал широким фронтом в промышленности и сельском хозяйстве.

XVI съезд партии разработал стратегию дальнейших мирных боев за социализм. Еще актуальнее становились вопросы агитации и пропаганды. Постышев, избранный секретарем ЦК ВКП(б), возглавил отдел пропаганды и агитации.

У Постышева четкое задание съезда партии — культурно-пропагандистскую работу поставить на службу пятилетке, добиться, чтобы каждый стал сознательным строителем социализма. Предстояло создать армию пропагандистов, агитаторов, найти новые формы разъяснения политики партии, изучения теории социализма в тесной связи с жизнью, с практикой строительства социализма.

Руководство отделом агитации и пропаганды Центрального Комитета Постышеву было поручено потому, что сам он был массовиком, трибуном, пропагандистом по призванию, талантливым организатором.

Постышева — массовика, агитатора, пропагандиста воспитывали «Отец» — Афанасьев, Дунаев, Фрунзе, Бабушкин, Варенцова. Методы их работы в массах запомнились ему навсегда. Теперь рядом с ним в ЦК ВКП(б) работало много замечательных старых большевиков. Он советовался с ними, учился у них.

На предприятиях Москвы было немало талантливых опытных агитаторов и пропагандистов. Постышев часто выезжает на заводы Москвы, находит таких же страстных пропагандистов идей партии, каких он выискивал на заводах Киева и Харькова.

«Почему плохо посещают кружки?», «Кому поручают вести их?», «Кто воспитывает массовиков-агитаторов?», «Чему подчинена учеба в сети партийного просвещения?» — с этими вопросами Постышев обращался к рядовым пропагандистам и агитаторам.

Он вместе с другими членами ЦК ВКП(б) пришел к выводу, что нужно дифференцировать учебу для разных групп, не отрывать теории от практики, перенести пропагандистскую работу в цехи.

А как строить пропаганду на селе? Казалось бы, глубокое знакомство с

селами Харьковщины и всей Украины позволяло дать ответ на этот вопрос. Но он не любитель поспешных выводов на основе прежних наблюдений. Он верен себе — постоянно изучать движение жизни, ее глубинные процессы. Что сейчас происходит в деревне Российской Федерации, других республик? В деревне, где сломлены вековые устои собственности, но люди еще не могут разобраться в происходящем и правильно оценить события?

Сентябрь и октябрь 1930 года Постышев проводит по поручению Центрального Комитета, как и многие другие члены ЦК, в деревнях. В колхозах Центральной Черноземной области он исследует жизнь села, экономические противоречия. Обстановка в деревне усложнялась тем, что город не был в состоянии дать ей нужные товары в необходимом количестве, но постоянно требовал хлеб и сырье.

Во многих селах Воронежской области бывшие комсомольцы вспоминают, как Постышев проводил с ними беседы, объяснял, почему стоят фабрики, получающие сельскохозяйственное сырье. «Пойти на то, что предлагают оппортунисты, ввозить сырье из-за границы, отказаться от ввоза оборудования? Можем мы на это пойти, замедлить темпы индустриализации? Решаете вы». «Мы?! — поражились комсомольцы «Решаете только вы — своим трудом на полях».

Такие беседы окрыляли людей — их труд решает судьбы индустриализации.

Постышев из этих встреч вынес для себя непреклонное убеждение, что в деревне так же, как и в городе, самое важное — пропаганда конкретных задач пятилетки и колхозного строительства на примерах области, района, колхоза.

Его речь на собрании воронежского партийного актива в октябре 1930 года — яркое выражение ленинского отношения к запросам людей, их думам. Человек, чутко понимавший умом и сердцем раздумья сотен тысяч людей, разведавший вопросы, волнующие их, разъяснял, почему не хватает товаров, почему государство не может уплатить за проданный ему хлеб, какой выход из создавшегося положения.

Во время своих поездок по районам Центральной Черноземной области Постышев слышал, как агитаторы и пропагандисты, наезжающие во время кампаний, отвечают на жгучие, наболевшие вопросы по устаревшим прописям политграмоты. Пустяковые обещания, общие слова лишь подрывали доверие тружеников земли, компрометировали пропаганду.

В своей речи на собрании воронежского актива Постышев прямо

отвечает на самый жгучий вопрос тысяч земледельцев — середняков и бедняков: выход из всех трудностей на селе один — в коллективизации. Он советует перенять опыт тех колхозов, в которых не прячут хлеб в амбары, а выделяют долю урожая колхознику. Люди должны видеть результаты своего труда.

Постышев разоблачает ретивых администраторов, полагающих, что кулачество ликвидировать просто: стоит лишь дать кулаку такое товарное задание, чтоб он не справился, а «затем продать с молотка его имущество и выселить». Продолжать борьбу за коллективизацию — тогда кулак будет уничтожен как класс.

После возвращения из Центральной Черноземной области Постышев вместе с членами Центрального Комитета, работниками отдела ЦК, привлекая активистов московских райкомов партии и заводских пропагандистов, работников села, разрабатывает методику агитации и пропаганды в новых условиях.

Основа — изучение истории партии.

К различным группам членов партии и беспартийных следует подходить дифференцированно. Огромное значение приобретает воспитание кадров партийного актива. На совещании культпропов, созванном ЦК ВКП(б) в 1931 году, Постышев докладывает об этих всесторонне проверенных положениях.

В 1931 году ЦК ВКП(б) ставит Постышева во главе Орготдела Центрального Комитета.

XVI съезд партии дал директивы перенести центр партийной работы в цехи, бригады. Городские партийные ячейки насчитывали к этому времени тысячи членов партии. Вся перестройка организационной работы партии, возглавляемая Постышевым, проходила под лозунгом «Поворот к боевым задачам пролетариата». В статье «О некоторых задачах организационной работы партии», опубликованной в «Правде» 15 марта 1931 года, Постышев показывает, как выполняются директивы XVI партийного съезда, как создаются партийные комитеты, цеховые ячейки, партийные группы в бригадах, а на селе — партийные ячейки в крупных колхозах, МТС и совхозах. Партийная работа на службу промфинплану, на службу социалистическому строительству — такова одна из главных задач перестройки. Партийные организации должны уделять больше внимания вопросам производства, бороться за повышение партийного влияния в массах рабочих, колхозников. Организационная работа, расстановка кадров, агитационно-массовая работа — вот те орудия, с помощью которых партия успешно закончит строительство социализма. Постышев

подчеркивает, что новые задачи требуют от партработников конкретного, гибкого, оперативного руководства, умения своевременно решать задачи, выдвигаемые жизнью.

Постышев по-прежнему внимательно относится к запросам, письмам, предложениям с мест, систематически проверяет, в каком состоянии переписка Центрального Комитета с местами. Он считает преступлением, когда письмо, запрос остаются без ответа, валяются в архивах отделов.

Несмотря на то, что ему приходится возглавлять перестройку организационной работы партии, Постышев принимает большое участие в создании «Истории фабрик и заводов», начатой по предложению А. М. Горького. Эта живая история пролетариата Советской страны должна помогать великому делу воспитания людей социалистического общества.

Он, как и всегда, несмотря на огромную занятость, часто выступает на совещаниях, пленумах, конференциях.

Его речи на конференции ВЛКСМ Сокольнического района в марте 1932 года, на VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ в июле того же года примечательны видением перспектив. Он умел видеть истоки будущего в настоящем. Как для каждого ленинца, для него борьба за будущее была неотрывна от борьбы за молодежь, за ее идеологию. Постышев разъясняет комсомольцам, будущим коммунистам, что они должны уметь сочетать теорию с практикой, не болеть однобокостью, увлекаясь либо практической работой, либо книжным изучением социализма. Комсомол обязан знать, чем интересуется молодежь, помогать ей заниматься литературой, искусством, наукой, физкультурой, туризмом, осваивать технику. Молодежи надоели примитивные занятия «полиграмотой», различные «политудочки» и «политвикторины».

Постышев подсказывает руководителям комсомола перенести воспитательную работу в общежития, постоянно информировать молодежь о событиях внутри страны и за рубежами ее, а самое главное — развязать простор молодой инициативе, в частности мобилизовать ее на борьбу за технику, на борьбу с бюрократизмом.

Анализируя состав нового пополнения промышленных кадров, Постышев раскрывает, как с каждым годом рабочий класс страны становится все моложе. В 1932 году уже более шести миллионов, почти одна треть состава работающих, на действующих и строящихся предприятиях — молодежь. В этом колоссальном отряде люди из разных групп и прослоек. Постышев призывает особое внимание уделить воспитанию их.

Несмотря на рост колхозного движения, техническую реконструкцию сельского хозяйства, завершение сплошной коллективизации к 1932 году, сельское хозяйство не выполнило своих обязательств. Отставание порождалось прежде всего психологией частного собственника, впервые приобретающего опыт работы в коллективе, и отсутствием опыта ведения крупных артельных хозяйств.

Ломались извечные устои земледельческого труда, вековой уклад сельской жизни. Предстояло создавать организацию и учет труда, систему оплаты его. Без заинтересованности людей в работе об успехах нельзя было помышлять. Этот процесс протекал болезненно, порою уродливо, и еще больше усложнялся диктатом тех, кто игнорировал ленинское положение о сложности перехода от старого к новому. Администраторы разных рангов не желали считаться с тем, что руководители колхозов и районов только накапливают опыт управления коллективными хозяйствами.

Вместо того чтобы искать причины неудач, провалов, прорывов в экономике, в трудовых взаимоотношениях, психологии людей, вместо того чтобы растить и воспитывать тружеников коллективного труда, организовывать их, распространять опыт новаторов, мастеров земледелия, люди, неумело пользующиеся властью, давали указания ЦК КП (б) У отыскивать «персональных виновников», видеть во всем саботаж, измену, сопротивление новому.

Подлинные враги советской власти — кулаки, деклассированные элементы использовали подобное отношение к честным людям. Проникая в колхозы, они разными способами вредили делу, уничтожали машины, скот, семена.

В деревнях Украины создалась тяжелая обстановка. В первый год сбора колхозного урожая Украина завершила хлебозаготовки за три месяца, а к концу 1932 года она оказалась в глубоком прорыве, даже несмотря на то, что план хлебозаготовок три раза снижался.

Украина не была исключением. Прорыв в сельском, хозяйстве углублялся. Разрыв между сельскохозяйственным и промышленным производством возрастал. Жизнь заставляла по иному решать вопросы подъема сельского хозяйства. Прежде всего, воспитывая людей, организуя их, распространяя опыт лучших. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в январе 1933 года было решено создать политотделы при МТС и совхозах.

Центральный Комитет ВКП(б), как и в предыдущие годы, решил оказать помощь Компартии Украины — мобилизовал партийных работников большого опыта, инициативы, знающих сельское хозяйство республики, людей ее, выделил семена, средства, машины. На Украину

возвращались Постышев, Балицкий, Попов. Им предстояло вместе с Косиором, Чубарем, Петровским, Любченко, Затонским, Шлихтером и другими руководителями Компартии Украины в короткий срок добиться укрепления колхозов, увеличения товарности сельского хозяйства. Постышева Центральный Комитет ВКП(б) рекомендовал на пост второго секретаря ЦК КП (б) У и секретаря Харьковского обкома, Попова — на пост секретаря ЦК КП (б) У.

Зимний день давно начался, а на фермах, хозяйственных дворах почти никого не было видно.

Село казалось оставленным его жителями. На главной улице лежал нетронутым выпавший ночью снег.

— Приська, — кричал кто-то на дворе животноводческой фермы, — зови доярок, скотину нужно поить!

— Бегала уже, Евмен Трофимович, не идут! — кричала в ответ молодая женщина.

— Мотай опять! Скажи, в кооператив сахар привезли. Кто выйдет на работу, тому будут выдавать, а остальным — никому. Чи есть у людей сознание? Подохнет скотина!

— Здорово, Евмен Трофимович, — окликнул бригадира животноводческой фермы Постышев. Он уже несколько минут стоял на дворе фермы, наблюдая за тем, что происходит.

— Здравствуйте, Павло Петрович, — вовсе не удивляясь тому, что Постышев очутился на ферме, сказал бригадир и, пожимая ему руку, крикнул кому-то: — А ну, выходи, Голобородько! Жаль, что я с тобой не поспорил. Что я тебе говорил?

— Да, по-твоему вышло, — показываясь из сарая, произнес старик. И, старомодно кланяясь, снимая островерхую баранью шапку, сказал Постышеву — Тут хлопцы в газете прочли, что вы на Украину повернулись. Евмен и говорит: «Ну, ждите Павла Петровича в гости к нам».

— Иначе и быть не могло, — произнес Евмен Трофимович. — Пойдемте, Павло Петрович, мы вам покажем, до якого життя доплентались, по-русски значит — добрали.

Евмен Трофимович стал показывать Постышеву фермы, сенники, склады кормов, потом они прошли в соседние конюшни.

— Смотреть на все это и стыдно и страшно, — признавался Евмен Трофимович. — Вон, смотрите, стоит конячка. Таких коней раньше и цыгане не покупали, а живодеры деньги брали за то, чтобы их со двора увести. Не загонишь людей на работу.

Мычали худокормные коровы, облизывая пустые ясли. На конюшнях в грязных стойлах лежали истощенные бескормицей лошади.

Только в одном отделении стояли сытые скаковые жеребцы. Они то и дело били задними ногами о цимбалины.

— Это чьи жеребцы? — заинтересовался Постышев.

— У нашего головы мания, Павло Петрович, — пояснил Голобородько, — вин в кавалерии служил. Дрожки купил, беговую каретку завел, сани-бегунки, только и знает, что ездит из района в округ, из округа в район. Весь овес для своих жеребцов скармливает, а остальные кони голодают. Мы уже признаемся: тайком берем тот овес, чтоб рабочих лошадок поддержать.

Из конюшни Постышев прошел на склад машин, оттуда попросил проводить его к амбарам. Уже не только Евмен Трофимович и Голобородько провожали его, пришли бригадиры с других участков, полеводы. Постышеву не нужно было расспрашивать о том, как жил этот колхоз раньше. Он знал его с первых дней организации, видел, как крепло хозяйство, как приходил в колхоз зажиток.

— Кто голова сейчас? — спросил Постышев, когда закончил обход.

Они подошли к хате-читальне.

— У головы — голова все время на пару, — горько усмехнулся Евмен Трофимович.

— Такой спец по «перваку», — стал рассказывать Голобородько, — что не идет к той шинкарке, которая третью четверть выцеживает, а прямо направляется к той, которая первую «слезу» выпаривает.

— Что же терпите такого? — Постышев посмотрел на всех с укоризной. — Пойдемте в хату, потолкуем.

Они уселись в пустой хате-читальне за столами, на которых лежали грязные, выцветшие журналы.

— В районе об этом знают? — спросил Постышев после долгой паузы.

— Кому там говорить?!

— Попробуй пожалуйся, из тебя сразу подкулачника сделают.

— Из района к нам не заглядывают — расстояние далекое.

— Что же произошло? — озабоченно произнес Постышев. — Работали у вас дружно, ладно...

— То, что и у всех! — махнул рукой Евмен Трофимович. — По-первых взялись горячо и у нас в округе. А потом забыли, что за саженцами глаз нужен.

— Забыли про нас в Харькове — так и говори прямо, Евмен. — Голобородько накалялся с каждой фразой. — То было и агрономы приедут, и агитаторы, и шефы, и мастеров по ремонту пришлют. А теперь кулаки ходят, над нами смеются: «Подсчитали трудодни — вышли палочки одни. Ой, колхоз, ты колхоз, чем тебя помянешь? Встанешь утром, хлеба нет — песенку затянешь».

— Не только про нас забыли... Посмотрите, что в других колхозах...

— Все председателей снимают и сажают. За ошибки.

— А кто не ошибается? Первый раз в жизни коллективно работать почали, — раздались голоса, жесткие, колючие, прямые, пронизанные горечью, обидой.

Постышев слушал эти жалобы, претензии, требования, не останавливая никого.

— Что же селькоры молчат? — глядя на Евмена Трофимовича, спросил Постышев. — Перья заржавели? Чернила высохли?

— У нас газеты спокойные стали, — грустно промолвил Евмен Трофимович. — Мы все больше читаем про то, как балет показывают, советы, как детей лечить. Конечно, и это нужно, но только, как пошлешь какой-нибудь материал с колючкой, так уже сразу ответ: «Ваш материал отправлен в соответствующие организации для принятия мер».

— А вы скажите, — спросил молодой колхозник в гимнастерке, на петлицах которой еще не выцвели следы от треугольников, — что теперь в Харькове, все ликвидировали рабочее шефство и культбригады?

— Что ты, Андрейка, про культбригады, — прикрикнул на него кто-то, — тут хотя бы за деньги приехали наладить молотилку!

— А вы просили? — спросил Постышев. — Кого?

— Просили. Только говорят: «У вас теперь МТС и МТМ. Пусть они вам ладят».

— Кто же в тех МТС налаживать будет, если там ни литейщиков, ни токарей? Проволоки, чтобы заклепку сделать, не имею! — раздраженно стал доказывать Голобородько.

— Сколько у вас коммунистов в колхозе? — поинтересовался Постышев.

— Евмен Трофимович — раз, — загибая пальцы, начал считать Голобородько, — голова — два, пасечник — три. Ну, еще Андрейка кандидат партии.

— Я, товарищ Постышев, беспартийный, — поднялся пожилой черноватый колхозник, — может, и не имею права наводить критику на коммунистов?

— Кто вам это внушил? — сердито прервал его Постышев.

— Наш голова так и говорит, — продолжал пожилой черный колхозник: — «Вы — масса, а я — авангард. Меня партия послала, вы должны за мной идти, мне поручили вами руководить».

— А за ним не находишься!

— За ним только на рысаках угонишься!

— Сейчас по району мотается — меняет посевное зерно на овес,

чтобы рысаков кормить.

В голосах колхозников звучало негодование, и презрение, и возмущение.

— Как ваша фамилия, товарищ? — спросил Постышев колхозника, рассказывавшего о председателе.

— Шульга, Евгений Силыч, — ответил тот. — Можно мне все высказать до конца?

— Затем и приехал к вам, чтобы все высказали все до конца, — сказал Постышев, — все без утайки — и о вашей голове и о тех головах, что в районе и что у нас в округе. Больше партия их головотяпства терпеть не намерена. И говорить прошу все прямо. За критику никто в пидкуркульники — в подкулачники — не зачислит, а станет зачислять, пишите прямо мне. Если сумеете, приезжайте.

— Так вот, Павел Петрович, — продолжал Шульга, — получается, что за прилавком в магазине в районном центре больше коммунистов, чем у нас в колхозе... — он оборвал фразу, постоял, подумал, добавил: — Мы все от сердца сказали. Его нам досада жжет. За все досада. И за те машины, что без призора. И за тех коров, что стоят непоенные, некормленные. Разве вы видели, чтоб у хозяев коровы из года в год яловые были? — Шульга грузно сел и стал скручивать сигарку.

— Что же женщины не идут работать на фермы? — обратился к колхозникам Постышев. — Ведь у вас отлично работали. Я помню, Ганну Солонецкую премировали на областном совещании доярок. Слава о ней гремела по области.

— Славою, дорогие товарищи, не кормятся! — выскакивая откуда-то из-за спины Шульги, выкрикнул верткий лысоватый колхозник с рыжей редкой бородой. — Людям за работу платить нужно, а у нас труд палочкой отмечают.

— Ты, Петро, тех наслушался, которые на шляху наших женок встречают! — прикрикнул на него Шульга и снова поднялся, загоразивая собой вы ступавшего. — У нас, товарищ Постышев, богатеи, которых на выселки отправили, на шлях выходят, наших женщин встречают и начинают насмехаться: «Идите, идите работайте, там вам трудпалочек понаставят; потом будете ими усадьбу огораживать от ветра, чтоб не дуло». Вы скажите, как в других краях?. В Москве знают про то, что у нас происходит? У нас неудачный год. А как на Волге, на Кавказе?

— Спасибо, что откровенно говорили, — сказал Постышев, когда Шульга закончил. — Знают, товарищ Шульга. И в других областях не особенно важны дела. Особенно там, где стали заниматься только

промышленностью. Евмен Трофимович прав, саженцам нужно внимание. И область Харьковская отстает не только потому, что был неудачный год, но и потому, что мы многое запустили. На пленуме Центрального Комитета в Москве правильно раскритиковали и Центральный Комитет Украины. Значит, и меня. Я ведь старый украинец. С вами работой сроднился. Теперь Центральный Комитет нам помощь оказывает. Слышали о политотделах? Знаете, зачем они организованы?

Не ожидая ответа, Постышев стал рассказывать о том, как организуются политотделы, кого подбирают в них, как Харьковский областной комитет партии намерен поднимать сельское хозяйство области и готовиться к севу.

Уже не первый час обходил Постышев цехи тракторного завода. Директор завода Брускин несколько раз предлагал Постышеву отдохнуть, но он, закончив обход очередного цеха, хотел знать, что делают в соседнем, направлялся в этот соседний и завязывал разговоры со станочниками, наладчиками, мастерами, интересовался обработкой деталей, слаженностью участков.

Со свойственной ему сдержанностью Постышев не проявлял своего настроения, но по вопросам, по тому, как он осматривал цехи, было видно, что он восхищен и этим инженерным созданием рабочего класса Харькова и всей страны и той работой, которую ведет коллектив тракторостроителей.

Где-то в инструментальном цехе его и Брускина застал гудок на обеденный перерыв.

— Вот и хорошо, пообедаем с инструментальщиками, — сказал Постышев — Веди в столовую, директор. Посмотрим, какой у тебя цех питания.

Они вошли в столовую, шумную, людную. За столами сидели инструментальщики, главным образом молодежь.

За большим столом сели Постышев с Брускиным.

— У нас инженерная столовка рядом, — сказала официантка, подходя к столу, за которым сидел Постышев.

— Туда, дорогая, мы в следующий раз пойдем, — улыбнулся Постышев. — А сейчас дайте то, что подаете инструментальщикам.

Официантка, краснея, подала меню.

— Вы всегда так краснеете? — спросил Постышев, пробегая глазами меню. — Когда рабочим подаете, тоже?

— Они уже привыкли, — сказала девушка — Наше дело приготовить из того, что привезут.

— Ну что ж, давайте борщ и кашу, — распорядился Постышев — Как живете, земляки? — обратился он к сидящим за столом инструментальщикам.

— Так, Павел Петрович... — неопределенно протянул пожилой рабочий.

— От очереди до очереди, — усмехнулся сидевший рядом с Постышевым крепыш в морском бушлате.

— Это как понять?

— Я расскажу, Павел Петрович, — вступил в разговор пожилой рабочий — У меня на это вроде больше прав. Я, если помните, Мацегора, из той лавочной комиссии, которая вам докладывала, как тарой обеспечены магазины, когда Церабкооп проверяли.

— Фамилию помню, — пожимая руку Мацегоре, сказал Постышев, — помню, как вы руководителей рабочего кооператива научили тарный завод построить. Только сдали лавочные комиссии за последнее время да вообще рабочий контроль.

— Разве не сдашь! — стал рассказывать Мацегора — Утром стой в очереди на трамвай; на работу пришел — стой в очереди за инструментом; с работы вернулся — иди танцуй «чарльстон» в очереди за белым хлебом. Так наши хлопцы говорят: не в очереди стоять, а «чарльстон танцевать».

— Перебарщиваете, Мацегора, — заметил Брускин.

— Думаю, что не перебарщивает, — принимаясь за борщ, сказал Постышев. — Я сейчас трамваем ехал к вам.

— С машиной авария случилась? — любопытно спросил демобилизованный моряк.

— Машина в исправности. Нужно было посмотреть, как трамваи в Лосево ходят, — пояснил Постышев. — Пешком можно скорее дойти. Ну, как борщ, товарищ директор? — спросил Постышев Брускина.

— Неважный, — расстроенным голосом произнес Брускин. — Не дают жиров, нет...

— Зачем приходится стоять, за каким инструментом? — спросил Постышев Мацегору.

— Самое главное, с пилами перебой, — с досадой произнес Мацегора, — остальное сами уж как-нибудь сделаем. Правда, время уходит много.

— Куда тот станок вы подевали для насечки пил, что у вас был в тракторном отделе на паровозостроительном заводе? — спросил Постышев Брускина. — Ведь если с того станка копию снять, можно у себя насечку пил организовать.

— Это верно, — поднимаясь из-за противоположного конца стола и подходя к Брускину, промолвил седой, но еще крепкий рабочий — У нас на Луганском заводе цех регенерации напильников устроили.

— Прислушайся к дельному совету, директор, — сказал Постышев. — Я в Иркутске работал в мастерской Львова — крепкий хозяин был. Он напильники по несколько раз пересекал. Вот старого мастера подключи к этому делу, он тебе очередь за инструментами и ликвидирует.

— Кого бы это подключить на то, чтобы очередей за хлебом и за мясом не было, товарищ Постышев? — произнес Мацегора.

— Кого ни подключай, а если не уродило, так с неба манки не жди, ее с мельницы получают, — раздался из-за соседнего стола чей-то голос.

— А ты видел, что не уродило, ты что, сельское хозяйство знаешь, что берешься о нем рассуждать? — Из-за соседнего стола поднялся ладный, широкоплечий рабочий с выгоревшими волосами — видно, крепко обожгло его степное солнце летом, так, что до сих пор еще волосы не восстановили своего натурального цвета. — Я, товарищ Постышев, из Старосалтовского района. Сказать вам по правде, что у нас в деревне делается? Я на завод только три месяца назад пришел. Теперь в селе машины. А разве они работают? Пахать землю нужно, а они стоят. Косовица наступила, а у нас только тракторы начинают налаживать. Налаживают так, что на ту работу тошно смотреть! Дырку просверлить нечем! А если сварить какую-то часть нужно, в Харьков везут. А колос не ждет, из него зерно сыплется.

— Скажи, почему вы из села уехали? — спросил Постышев. — Разве там в МТС хуже оплачивают?

— От тоски уехал, — сядя за стол напротив Постышева, произнес старосалтовец. — Разве на такую работу, как в нашей МТС, можно смотреть квалифицированному человеку? Меня здесь товарищи в переплет берут. Спрашивают, кто виноват, что сеют не вовремя и не могут собрать того, что вырастят. А я им говорю прямо: «Вы виноваты». В прошлом году буряки погибли потому, что трактористы не помогли убрать урожай, а трактористы выехать не могли, тракторы не отремонтированы. Кто ремонт должен помочь делать? Тут же на тракторном заводе пятнадцать тысяч человек. Разве нельзя выделить людей и послать?

— А вы поедете, товарищ Дзюба, — спросил Брускин, — если вас пошлют на село ремонтировать тракторы?

— Я и на все время поеду, — сказал твердо Дзюба. — Я хотя и беспартийный, а заявление подал: «Прошу послать меня на село, потому что без заводской помощи мы колхозы из той ямы, куда они попали, не вытащим».

— Думаю, товарищ Дзюба, что насчет вашей партийности вы ошиблись. — Постышев пожал Дзюбе руку и стал прощаться с другими инструментальщиками, сидевшими с ними за столом. — Это вы правильно говорите, кто виноват в том, что сельское хозяйство отстает. Забыли мы, что нужно помогать деревне.

— Как же раньше, не помогали, — спросил седой инструментальщик, — а деревня сама и сеяла, и жала, и никого из города не звала?

— То были другие времена, — ответил Постышев. — О них мы вспоминать не будем. Как тогда деревня жила, вы лучше меня знаете.

Теперь деревня по другому пути пошла, и нужно помогать ей дорогу мостить. Пути новые, колдобин много. Нам, индустриалам, в стороне от деревенских дел стоять нельзя. У нас теперь и общие дела и общие заботы.

Постышев молча шел по заводскому двору.

Возле самого заводууправления он напомнил Брускину, что на днях в Харькове состоится областной съезд колхозников.

— Нам уже звонили из горкома. Мы туда делегацию пошлем из лучших производственников, — поделился Брускин.

— В делегациях и приветствиях нехватки не будет. Наверное, уже и модель трактора заготовили: получайте, мол, дорогие хлеборобы, на память от нас сувенир!

— Мы делегацию с точными обязательствами посылаем. Отберем лучших слесарей и токарей для ремонта машин в двух районах. Это на время подготовки к севу, а на постоянную работу пошлем таких энтузиастов, как Дзюба.

— Такую делегацию и должны были послать тракторостроители еще прошлой весной.

Из записок Барвинца

1933 год, март

В конце февраля в газетах появилось сообщение об избрании Постышева секретарем Центрального Комитета КП (б) У, секретарем Харьковского областного и городского комитетов партии. В области начали подготовку к съезду колхозников-ударников.

Область полна слухов о поездках Постышева по селам, о его беседах на заводах с рабочими по вопросам сельского хозяйства.

А нас, газетных работников, рассылают в районы Полтавщины, Сумщины, бывшего Изюмского округа освещать первые шаги политотделов, выявлять селькоров-активистов. 15 марта должна состояться областная конференция рабселькоров.

Только вернулся из района, опять загрузили круглосуточной работой. Постышев побывал в приемной областного исполнительного комитета. Оказывается, там только регистрируют и подшивают жалобы. За декабрь получили двести двадцать четыре заявления крестьян, большинство их

направили обратно в районы. Ответили на немногие, но что это за ответы! Они в состоянии вызвать только возмущение Постышев так и сказал исполкомовцам: «У вас в Бюро жалоб сидят «ответкины», а нужно чтобы там сидели люди, отвечающие за каждую жалобу».

Из газет направлены в районы сотрудники для расследования, почему районные организации не отвечают на жалобы трудящихся.

Годовщина постройки Харьковского тракторного завода. С конвейера сошло тринадцать тысяч тракторов. Здорово отметили начало второй пятилетки!

Сегодня в газетах обращение харьковских тракторостроителей, они высылают на время весенних работ в два района — Старосалтовский и Богодуховский — пятьдесят человек, кроме этого, тридцать человек — на постоянную работу. В Харькове сельскими делами стали заниматься напористо.

В марте прошлого года никто не начинал проверку готовности к севу. Спихватились только, когда ранняя весна нагрянула на поля. Сейчас проверяют все: состояние тракторов, машин, качество семян. На днях в Харькове состоится областной съезд колхозников-ударников.

В прошлом году было немало совещаний, но на них приезжали люди без подготовки Постышев предложил газетам организовать заочную трибуну предстоящего областного съезда колхозников-ударников, а в районах выбрать делегатами тех, кто может рассказать о хорошем опыте, кто из года в год умело ведет хозяйство.

В редакции был профессор Соколовский, рассказывал о том, как Постышев советуется с профессорами и практиками о нормах высева зерна, о том, как вносить удобрения.

— У него интересный метод познания опыта, — говорит Соколовский, — он обычно приглашает профессоров и практиков и, как искрой, спорным, проблемным вопросом зажигает желание полемизировать. Он не любит сухих информаций. Для него важно увидеть отношение к тому или иному вопросу с равных сторон.

На областной конференции рабселькоров 15 марта выступил Постышев. Я уже несколько раз слушаю его выступления на собраниях работников печати. Он никогда не говорит о своей любви к корреспондентам, селькорам, рабкорам, но беседует с нами так, что эта любовь в каждом слове.

Он вызывает на откровенный разговор:

— Слабее стал слышен голос сельского корреспондента. В чем дело? Разве не с кем стало бороться? Или враг уже окончательно раздавлен? Или в наших колхозах все хорошо и уже с корнем выкорчеваны расхлябанность, бесхозяйственность, расхищение, разгильдяйство и другие негативные явления? Почему затупилось и начало ржаветь перо селькоров Харьковщины? Виноваты, разумеется, мы, большевики, руководители Харьковской области, ослабили в последнее время работу с селькорами.

Постышев не только констатирует положение — он раскрывает причины явлений.

В перерывах, после заседания конференции, в «Селянском будынке» я слышал, как селькоры обсуждали выступление Постышева. У людей появилась снова уверенность, что их незаметный труд очень важен, что они первые помощники партийной организации области.

На любом предприятии, где я побывал в эти дни, только и разговоров о том, как проходит весенний сев, как идут дела в «нашем районе», «нашем колхозе». В течение нескольких недель такой резкий поворот! По поручению партийных организаций опытные рабочие выезжают в районы проверять, как работают на ремонте машин те бригады, которые посланы их коллективом.

Был в Богодухове. Из районных учреждений в колхозы направлены на работу агрономы, полеводы, бухгалтеры. Партийная организация расставляет коммунистов на производственные участки Политотдел организует производственные бригады с постоянным составом.

Ездил с поручением газеты написать корреспонденцию о работе делегатов съезда колхозников-ударников. Такие отчеты по поручению Постышева газеты должны делать периодически.

Июнь

Колосится пшеница. Вся Харьковщина ожидает хорошего урожая. Уже неделю в колхозе «Новая культура» Богодуховского района. Голова артели Дмитро Оксентович Костенко — ладный хозяин. С ним я познакомился на областном слете колхозников-ударников. Помню, Постышев, слушая выступления, все время задавал вопросы о том, как удалось поднять урожайность.

Тогда Костенко сказал, что слово «удалось» не то слово. «Павло Петрович, нужно говорить не «удалось» и «выдалась», а как мы к

урожайности землю приучили».

Приучают здесь землю здорово! Даже в неурожайном, засушливом году собрали по шестнадцать центнеров с гектара, в позапрошлом году — по тридцать центнеров озимой сняли с гектара. Применяют химические удобрения, заготавливают натуральные удобрения.

— Павло Петрович, наверное, забыл или из-за дипломатии промолчал, — рассказывает Костенко, — как он в наш колхоз приезжал и сам мне говорил: «Не жди удачи, а приучай землю сытый урожай давать, приучай ее к удобрениям». И мне рассказывал, как почвенные карты завести, как землю кормить. А она имеет такую привычку, если ты у нее взял с квадратного метра пятьдесят граммов калия или сто граммов фосфора, верни осенью, иначе она расцвет и недодаст зерна. В тридцатом году Павел Петрович меня запиской к профессору Соколовскому направил: тот мне раскладку дал, как повару на обед, чем землю подкармливать. Это уже у Павла Петровича привычка такая — приехать, подсказать потихоньку и не вспоминать про подсказку.

Июль

И в городе и на селе настроение поднялось. Теперь уже никто не сомневается, что в области получают хороший урожай. А год не особенно лучше предыдущего. Постышев на июньском пленуме Центрального Комитета Украины перечислил шесть особенностей, которые способствовали хорошему урожаю: дружное и раннее проведение сева; лучшая обработка полей; создание политотделов МТС и совхозов укрепило партийные позиции на селе; за последний год расширили механическую базу сельского хозяйства; заинтересовали колхозников в том, чтобы сельскохозяйственный год был скорее окончен, крепко ударили по классовому врагу, а самое главное то, что партийные организации мобилизовались, стали заниматься сельскими делами.

Посетители Харьковского горкома партии да и сами сотрудники с любопытством заглядывали в зал совещаний. В нем все было подготовлено к какой-то особой встрече. На столах, обычно покрытых зеленым сукном, снежно глянцевели накрахмаленные скатерти. Яркое солнце погожего сентябрьского дня отражалось в столовом стекле, бутылках. Бутерброды, закуски, холодные блюда заполнили столы. Так хлебосольно встречали здесь лишь делегации иностранных рабочих, посланцев Баку, Донбасса, Москвы.

Вдоль стен сидели пожилые люди, старики в разномастных одеждах, порою таких покровов, что не сыщешь в театральных реквизиторских для пьес Островского, Нечуя-Левицкого, в казакинах из плотного сукна, в пиджаках со стоячими воротниками, в платьях с буфами и вставками из самовязных кружев. Видно, извлекли из каких-то своих сундуков эти топорщившиеся от долгого лежания одежды, изрядно отдававшие нафталином. Несколько человек, принарядившиеся в вельветовые толстовки, в кургузые современные пиджачки и френчи, казались случайными среди этих небывалых посетителей горкома.

Входили новые и новые приглашенные... Многие из них знали друг друга. Приветствовали они друг друга старомодными, медленными поклонами.

У дверей все время был затор. Приглашенные, подойдя к двери, неуверенно заглядывали в праздничное помещение, протягивая пригласительный билет, спрашивали:

— По этому квитку здесь собираются?

— Сюда, сюда, пожалуйста, — приглашала регистраторша, сидевшая у входа. — Проходите. Садитесь. Да вы прямо за стол, сейчас начнется...

Но приглашенные упрямо рассаживались вдоль стен.

Только когда второй секретарь горкома Ермолов вошел в зал вместе с заведующим коммунальным хозяйством, с работниками горсовета, по его просьбе собравшиеся заняли места за столом.

— По доброму украинскому обычаю, — сказал Ермолов, — побеседуем за столом. Прошу угощаться.

— Дозвольте узнать, ради какого праздника такое угощение? — поднимаясь из-за стола, спросил низким густым голосом сухощавый старик.

— Это мы сейчас расскажем, отец, — входя в зал, произнес Постышев.
— Здравствуйте, товарищи! — Он уселся за столом рядом с приглашенными. — Вы раньше работникам горкома и исполкома скажите, кто вы?

— Як це хто? — поднялся из-за стола рослый, средних лет, с вислыми усами украинец. — Сами вызывали. — Он удивленно обвел зал. — А теперь пытаются, хто мы? Что мы за люди? Двор-ни-ки! Я ж из того дома, что с вашим по сусидству, товарищ Павел Петрович. Вы меня еще спрашивали, как и сколько при николаевском режиме улицу подметали.

— Дворники?! Это не так, Мыкола Маркович! — воскликнул Постышев, поднимаясь со стула и наливая соседям по столу пива. — Это не так! Вот мы и попросили вас к себе, чтоб уточнить, кто вы. Когда-то, до революции, были вы дворниками. Теперь вы — хозяева города. Все дома вам доверены, улицы, скверы. И нам нужно извиниться за то, что мы вас не пригласили раньше, не посоветовались с вами, что мешает наш город сделать красивым. А теперь прошу налить — выпьем за хозяев города.

Он обвел глазами приглашенных. Поднялись все. Старик с бородкой смахивал слезу. Удивленные, растроганные, растерянные взгляды встречались с добродушным и внимательно-пытливым взглядом Постышева.

— Вот мы и попросим Мыколу Марковича рассказать, как раньше выглядел его дом. Почему заколотили парадные? Что нужно сделать, чтоб дворы не были замусорены, а лестничные клетки не походили на чуланы?

Постышев сел, уселся и все собравшиеся.

— Это мы расскажем, — разгладил усы Мыкола Маркович. — Вы думаете, я не понимаю, как в доме и возле дома должно быть? Идет человек с работы, разве ему по такой улице идти, по той грязюке, что у нас во дворах та на скверах? По нашим же лестницам без фонарей вечером квартиры не найдешь. Заколотили парадные в двадцатом году, когда квартиры «пчелками» та «буржуйками» обогревались. И забыли, что тот вход для человека... Вы тогда со мной, Павел Петрович, побалакали на улице. Я вас не знал, что вы за людина, какой должности. Пошел к управдому, говорю, нужно нам второго дворника. «Чтоб ты спал больше? Тебе и так нечего делать». Нечего делать, когда я только возле ворот сижу. А если мне два или три раза улицу и двор подмести, лестницу в порядок привести, то и двоим не управиться. Дом у нас полквартала занимает. «Это ты думаешь на буржуйскую ногу жить». А я думаю, что треба рабочим людям и служащим жить в таком порядке и чистоте, как жили в наших домах буржуи. — Он постоял, снова разгладил усы и сел.

— Вот сказал товарищ Постышев, что мы хозяин, — егозливо поднимаясь со стула, выкрикивал каждое слово отдельно, как все глухие люди, маленький, квадратный, сутулый татарин, — а хозяин где живет? Знаешь? В подвале хозяин живет? А мы живем в подвале. Мы — Сергазин. Хочешь, приходи на Свердлова, тридцать пять. Дом такой, как от один угол до другой улицы, а дворнику квартиры нет.

— Товарищ Сергазин, это же личный вопрос. Мы его потом решим, — прервал татарина кто-то из представителей горсовета. — Тут нужно постановочно говорить...

— Это не личный вопрос, — возразил Постышев. — Продолжайте, товарищ Сергазин.

— Дом умывать нужно. Тротуар тоже. Шланга нет. Крана не поставили. Верно? — оглядывая соседей, спросил Сергазин. — Сухой метелкой только пыль гонять. Я на Елену Павловну мету, — он показал на ширококостую пожилую женщину, сидевшую напротив, — а она на меня метет. Лестницу открыть на парадный ход нельзя — там ремонт надо. Через грязь кто полезет? Кто по улице идет, все бумажки на мостовую. Куда бросить? Урна была — все растащили.

— Отличное выступление, товарищ Сергазин, — сказал Постышев. — И все «постановочно», как требовал представитель горсовета. Ты член президиума горсовета? — обращаясь к Ермолову, спросил Постышев. — И кажется, товарищ, любящий постановочные вопросы, тоже. Вот мы и предложим горсовету вынести решение: предоставить дворникам хорошие квартиры в тех домах, где они работают.

Это предложение было настолько неожиданным, что несколько секунд собравшиеся никак не реагировали на него — лишь недоуменно переглядывались.

Потом вдруг грохнули аплодисменты, кто-то выкрикнул «ура».

— И в определенный срок — в течение месяца, — продолжал Постышев. — Что же нужно, чтоб навести порядок на улицах, домах, скверах? Так, как Мыкола Маркович, Сергазин, не оглядываясь на начальство, выкладывает напрямую. Мы уверены, что вы поможете нам вымыть, вычистить город. Всё рассказывайте. Начиная от того, какими метлами снабжают вас, какими шлангами, где нужно краны поставить, как вывозить зимой снег, какие деревья помогают чистоте, а какие загрязняют город.

Потом мы, товарищи, — обращаясь к собравшимся, пояснил он, — комиссию выберем из вас, облечем ее правами требовать от коммунальщиков выполнения ваших предложений. Вот прошу теперь

Елену Павловну рассказать, как она за своим домом ухаживает. Но вообще нам нужно подумать о том, чтобы женщин-дворников не было. Не женский это труд лед скалывать да мусор возить. Женщинам найдем работу полегче.

— А потом мне предоставьте высказаться, — волнуясь, сказал осанистый седой старик, похожий на адмирала Макарова. — Я сорок лет дворником.

— Затем и собрались, чтоб вас выслушать, — ответил ему Постышев. — Пока все не обсудим, не разойдемся. Говорите, Елена Павловна.

Стоило только появиться в газетах сообщениям о благоустройстве Горловки, Постышев вызвал к себе представителей тракторного завода — директора Брускина, секретаря партийной организации Потапенко, председателя профкома Масленникова.

— Фурер молодчина! Видите, что в Горловке делают. — Он подал тракторостроителям номера донецкой газеты «Кочегарка»; в статьях, заметках, очерках рассказывалось, как сжигали старый шахтерский поселок «Собачовку», как озеленяли скверы, насаживали аллеи, разбивали цветники на шахтных дворах.

— У нас «Собачовок», слава аллаху, нет, — сказал секретарь парткома Потапенко. — У нас поселок новый.

— А вид у него старый, — возразил Постышев. — Он голый, как центральные харьковские улицы. Но их нам в наследство купцы оставили, господа дворяне. Они в городе не жили летом и осенью, не дышали пылью и смрадом. Дома у вас хорошие, улицы спланированы отлично, а вы допустили, что на них кучи мусора, горы шлака.

— Коммунальщики у нас еще плохо поворачиваются, — подсадовал Брускин. И, уловив улыбку Постышева, понял, что произнес эту фразу напрасно: знал же хорошо, что Постышев не любил отговорок. — Я, собственно, о городских, Павел Петрович, они все средства центральным районам отдают.

— Вот никогда не чаял, что директор гигантского завода будет выжидать подачек от горсовета, — сказал Постышев. — Благоустройство рабочего поселка — это не просто коммунальное дело, это дело партийное. А вы все раскладываете по полочкам. Брускин заявляет: «Я хозяйственник», Потапенко — «Я партийный организатор», Максименко — «Я профсоюзник». А что бы вам собратиться всем вместе, притащить нерадивых коммунальщиков на встречу с рабочими, инженерами, общественностью? Они им подскажут, где средства взять, где достать рассаду и саженцы. Подскажут и помогут.

— Подскажут, — согласился Потапенко. — Мало того, подсказывали и в парткоме и в завкоме. Даже в колдоговоре записано.

— Не так просто озеленять поселок. — Постышев вынул из стола синьку плана Лосевского поселка. На синем фоне резко выделялись линии и пунктиры, проведенные красным и зеленым карандашом. Они огибали

улицы поселка, дома, площади, шли к цехам, переплетались на заводских дворах кружевными узорами. Постышев стал высказывать свои соображения, наметки. Он увлеченно вел слушателей по озелененным дворам поселка, по улицам, где деревья смыкались своими кронами, намечал места, где нужно разбить бульвары, клумбы, цветочные партеры. Потом он повел Брускина, Максименко, Потапенко по озелененным, тенистым заводским дворам.

— Чтобы человек шел на смену под зелеными сводами летом, по запущенным снегом аллеям зимой, — мечтал вслух Постышев. — А летом пусть в скверах возле цехов во время перерыва соберутся металлисты отдохнуть, пообедать в хороших кафе. Молодежь должна иметь здесь, возле цехов, спортивные площадки. Представляете, как можно организовать физкультурную десятиминутку! Все от директора до самого молодого металлиста выходят на площади возле цехов и проделывают гимнастические упражнения.

— Мы составим смету. Найдем средства, — увлеченный проектом Постышева, заверил Брускин.

— Смета — это дело большое, но не самое главное. — Постышев аккуратно сложил план и спрятал его в ящик стола. — Найти сметливых людей, любящих это дело. У вас на заводе любители-садоводы есть? — Постышев вопросительно посмотрел на Максименко. — Мастеров цветоводства ты знаешь?

— Это можно быстро выявить, Павел Петрович, — ответил Максименко, — пошлем наш актив по домам.

— Давно пора бы послать! — продолжал Постышев. — Во Дворце культуры нет ни кружка садоводов, ни кружка цветоводов. Что же вы думаете, пожилые рабочие в балетную группу будут ходить заниматься или учиться скрипичной игре? Я с вашим директором Дворца культуры как-то говорил, спрашиваю: «Почему в клубе только одна молодежь?» Жалуется, остальных не затянешь, а я на месте пожилого человека сам бы не пришел в тот клуб, в котором для меня разумного досуга не придумали. Говорят, руководителей нет для таких кружков, как садоводческий, охотничий. Да вы только объявите о них, из среды охотников и садоводов профессора этого дела найдутся. Хорошо озеленить — это дело непростое. Что высаживать, где — это надо знать.

— Посадим липы, тополя, акацию, — предложил Брускин. — Они у нас хорошо растут.

— В этих делах, Брускин, мы с тобой профаны, — признался Постышев. — С тем примитивным озеленением, каким у нас занимались,

мы покончим. Хватит этих верб да тополей! Разыщите в городе тех, кто работал в садоводствах. Было тут замечательное садоводство Давыденко. Живы, наверное, те садовники, что служили у Кропоткина, Шебеко, Рыжова. Спишитесь с садовниками Ялты, Кисловодска. На заводе должен быть цех озеленения с оранжереей, питомником. Если у тебя через год-полтора в цехах не будет зелени, а перед ними не будет сквера, ты меня даже самым большим перевыполнением программы не обрадуешь. — Постышев строго посмотрел на Брускина, — а от вас, — уже обращаясь к Потапенко и Максименко, — потребуют наши общественники. Я постараюсь им подсказать, по какой шкале, по какому табелю от вас зачеты принимать на внимание к людям.

— Хорошо бы на площадях фонтаны устроить, бассейны, — стал мечтать Максименко.

— А Максименко назначить начальником того поезда, который в цистернах будет воду возить, — рассмеялся Постышев. — Фантазировать нужно только реально. С водою у нас дела очень неважные. Нужно Донец подтягивать к городу, сперва водоводом, а потом каналом. Вон как растем! Через десять-пятнадцать лет в Харькове около миллиона жителей будет. Так что фонтаны пускать не будем. Вы созовите партийный комитет и сделайте так, чтобы цеховая парторганизация отвечала за озеленение своего участка возле цеха и в поселке. А потом запишите, что перенимаете опыт Горловки и их методику. Там общественные организации город благоустраивали, привлекли к этому делу пионеров, комсомольцев, жен рабочих. Если вы с людьми поговорите, сумеете убедить, что это творчество, а не просто очередное мероприятие, у вас дела пойдут. Ваш поселок должен быть таким, чтобы из городских райсоветов приходили к вам учиться.

— Будут приходиться, — уверенно произнес Брускин. — Создадим цех озеленения. Приравняем его к ведущим производственным.

Из записок Барвинца

1933 год, октябрь

Наш культотдел оконфузился. Несколько дней назад были в редакции женщины — жены рабочих, инженеров и служащих паровозостроительного завода, принесли письмо: обязательство заняться культурно-бытовой работой. В отделе письмо вежливо приняли, сказали,

что посоветуются, как и когда его печатать. Делегация женщин ушла ни с чем. Наши культурники после их ухода поязвили: «Тоже нашли, чем удивить, дают обязательство, что будут чистыми дворы», — и, конечно, о письме забыли. А 16 октября пришло письмо Постышева культурно-бытовой конференции жен рабочих, инженеров и служащих паровозостроительного завода.

Постышев благодарит их за инициативу, советует хорошо подготовиться к великому празднику Октября: «Сделать так, чтобы каждый уголок, каждая лестница, каждый дом, каждый двор, каждая улица говорили о великом пролетарском празднике».

Выясняется, что Постышев побывал снова на паровозостроительном заводе, в домах, где живут металлисты, и посоветовал женщинам взять домовое хозяйство в свои руки.

30 октября

В Волчанске районный слет колхозников-ударников. Приехал Постышев. Политотдельцы рассказывают, что уже второй день объезжает район, знакомится с каждым колхозом.

Сегодня Постышев выступал на слете, подробно разбирал причины успеха и неудач каждого колхоза и советовал организовать агрономические курсы, изучать опыт применения удобрений, задержания влаги. Откровенно рассказал о том, как «перебарщивают» с посевами трав. «Косиор меня убедил, что нужно сажать кукурузу, а сам Косиор и Шлихтер вместе с ним стали кукурузниками после того, когда Ленин предложил специально изучать, как в Америке сеют эту культуру. Я северянин. Впервые кукурузу увидел, когда приехал в Киев. У нас на Владимирщине да и в Сибири для трав климат отличный. А на степном раздолье, на этой солнечной сковородке, травы выгорают. Нужно хорошенько разобраться, какие из них сеять. Те, что дают фосфор почве, следует сохранить. Но готовых рецептов навязывать не нужно. На агрокурсах в колхозных агрономических университетах нужно хорошо с этим познакомиться и все изучить».

Это уже не первый районный слет, где выступает Постышев. Выступал он в Изюме, в Лозовой, в Полтаве.

Новое мероприятие — в районах будут проходить агротехнические съезды.

На днях пускают Харьковский турбогенераторный завод.

В редакцию заходил Д. Ортенберг. Он, как все начальники политотделов, обязательно после посещения обкома заходит в редакцию. Кто-то попросил его написать статью о курсах ведущих профессий, об инициативе политотдела Сумской МТС, организовавшего у себя такие курсы.

— Статью ребята из нашей многотиражки вам напишут, — пообещал Ортенберг. — Только насчет инициативы у вас неточные сведения. Когда Павел Петрович изучал возможность организации постоянных бригад, возник вопрос: не хватает людей ведущих профессий. Он посоветовал курсы организовывать, чтоб людей учить. После этого мы создали их.

Начальник политотдела Полтавской МТС Бордадын приходил узнавать, нет ли программы крестьянского университета по агрономии. Оказывается, в беседе с ним Постышев подсказал, что после проведения осенне-полевых работ в селах нужно создавать агротехнические курсы, сельскохозяйственные университеты для колхозников. «Без учебы мы будем выращивать только малый хлеб».

На редакционной летучке выступил секретарь Союза пролетарских писателей Украины Иван Кириленко. Он рассказал о предложении Постышева создать книгу «Новый Харьков». Писатели будут писать отдельные главы в сотрудничестве с журналистами. Для «запева» решили в харьковских газетах дать полосы о новом Харькове. Но разве то, что сделано за пятилетку, вложишь в газетные полосы! Работает тракторный завод, пусковые дни на турбогенераторном; по сути, построен новый «Серп и молот», сам город «наряжается» — проводится озеленение улиц, их покрывают асфальтом. На горной части строятся новые дома. А студенческие общежития образовали большой город, «прямо целую Полтаву», — так написал нам в заметке один колхозник, побывавший у сына-студента.

И у города теперь крепкие хозяева. После того совещания, которое провел горком партии с дворниками, они рьяно и неистово наводят порядок во дворах и на улицах.

В одну ночь стылый «азовец» срезал своей незримой бритвой листья с деревьев. Город стал холодным, серым.

Постышев оторвался от бумаг, встал из-за стола, прошелся по кабинету, чтобы размяться. Сквозь широкие окна город представал, как на круговой панораме. На высоте нагорной части лежала, тускло поблескивая застекленными пролетами маршей, отлитая из цемента громада, занимавшая целый квартал, — «дом Госпрома».

Созывался очередной пленум Центрального Комитета партии Украины. Предстояло обсудить вопросы дальнейшего развития украинской культуры, национального строительства республики.

Постышев мысленно озирает все, что сделано за последние годы по строительству национальной культуры, как росли национальные кадры. За два года с лишним отсутствия его на Украине Косиор, Любченко, Чубарь, Затонский, Терехов, Петровский, Сухомлин, Зайцев и другие товарищи из Центрального Комитета Украинской компартии добились, что на предприятиях выросло число рабочих-украинцев — они составляли теперь большинство. В Донбассе и Харькове, ранее наиболее русифицированных промышленных центрах, руководители организаций, члены Центрального Комитета Компартии Украины Зайцев, Терехов огромное внимание уделяли подготовке квалифицированных рабочих из украинцев. В высших учебных заведениях доминировали студенты-украинцы. Многие газеты и журналы стали выходить на украинском языке. Да ведь стоило только пройти по институтам Харькова, по его рабфакам, как можно было воочию убедиться, что украинизация ширится, этот процесс становится глубоким.

Постышев просматривал репертуар украинских театров; в нем прочное место заняли произведения украинских советских писателей Микола Кулиша, Ивана Днепроовского, Мирослава Ирчана, Ивана Микитенко, Александра Корнейчука.

Выросла библиотека произведений писателей Советской Украины, они глубоко стали внедряться в темы современности. Постышев припомнил ту небольшую библиотечку произведений советской украинской литературы, которую он десять лет назад, в дни приезда на Украину, в Киев, сумел собрать с помощью жены, знавшей украинскую литературу.

Тогда было всего несколько имен профессиональных писателей, безраздельно связавших свои пути с Советской Украиной, с партией: Павло

Тычина, Василь Блакитный, Микола Терещенко, Олесь Досвитный, Валерьян Полищук, Микола Кулиш, Остап Вишня, Петро Панч, Владимир Сосюра, Максим Рыльский.

А теперь какой мощный отряд! Пришли писатели больших дарований — Андрей Головка, Александр Копыленко, Юрий Яновский, Иван Ле, Иван Микитенко, Александр Корнейчук, Микола Бажан и многие другие.

Развернули свои силы мастера живописи, графики, скульптуры Анатолий Петрицкий, Шовкуненко, Жук, композиторы Лятошинский, Степовой, Мейтус, замечательные мастера кино Довженко, Савченко.

Росли издания художественной и технической литературы на украинском языке. Кривая этого роста все время круто поднималась вверх.

Впервые в стране на Украине была организована украинская национальная оперетта, созданы украинские народные театры.

Павел Петрович мысленно проходил по лабораториям, в которых начинали поиски новых путей молодые советские физики, биологи, астрономы, психологи, по институтам, основанным в Харькове. Он припомнил, как приходилось спорить с наркомпросовцами, когда шел вопрос об основании первого в Союзе физико-технического института, об открытии психологического института и многих других научно-исследовательских учреждений. А теперь молодые физики Лейпунский и Иваненко уже подошли к границам расщепления атомного ядра, психолог Леонтьев поражает своими исследованиями поведения человека, астроном Барабашов стер немало «белых пятен» с карты лунной поверхности, академик Палладин работает над исследованиями белка, прокладывает новые пути в области долголетия академик Богомолец.

Постышев припоминал все этапы борьбы партийной организации Харькова за средства для этих институтов, «прописки» их на куцых жилищных площадях. Партийная организация города помогала подбирать кадры, выискивала талантливых людей среди рабфаковцев, студентов, преподавателей.

Итоги всего достигнутого украинской парторганизацией и харьковской, столичной, в области национального строительства убеждали в том, что только человек, ослепленный каким-то тенденциозным, нездоровым видением действительности, мог не замечать большого, все время нарастающего процесса.

Постышев стал перечитывать тезисы доклада Косиора. Ему предстояло быть содокладчиком на пленуме. Первый секретарь ЦК Украины наряду с достижениями в области национально-культурного строительства отмечал недостатки.

Постышев стал снова просматривать предложения комиссий, обследовавших учреждения, институты, издательства, школы, предприятия, делать выборки, выписки. Незавершенного еще было много. Но радовало, что процесс украинизации идет и вширь и вглубь, в нем участвуют миллионы людей.

Из записок Барвинца

1934 год, январь

Теперь в села приезжаешь с уверенностью, что люди больше будут рассказывать о хорошем, нежели о плохом. Недостатки еще есть. Но самое главное, что после того, как собрали хороший урожай, сберегли его и во многих колхозах трудодень стал не просто палочкой, а оплаченным векселем, люди приводят в порядок фермы, машины, готовят семена по доброй воле, без упрашивания и долгих напоминаний.

В каждом районе, тем более в МТС, работают бригады с заводов, депо. Уже на черной доске области нет ни одного района, ни одной МТС.

Сейчас в районах съезды передовиков.

Это не просто заседания для проформы, а своеобразные школы передачи опыта.

Принято решение о переезде правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии Украины в Киев.

Май

На областном слете селькоров Постышев выдвинул интересную идею организовать в селах хаты-лаборатории, в них завести «Книги истории полей». В этих книгах должны быть сведения об урожае с каждой делянки, о том, сколько удобрения когда вносили. «От земли требуем много, а возвращаем ей мало», — сказал Постышев.

Нашу редакцию переводят в Киев.

Июнь

В областной газете письмо селькора Курносенко о хате-лаборатории в селе под Кременчугом. Курносенко подробно рассказывает, как сразу после возвращения с конференции селькоров он и другие сельские

корреспонденты подыскали хату, раздобыли нехитрое лабораторное оборудование, теперь ведут анализы почв, зерна, химикатов, установили связь с агрономами. Курносенко пишет о своих трудностях, просит посоветовать, как нужно бороться с сельскохозяйственными вредителями, какие корма для скота наиболее питательны.

Постышев через газету ответил Курносенко:

«Дорогой Александр Петрович, приветствую ваш начин. Дело организаций и хат-лабораторий — большое, нужное дело в колхозном хозяйстве, оно себя сторицей оправдает, если доведете дело до конца. А я в этом не сомневаюсь. Вы не смущайтесь первыми неудачами, настойчиво, упрямо двигайте организацию хат-лабораторий вперед, и вы победите. В хате-лаборатории нужно иметь образцы всего, что производит ваш колхоз. Должны быть там и образцы кормов для скотины, опыт изготовления кормов согласно зоотехническим указаниям, нужно, чтобы там были и все виды вредителей и методы борьбы с ними. Нужно наладить работу хаты так, чтобы все исследования вы могли делать в ней. Нужно иметь хорошую сельскохозяйственную библиотеку...»

Как ни старался Постышев избежать проводов, но ребята встретили его возле вокзала.

Они откуда-то узнали, что Постышев уезжает в Киев дневным поездом. Сами организовали своеобразные заставы.

Милиционеры растерялись, когда вдруг у вокзала путь Постышеву преградили пионерские пикеты с цветами.

Состоялся импровизированный митинг. Школьники взяли слово с Постышева, что он будет часто навещать Харьков и переписываться с ними. А он сообщил ребятам «по секрету», что Петровский, Косиор, Чубарь поддержали «чье-то» предложение: то здание, в котором помещался Всеукраинский Центральный исполнительный комитет, передать пионерам города для организации в нем Дворца пионеров.

Таких дворцов нет еще пока ни в одном городе Советского Союза.

Трудовой Киев сердечно встретил переезд правительства и Центрального Комитета партии Советской Украины в самую древнюю столицу Руси. Теперь, после многовековой опалы, Киев вновь стал стольным городом. На заводах, в депо, на рабочих окраинах у Косиора, Шлихтера, Затонского, Постышева, Якира, Дубового, Коцюбинского и других руководителей партии и правительства было много соратников и друзей, людей, с которыми они были в подполье, на фронтах гражданской войны, в трудные годы восстановления промышленности.

Секретаря Центрального Комитета Украины Станислава Косиора знали деятели киевского подполья еще во время мировой войны. Рабочие помнили, как Косиор возглавил Киевский губком партии после освобождения города 1-й украинской дивизией Щорса. Он руководил обороной Киева от белогвардейцев, фронтовым бюро ЦК Коммунистической партии Украины.

Стали легендами рассказы об отваге рыцарей большевистского подполья в годы царизма — ученых Шлихтера и Затонского, оставивших кафедры преподавателей и научную работу во имя борьбы за будущее родного народа.

В городе жило немало ветеранов гражданской войны, кто под командованием молодого героя военачальника Ионы Якира прошел с боями по украинскому юго-западу, участвовал в знаменитом рейде Южной группы, прорвавшей окружение белых и вышедшей из-под Одессы к Житомиру для соединения с Украинским красным фронтом.

Киевляне считали своим земляком «всеукраинского старосту» Григория Ивановича Петровского, равно как и харьковчане, донбассцы, днепропетровцы. Он одним из первых сеял на украинской земле ленинские зерна правды, он был одним из основателей Советской Украинской республики.

Постышева в Киеве считали исконным киевлянином. В те годы, когда он работал в партийных организациях области, он сроднился с пролетариатом древнего города, он был его вожаком в ожесточенных схватках с националистическими и буржуазными партиями, с оппозицией. И оппозиция и националисты, считавшие себя хозяевами положения в городе, были удивлены, что Постышев быстро завоевал авторитет среди украинских рабочих. Вот уж не ожидали никак украинские троцкисты и

разная петлюровская сгоночь, что в Киеве, где нередко проявлялись даже в рабочей среде антирусские настроения, Постышев — «москаль» — станет признанным и любимым вожаком! Они просчитались в одном — люди труда сразу увидели в Постышеве «робочого чоловіка», увидели в нем ленинца, человека несгибаемой воли и преданности рабочему классу.

Еще не успели агитаторы и пропагандисты районных комитетов партии прийти в цехи, депо, в общежития, на окраины, а уже ветераны гражданской войны и партийных сражений с оппозицией рассказывали молодым рабочим, своим детям о том, кто приезжает в Киев. И среди этих рассказов были яркие повествования о том, как киевские большевики, возглавляемые Яном Гамарником, Постышевым, отцом прославленного краскома Ивана Дубового паровозным машинистом из Донбасса Наумом Дубовым, нанесли сокрушительный удар всем пытавшимся свернуть киевских коммунистов с ленинского пути в вязкую трясиину троцкизма.

И не успели еще расставить столы в правительственных учреждениях, как Косиор, Постышев, Петровский, Затонский, Шлихтер, Якир, Дубовой начали встречи с тружениками киевских предприятий, железной дороги, педагогами, интеллигенцией, учащимися.

Постышев успел побывать за несколько дней в цехах «Арсенала», этой большевистской цитадели Киева, на заводе «Ленинская кузница», в паровозных депо, на стройках. Он встречался с людьми Подола, Соломенки, с металлистами, железнодорожниками, ткачами, кожевниками, пиццерами. Делился планами переустройства Киева.

Древний красавец город нужно было расширять, благоустраивать, превращать в столицу, достойную великой Советской Украины. Вместе со вторым секретарем обкома партии Ильиным, вторым секретарем горкома Алексеевым Постышев на предприятиях обсуждал, как лучше перестроить Киев, как превратить его в промышленный город.

Он не любил долгих обсуждений, не терпел «перспективных» планов, у которых была только одна перспектива — состариться раньше, чем их выполняли.

Здесь развертывался простор для действия еще больше, нежели в Харькове.

Рабочие Киева пеняли на плохую работу трамвая, на то, что запущены улицы, что город плохо освещен. Они показывали Постышеву, Ильину, Алексееву тротуары и мостовые, которые не ремонтировались уже добрых полвека. И не только показывали, но и нередко подсказывали, где добыть материалы, как лучше организовать работу.

Старожилы Киева дивились — еще месяца не минуло со дня переезда

правительства и центральных партийных органов в Киев, а уже перешивались трамвайные колеи, мостились улицы, в переулках и ранее забытых горкоммунхозом окраинных улицах устанавливали мачты электрического освещения.

Дивились и тому, что нередко Постышева можно было видеть поздней ночью на тех улицах, где прокладывали широкую трамвайную колею, где мостовую заливали асфальтом.

Закипели дела на Станкострое — этом первенце второй пятилетки. Постышев после знакомства со стройкой увидел, что для ее коллектива нужны хорошие «дрожжи». Он знал коллектив, где работа «заквашена» на кругом энтузиазме социалистического соревнования, где верны дерзаниям и поискам. И нежданно-негаданно на Станкострой приехали делегаты с Харьковского тракторного завода, мастера кладки бетона, монтажа железных конструкций, организации строительных работ.

«Дрожжи» сделали свое дело. На Станкострое стали укладываться в графики сдачи объектов, сжимать сроки. Свои мастера строительных работ появились на этом предприятии.

И в архитектурных бюро Киева, проектных конторах, где раньше коротали время над несрочными проектами для типовых альбомов, где порою выжидали заказов и поручений, теперь составляли варианты перестройки Киева. Сложно и трудно перестраивать город с многовековыми градостроительными традициями. Но заманчива идея превратить Киев в самую красивую и благоустроенную столицу Европы.

Архитекторы после встреч с секретарем областного комитета партии искали с огромным подъемом новых решений в разбивке площадей, создании перспектив, ансамблей.

До киевлян, как и во все города и селения Советской Украины, уже доходили слухи об энергии, настойчивости Постышева. Но сейчас они увидели, что слышанное ими не отражало и десятой доли того, на что способен этот ленинец, для которого заботы о людях труда, о расцвете родной страны были творческим призванием.

Организаторский талант Постышева, его изобретательность разворачивались с каждым месяцем все шире. Он переживал отличную пору. Не за горами было пятидесятилетие. С этим рубежом для политического деятеля приходят особая четкость в решениях, прозорливое видение на многие годы, творческая уверенность в своих починах и, самое главное, большой жизненный опыт, кристаллизуется, отсеивается все повременное, случайное.

Наступал период, когда с Постышевым происходило то, что

происходит с людьми, накопившими в себе духовные силы, с которыми можно преодолевать крутые подъемы. Он ясно видел задачи, они были определены Лениным, конкретизированы партийными съездами. Он не искал легких решений. И проверял себя, проверял, встречаясь с людьми, вслушиваясь в раздумья масс, не упуская возможности учиться у них.

Из записок Барвинца

1934 год, июль

Даже выдавшие виды партийные работники удивлены опубликованным сегодня решением городского партийного комитета. Несколько дней назад пионеры из дома номер двенадцать по улице Бочковского написали Постышеву письмо. Они пожаловались на то, что весь двор замусорен, что им негде порезвиться, собраться.

Постышев предложил обсудить письмо в городском комитете партии и принять меры, чтобы в трехдневный срок двор был приведен в порядок, а кроме того, снята ограда, отделявшая двор от соседнего сада. Сад отдан в полное пользование детей. Руководитель строительства Юго-Западной дороги, в ведении которого был этот дом, снят с работы.

После этого решения управдомы стали наводить порядок в дворах. А школьники почувствовали, что они хозяева дворов, и помогают благоустраивать их.

Выступление Постышева на пленуме городского комитета комсомола перепечатали не только украинские, но и газеты других республик. В очень короткой речи, посвященной подготовке школ к учебному году, Постышев наметил задачи, над решением которых нужно будет работать не один месяц. Он критиковал школьные учебники: «до недавнего времени у нас на учебники внимания не обращали и выпускали их неудовлетворительными, что касается содержания, а по внешнему оформлению сплошь да рядом даже негодными... У нас есть все возможности для того, чтобы выпускались для ребят хорошие учебники», «Но чтобы продвинуть это дело дальше, чтобы учебники были лучше и своим содержанием и внешним своим видом, нужно руководить этим делом, заниматься им повседневно... Я так думаю, что комсомолу, нужно с издательствами драться, и крепко драться... Вытаскивать на свет божий внешне неопрятные, плохо оформленные учебники... Иной раз смотришь на

картину, рисунок в учебниках и не разберешь, то ли конь, то ли корова, то ли другое животное... Киевский комсомол должен за это дело взяться и обеспечить высокое качество учебников».

Постышев впервые начал разговор о горячих завтраках в школе и попросил комсомольцев взять контроль над работой школьных столовых и буфетов, организовать соревнование по подготовке школ к новому учебному году.

После этого выступления в райкомах комсомола начали составлять планы проверки ремонта школ, обеспеченности учебниками, и забота о школах стала одной из важных задач комсомола, а ведь комсомольские организации занимались до этого главным образом производственными вопросами.

У Постышева сотни корреспондентов. Можно удивляться, когда он находит время читать их письма, но отвечает он регулярно, а по принципиальным вопросам через прессу. То в областных, то в районных газетах появляются письма его группам рабочих, колхозников, пионеров. Пионерам он написал письмо с просьбой организовать бригады по сбору колосков после уборки урожая. Теперь ребята сообщают Постышеву, как они организуют такие бригады, приглашают его к себе в гости и просят привезти книг.

В городе проходят конференции женщин-домохозяек. Это продолжение того почину, который сделали домохозяйки Харьковского паровозостроительного завода. Все знают, что конференции предложил организовать секретарь горкома.

На Киевщине уже много десятков хат-лабораторий. Но работают пока удовлетворительно немногие. Постышев попросил колхозников района имени Петровского рассказать в печати, что тормозит развертывание исследований в хатах-лабораториях, чем они занимаются. Письма колхозников-опытников лучших хат-лабораторий публикуют газеты.

Август

Киевщина закончила уборку урожая. В остальных областях Украины также успешно завершают обмолот зерновых.

Ноябрь

Рабкор Дереча с завода «Большевик» принес заметку. Постышев был

на их предприятии, знакомился с работой цехов, беседовал с рабочими. Завод работает плохо, не выполняет заказов для химической и свеклосахарной промышленности. Аппараты, выпускаемые заводом, приходится доделывать на предприятиях.

Пришлось огорчить рабкора. Постышев предупредил редакторов, что о посещениях им заводов не нужно давать информации, и такую же просьбу передал от имени членов Политбюро и членов Центрального Комитета партии Украины. Только в тех случаях, когда беседы с рабочими или выступления являются постановочными, выносят на обсуждение какой-то новый вопрос, их следует печатать, но и в таком случае не полностью, а лишь излагая содержание.

Жаль, что нельзя напечатать запись рассказа рабкора Деречи!

Оказывается, Постышев пришел, познакомился с тем, как работает литейный цех, сколько выпускает продукции, сколько дает брака, какие получил убытки. А потом спросил: как выполняют нормы коммунисты, работающие в цехе? Оказалось, что из трех-четырех человек в разных пролетах с ней справляется один. Постышев стал выяснять причины плохой работы. Выяснилось, что одного поставили работать на неподготовленное место, другой признался, что у него недостаточная квалификация.

— А кто передает опыт? Знаете таких? — спросил Постышев секретаря партийной организации.

Тот замялся, попутал фамилии.

— С этого, с незнания людей, — сказал Постышев, — начинаются все изъяны в работе. Коммунист — это вожак на участке. А какой же вожак из того коммуниста, который сам не выполняет нормы!

Дереча рассказал, что после смены Постышев остался на производственное совещание.

К тому, что делается на Украине, внимательно присматриваются в Российской Федерации, Грузии, Белоруссии и других республиках. Уже закладываются дворцы пионеров в Ленинграде, Тбилиси, Свердловске, Минске, в областных и районных городах.

Недавно по всему Советскому Союзу разнеслась весть о детских площадках при домоуправлениях и предпраздничных базарах, которые созданы в Киеве.

Газеты «Комсомольская правда», «Советская торговля» попросили Постышева рассказать об опыте устройства детских площадок и организации предпраздничных базаров.

В коротких письмах Постышев делится опытом киевлян.

Декабрь

Казалось бы, в Киеве за полгода сделано так много по благоустройству! Но Постышев по-иному оценивает работу. На совещании архитекторов он сурово критиковал градостроителей и за медлительность и за то, что для города проектируют здания и ансамбли их, плохо учитывая возможности применения легированных сталей, железа, бетона, новых материалов. Он мечтает о городе со стройными ансамблями светлых, просторных зданий, удобных для жизни и радующих глаз. Он прямо выразил недовольство работой «копиистов» от архитектуры, которые готовы все улицы загромоздить колоннадами и портиками, домами, повторяющими все стили прошлого.

1935 год, январь

Замечательными событиями встретили третий год второй пятилетки во всей стране и на Украине. С 1 января ликвидирована карточная система продажи хлеба и других продовольственных продуктов. Это сообщение красноречивее всех статистических сводок.

Сельское хозяйство Украины уже не отстает. Угольная промышленность Донбасса дала более шестидесяти миллионов тонн угля. Металлурги выполняют план.

Январь — пора съездов Советов. Только закончился киевский областной съезд, открылся V Всеукраинский съезд. На съезде делегаты областей подчеркивают, что переломным явился 1933 год, когда по решению ЦК ВКП(б) были созданы политотделы МТС.

На выставку, посвященную V Всеукраинскому съезду Советов, делегаты привезли макеты образцов новой продукции. Среди сотен макетов есть небывалые. Паровоз «СО» имени Серго Орджоникидзе, с тендером — конденсатором пара; он позволит обойтись без водоснабжения в пути в Средней Азии и других безводных районах страны. Красив гусеничный трактор, выпускаемый заводом имени Коминтерна в Харькове. Такой трактор, одетый в броню, может стать крепким танком. Электрическая молотилка «ПП», названная в честь Постышева, выпускаемая харьковским заводом «Серп и молот», вагон-весы, освоенные одесским заводом имени Старостина, шаботы для Московского метрополитена, отлитые Краматорским машиностроительным заводом, паровоз «ФД» (в честь Феликса Дзержинского), химическая аппаратура сумского завода, турбины,

построенные харьковскими турбостроителями, — все это наглядные рассказы о том, как осуществляется пятилетний план.

Неужели только четыре года минуло с той поры, как на лосевской площадке в Харькове, на пустыре под Краматорской, на территории, отведенной в Харькове для турбостроительного завода, на других строительных площадках заложили первые котлованы?

Все эти экспонаты — материальное выражение мощи партии и единства с ней народа.

Встретил на съезде харьковского токаря Перебейноса, друга Власа Яковлевича Чубаря, вспомнили с ним, как харьковские паровозостроители работали на закладке тракторного завода. «Тогда были дурни, что все посмеивались над нами, — говорит Перебейнос — «Работаете бесплатно. Комиссары деньги получают, а вы в выходные дни пешком ходите в Лосево котлованы рыть. Может, когда-то вам заплатят?» Привезти бы тех шептунов сюда на выставку! Пусть посмотрели бы, как пятилетка с нами расплачивается. Я хожу по выставке, как хозяин. Такими делам» можно гордиться».

Вот еще «новина», как говорят в Киеве. В Фастове открылся первый съезд родителей. Постышев немедленно откликнулся на него: «Горячо приветствую вас, съезд! Он один из первых в нашей области развернул борьбу за создание культурного уголка в доме, за повышение ответственности родителей в деле коммунистического воспитания детей. Желая вашему съезду Фастовского района успехов в этом чрезвычайно важном деле!» Культурный уголок ребенка в доме!

Как раньше об этом не подумали наши журналисты, старающиеся ставить новые вопросы!

— Много проблем вокруг нас, — раздумывает вслух Римский, — такое бы публицистическое зрение нашим мастерам «гвоздей», как у Постышева. Ведь этот родительский съезд созвали после того, как Павел Петрович побывал в Фастове, на квартирах железнодорожников. Это все продолжение одного. В прошлом году летом по его почину детские площадки организовали во дворах.

Февраль

Откликнулись животноводы на призыв Косиора и Постышева крепко взяться за наведение порядков на фермах. Сегодня они обрадовали Постышева первым письмом о том, как на ферме колхоза «Серп и молот»

Бродянского района организуют отчеты животноводов, проверяют расходы кормов, берут обязательства повысить марку товарных ферм. В ответном письме Постышев советует, как лучше организовать учет, у кого перенять опыт.

Отовсюду сообщения, как в селах проходят экзамены по агроминимуму. Это своеобразный ответ на постышевское предложение сеять грамотно.

Март

Косиора и Постышева часто посещают делегации областей. Побывали у них металлурги и шахтеры Донбасса, индустриальные рабочие Приднепровья и Харьковщины. На одной такой встрече были товарищи из нашей редакции.

Встреча не для парада, хотя люди приехали докладывать о своих успехах. Косиор и Постышев расспрашивали о работе каждого цеха, крупных шахт, интересовались, как внедряются новые методы, механизмы. И Косиор и Постышев за год не раз побывали в Донбассе, знают положение на многих предприятиях. Когда им об этом на встрече сказал прокатчик Константиновского металлургического завода имени Фрунзе, депутат Верховного Совета вальцовщик Полянский, Косиор посмотрел на Постышева, улыбнулся и пояснил: «Характеры людей меняются со временем, как течение реки. Одни «мелеют», другие выходят на «широкое течение». У одних характеры становятся крупными, у других мельчают. Вот течение человеческих характеров по сводкам и отчетам не рассмотришь и как растут люди через сводки не увидишь. С людьми нужно встречаться постоянно. А пятилетка для нас, коммунистов, замечательна не только тем, что создается база социализма, а и тем, что в этом процессе растут новые люди».

И после разговора о производственных делах секретари ЦК стали беседовать о театрах, кино, школах, детских садах.

Сентябрь

Речи Постышева прочитывают от строки до строки. Казалось бы, говорит о хозяйственных делах в городе, промышленности, на селе, на транспорте. А читается все это с интересом, потому что насыщено мыслями, показом многих дел. И сквозь каждую фразу проступает принцип — говорить о том, что видел, что изучил, о чем посоветовался со специалистами.

Когда читаешь речи Постышева, невольно вспоминаешь слова Косиора о том, что нужно следить постоянно за движением характеров людей, за новым в их жизни. Мне кажется, что Постышев стремится создать такие условия для людей, чтобы характеры их не мельчали, чтобы люди находили свое настоящее призвание.

Человек, занятый большими и трудными хозяйственными проблемами, он внимательно следит за развитием культуры, и прежде всего за литературой.

Роли литературы в воспитании у людей социалистического опыта он придает особое значение. Недавно в одной из своих речей Постышев коснулся успехов советско-украинской литературы. Он считает, что за последние годы появилось много интересных и значительных произведений.

Декабрь

Как-то на одном из заседаний Постышев вспомнил о елке в Сокольниках, на которую вместе с Владимиром Ильичем Лениным приезжала Надежда Константиновна Крупская.

В «Правде» опубликовано письмо Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!»

«В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на Новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богатеев. Почему у нас школы, детские дома, ясли, пионерские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Комсомольцы, пионер-работники должны под Новый год устроить коллективные елки для детей. Я уверен, что комсомольцы примут в этом деле самое активное участие и искоренят нелепое мнение, что детская елка является буржуазным предрассудком».

В газетах появились дружеские шаржи и карикатуры. Идет высокий сутулый человек, с хмурым, озабоченным лицом, но лучистыми глазами и несет большую новогоднюю елку с пятиконечной звездой.

1936 год, январь

Итальянские войска вторглись на территорию Абиссинии. Новый очаг грандиозного пожара. В Польше пилсудчики опять поднимают шум. Ватикан благословляет свою военную паству на крестовый поход против Советского Союза. Можно ожидать любых поворотов событий. Но теперь в

стране есть своя авиация, танковые армии, создается большой флот. Среди наших противников за границей все меньше людей, которые верят разным басням о «колоссе на глиняных ногах».

Хорошо сказал Постышев о могучем разбеге нашего народного хозяйства, особенно на селе: «Вырастают десятки и сотни тысяч передовиков колхозного производства, растет вся многомиллионная масса колхозников. Тот из руководителей, кто этого не видит, не приводит свои знания, дела, свою работу в соответствие с этой новой обстановкой, тот неминуемо вылетит из телеги».

Когда бываешь в селе, на предприятиях, на железной дороге, слышишь, как одобрительно отзываются люди труда о стиле работы Косиора, Постышева, Любченко, Сухомлина и других руководителей республики. Им нравится, что, трезво оценивая обстановку, говоря об успехах, о достигнутом, руководители украинской партийной организации организуют людей на поиски новых резервов, на раскрытие неиспользованных возможностей. Они сами ищут и призывают искать новые формы организации производства, труда. Как и в предыдущие годы, члены Центрального Комитета партии, народные комиссары часто выезжают в колхозы, на заводы, на железнодорожные узлы. Это добрая ленинская традиция — учиться у масс для того, чтобы верно руководить ими.

Я дежурил с Римским в редакции. Позвонили из Украинского телеграфного агентства, предупредили, что будет небольшое письмо Постышева для газет Киевской области.

Письмо адресовано селькорам Киевской области.

— Работаем с Постышевым почти десять лет, — пробегая текст полученных восковок, искренне досадовал Римский, — а упустили, что Павел Петрович подготовку любого года начинает с откровенной беседы с селькором.

«Проверяйте и печатайте свои наблюдения о том, как райкомы КП (б) У, райкомы комсомола, рики, райзо, МТС развернули борьбу за урожай в 1936 году. Бичуйте очковтирателей, разоблачайте их, бейте расхлябанность, самоуспокоенность. Бичуйте тех, которые говорят «успеем еще, времени еще много». Поднимайте героев, честных тружеников, настоящих борцов за урожай. Поднимайте хороших руководителей, партийных и непартийных большевиков, всех тех, кто хорошо работает. Покажите личным производственным примером в бригаде, на участке, как нужно биться за урожай свеклы, зерновых, льна, хмеля». В письме перечислены главные

хозяйственные задачи, агротехнические мероприятия, на что нужно обратить внимание при подготовке к севу, уходу за урожаем, уборке его.

— После такого письма чувствуешь себя, работая в печати, государственным контролером, — сказал Негреба — Теперь в селах говорят, если заметят какие неполадки — «Нужно селькору сказать». В районах знают, что, если напечатана заметка в многотиражке или в районной газете, серьезно критикующая неполадки или показывающая хорошие образцы работы, она мимо внимания обкома не пройдет.

Март

Юго-запад Киевской области. Каменский район... На все время сева сотрудники редакции разъехались в наиболее крупные сельскохозяйственные районы. В этом году весна ранняя, уже идет сев зерновых, готовятся к севу на свеклосахарных плантациях. Невольно вспоминаешь, проходя по селу утром, как в прошлые годы приходилось упрашивать колхозников выйти на полевые работы. Теперь до зари уже все выезжают на поля. В селе Пяковке тракторист-орденоносец Пляшко остроумно заметил: «Земельный банк стал сполна расплачиваться за работу, а раньше только авансы выдавал».

В каждой семье запасы хлеба на весь год. Вербовщики с угольных шахт Донбасса уезжают зачастую ни с чем.

Опытные полеводы припоминают выступление Затонского о производстве химических удобрений, Чубаря — об ирригации полей.

Здесь издавна применяют минеральные удобрения на свеклосахарных плантациях, хорошо освоили методику внесения их. Сейчас пятисотницы, а их в каждом селе теперь несколько человек, по сути, агрохимики-практики. На своих ошибках — перекармливая и недокармливая в прошлые годы посеvy — они научились хорошо дозировать удобрения.

Постышев вместе с бригадирами шел по полям, проверял качество севов. Потом прошел на плантации сахарной свеклы. На них рыжели кучи сухого соломистого навоза.

Постышев осмотрел несколько куч навоза, потом спросил председателя колхоза:

— Из райисполкома, из райзо у вас были товарищи?

— Почти каждый день бывают, — поспешно ответил кто-то из работников райисполкома, приехавших вместе с Постышевым.

— Что же вы не можете отличить солоmistый навоз от настоящего перегной? Вот посоветовались бы с Коваленко, с Козубом, с Калиной — это мастера свеклосеяния, — сказал он, показывая на стоявших рядом полеводов. — Как, товарищ Козуб, сухой перегной?

— Если дождь поможет, товарищ Постышев, — отвечал Козуб. — А дождя не будет, так порохом и останется лежать.

— А перегной? — продолжал расспрашивать Постышев.

— С перегноем мы по триста центнеров на круг с каждого гектара снимем, — отвечал Коваленко. — И по-моему, есть еще время привезти перегной. А этот мусор перебрать и в перегной добавить.

— Нужно делать так, как хозяин советует, — сказал Постышев.

Постышев не ограничился знакомством с одним колхозом. Из Михайловского он попросил повезти его в Пяковский, потом направился в Вербовский. Трактористы, полеводы помогли Павлу Петровичу проверить пахоту на свеклосахарных плантациях, сев яровых на зерновых участках. Знакомясь с состоянием полевых работ, Постышев расспрашивал, сколько в селе бескоровных, как обеспечены личные хозяйства колхозников фуражом, завозят ли на дворы солому.

— Завозят, товарищ Постышев, — заявил председатель райсовета Лацаренко.

То ли увидел, как переглянулись колхозники, услышав это заявление председателя райисполкома, то ли потому, что привык он сам просмотреть, проверить все, Постышев сказал:

— Поедем на соседние поля через Ревивку, посмотрим, сколько соломы и фуража на усадьбах колхозников.

В Ревивке Павел Петрович заехал на усадьбу Филимона Гереша. На пустом дворе рыжел небольшой стожок соломы.

— Солома-то, оказывается, в сводках райисполкома, товарищ голова, — сказал Постышев, глядя на Лацаренко. — Плохо вы заботитесь о колхозниках. Потому неохотно они коров заводят. В Михайловке, оказывается, двести дворов бескоровных. Что же, колхозники на рынок ходят молоко покупать?

— Это мы изучим, Павел Петрович, — неловко отвечал Лацаренко.

— Что же изучать? Мы сейчас ребят расспросим. Пойдемте в школу.

В школе была перемена. Дети окружили Постышева, рассказывали ему, как они собираются бороться с сельскохозяйственными вредителями на свекловичных плантациях, как в прошлом году собирали колоски.

— А кто из вас сегодня молоко пил? — спросил Постышев. — Поднимите, ребятки, руки.

Подняли руки далеко не все.

— Что же батьки коров не покупают? — спросил Постышев.

— Грошей на корову нема.

— Кормить чем их?

— То не корова, что дает по два кувшина, — раздались голоса школьников.

— Чудесный народ! Экономисты! — обнимая ребят и проходя с ними в класс, сказал Постышев. — Знают, что у отцов в закромах, какую корову держать нужно, чтоб корм не переводить. Можно с вами, ребяташки, посидеть хотя бы часок на самой изумительной скамье, послушать, чему вы учитесь, как вас учат?

После окончания урока Постышев спросил ребят:

— А буфет у вас есть в школе?

— То в городе только бывает, — ответил какой-то ученик. — А мы селяне.

— Так на селе нужно иметь буфеты еще лучшие, чем в городе, — сказал Постышев. — Киевский горком рекомендовал готовить ребятам горячие завтраки и давать ежедневно яблоко или морковь.

— Мы просили, Павел Петрович, чтобы колхоз выписывал молоко для школьного буфета, — сказал директор школы — И то отказали в райисполкоме.

— Не отказали, товарищ Снойко, — угрюмо заметил Лацаренко, — а предложили снабжать школу после выполнения плана молокозаготовок.

— Отказали, только в приличной форме, — сказал Постышев.

— А вы, ребята, — по-пионерски поднимая руку, обратился Постышев к школьникам, — пишите мне, и прежде всего напишите, как у вас будет работать буфет. Райисполком должен помочь директору его открыть. А

потом напишете, как вы помогаете пятисотницам бороться с вредителями свеклы.

— Напишем!

— У нас классы за звеньями закреплены!

— Мы уточек пускаем хрущей выбирать! — перебивая друг друга, закричали школьники.

— Ребята обязательно напишут, — довольно произнес Постышев, направляясь к дому, в котором жили директор и учителя. — Нужно в школе детей приучать к переписке. Это своеобразная школа мышления, когда человек делится своими наблюдениями, переживаниями друг с другом. Чудесные письма присылают ребята, и порою с такими проблемами, что потом опытные педагоги и психологи не сразу решат. У вас, товарищ Снойко, играют школьники в «классы»? — спросил Постышев директора школы.

— Как подсохнет земля, так вокруг школы на всех улицах мелом эти «классы» разрисуют, — ответил Снойко.

— Пришлось мне заниматься этими «классами», — рассмеялся Постышев. — Для консультации даже профессоров, хирургов пришлось призывать. Начали мы в Киеве наводить порядок такой же, как в Харькове. Собрали совещание дворников, утвердили их положение хозяев дома и улицы. И вдруг письма от ребят: дворники не разрешают чертить «классы» на тротуарах и во дворах. Обида: «Нам играть негде». Какой игрой заменить «классы»? Никто ни в обкоме, ни в горкоме не знает. Посоветовались с врачами. Видные хирурги говорят, что игра в «классы» вредит формированию ног ребенка. Я обратился к ребятам с письмом, сослался на консультацию врачей и попросил их участвовать в конкурсе по изобретению новых игр. Сотни разных предложений. Пусть теперь врачи и педагоги решают, какие игры будут наиболее полезны. Нужно подумать, чтобы для сельских ребят были изобретены игры с учетом жизни в селе. При лампе тетради проверяете? — спросил Постышев вдруг, останавливаясь у дома Снойко.

— Если керосин завозят, — отвечал Снойко, — а то и при каганцах. Знаете, такой светильник, фитилек на картошке, блюде с маслом?

— Знаю, — ответил Постышев. — Моя жена при таком светильнике проверяла тетради в приамурском селе Шаманка, когда я на нелегальном положении был. Вот с порога учительского дома и познаешь заботу об учителях, товарищ председатель! От МТС сюда давно надо бы протянуть линию и подключить к ней десять-пятнадцать лампочек. Покажите, если можно, товарищ Снойко, сарай с топливом.

— Приходится соломой топить, — пояснил Снойко.

— Соломой топят. При каганцах тетради проверяют, — переступая порог дома, произнес Постышев. — О какой же заботе может идти речь, если нет элементарных условий для работы учителей!

Из записок Барвинца

1936 год, 23 марта

Сегодня я проклял нашу телефонную связь. С редакцией соединили только в первом часу ночи. Досталось от Негребы, что не передал информацию о поездке Постышева по Александровскому району телеграфом. Из-за моей информации задерживали сдачу полосы. А я буквально без ног. Вчера весь день на полях Каменского района, сегодня объезжали колхозы Александровского района. У Постышева какая-то жадность к фактам. Ему хочется прощупать каждый комок пахоты своими руками. Снова, как и в Каменском районе, были на зерновых участках, на свеклосахарных плантациях, в школе, на полевых станах тракторных бригад. Он выполняет поручение Центрального Комитета со старательностью инструктора, которому доверили первую проверку. Теперь, после поездок с Постышевым по колхозам, я почувствовал, что он не только знакомится с выполнением полевых работ, но и проверяет какие-то свои выводы, наблюдения, особенно в части повышения урожайности. В Александровском районе, беседуя с колхозниками — организаторами хаты-лаборатории, Постышев заявил прямо: «Нам всем экзамен — на девяти центнерах урожая зерновых далеко не уедешь. В ближайшие годы нужно поднять урожайность на два-три центнера».

В утренней почте «лично для Постышева» было несколько писем. Редкий день не приходили они с Дальнего Востока, из Иркутска, Бурят-Монголии, Москвы, Иванова. Постышев в первую очередь читал письма земляков — они радовали его сообщениями об успехах ивановских передовиков производства, о перестройке фабрик, о новом выпуске технологов, врачей, педагогов.

Хотелось побывать в родных краях. Но работа в Киевской области, на Украине шла на подъем, порою по ухабам, приходилось часто выезжать в районы. И даже когда вызывали в Москву, в Центральный Комитет, не находилось одного-двух дней, чтобы заглянуть в край текстильщиков.

Сегодня из Иванова пришли два письма: комсомольцы области приглашали на свою конференцию. Павел Петрович вызвал стенографистку, продиктовал ответ, попросил прочитать записанное и сделал вставку:

«Берите пример с таких представителей старых поколений большевиков-ивановцев, как Ольга Афанасьевна Варенцова, которая воспитала не один десяток преданных революционеров».

— Вы о Варенцовой что-нибудь слышали, Саша? — спросил он стенографистку.

— Где-то такая фамилия встречалась, — смущенно ответила девушка. — Знаю, что революционерка...

— Вот так, мы знаем о наших первых большевиках понаслышке да по догадке, — сказал Постышев. — О ней нужно повести писать. Маленькая, щуплая, хрупкая. А сталь перед ее характером сдаст. И сдавала. Сколько ей пришлось провести дней за стальными решетками! Они давно ржавчиной источены. А Ольга Афанасьевна до сих пор в работе, в труде. Там, у нас в Иванове, другая большевичка была — Глафира Ивановна Окулова. Она от Ленина поручения принимала. Подождите немного, я другое письмо из Иванова пробегу.

Павел Петрович пробежал письмо и стал перечитывать его, подчеркивая какие-то строки, потом нажал кнопку звонка.

— Вот это послание! — хмурясь, произнес Павел Петрович. — Понимаете, порой становишься в тупик перед вопросом, который подбрасывает жизнь.

В кабинет вошел помощник и привычно стал смотреть папки с

прочитанным письмами.

— Почту потом заберешь, — сказал Постышев. — Садись послушай. Был у меня в Иванове товарищ детства, его отец, так же как и мой, был ткачом. Наши семьи даже дружили до глубокой старости. Приятель мой пошел в портные. Меня упрятали в ссылку, а он обзавелся мастерской. Так я его след и потерял. Оказывается, мастерской ему было мало. Открыл палатку по продаже обуви, потом палатка выросла в магазин. Дом построил. «Вышел в люди», как говорят. Теперь плачется. Магазины нет. Не дают учиться детям, не берут их в армию. Ну, товарищ помощник, что отвечать другу детства?

— Я бы не отвечал, — уверенно сказал помощник. — Вспомнил о вас он через тридцать лет. Наверное, когда нэпманом был, знал, что вы на Украине работаете. Мог написать, посоветоваться тогда, как ему быть.

— Может быть, если бы я был беспартийным, — сказал Постышев, — я бы поступил так, как ты советуешь. Возможно, и ответил бы, что не хотел обо мне вспоминать тридцать лет, можешь не вспоминать еще столько же. Но и то, если бы беда приключилась с человеком, нужно было ответить. Дело не в этом нэпмане, а в его ребятах. Ты возьми письмо этого гражданина и напиши в Иваново-Вознесенский обком от моего имени Носову. Пусть заинтересуется детьми этого злополучного собственника. Ребята наши. Деды и прадеды у них ткачами были. Ты сейчас подготовь письмо, а я Саше продиктую письмо моему корреспонденту. Он мне ровесник. Если хорошо торговлю изучил, может быть, нам пригодится. Запишите, Саша.

Постышев стал диктовать:

— «Написал в Иваново-Вознесенский обком партии товарищу Носову, чтоб заинтересовался вашими детьми. Не знаю, в какого лавочника вы превратились к моменту революции. Так или иначе дети, конечно, здесь ни при чем. И они должны иметь возможность работать, учиться, вести общественную работу. Но видите, это прежде всего зависит от них самих. Если они ребята хорошие, если они преданы делу их деда и бабки, если они преданы нашему строю, то советская власть путь в жизнь им, безусловно, даст. Беда только в одном: ваши родные — пролетарии, а вы пробились в хозяйчики. Наверное, сильно ругались с советской властью, когда пришлось лишиться своих привилегий?»

Постышев помолчал, потом, улыбнувшись, сказал:

— На этом можно закончить. Послушаем, что он напишет в своем ответе. Хватит ли у него пороку на откровенный разговор. Если поймет, как сбился на обочину и как из болота нужно вылезать, я ему помогу. Люди

остаются людьми. Нужно понимать их. Реки мелеют, потому что тащат с собой лишний песок. Характеры мельчают, потому что их затягивает, заносит илом собственности. На днях я с писателями беседовал. Они все в поисках тем. А темы рядом. Эта история товарища моего детства — сюжет для романа.

Из записок Барвинца

1936 год, апрель

Весну открывает молодежь своим праздником — IX съездом украинского комсомола. А я не могу побывать до сих пор ни на одном заседании съезда, несмотря на то, что есть гостевой билет. Приходится довольствоваться чтением отчетов и докладов.

Как выросла наша комсомолия! Когда Сеня Высочиненко и Ваня Жолдак в Харькове, Сергей Балабанов и Алексей Селивановский в Киеве, Саша Курганов, Саша Корсунов, Алексей Левочкин, Касименко в Донбассе, Федя Голуб на Херсонщине и другие ребята организовали первые ячейки комсомола, в нем насчитывались сотни. Теперь — сотни тысяч. И дело не только в количестве. Комсомольцы Паша Ангелина, Петр Кривонос, Мария Демченко стали передовиками труда. Из комсомольцев вышли писатели Александр Корнейчук, Павло Усенко, Леонид Первомайский, Борис Горбатов. Во всех научных институтах есть комсомольцы — научные работники с учеными степенями. Комсомольцы-художники, артисты, командиры воинских подразделений и частей — это великолепно! Читаешь доклад секретаря ЦК комсомола Украины Сергея Андреева и гордишься тем, что ты был одним из первых комсомольцев.

5 апреля

Мне посчастливилось побывать на заседании съезда комсомола, когда выступал Постышев. Трудно его выступление назвать докладом, речью. Это была своеобразная повесть коммуниста, который всю жизнь посвятил тому, чтобы люди полюбили идеи Ленина так, как он любил.

Постышев в начале своего выступления сделал краткий обзор того, что достиг советский народ, как выполняются пятилетние планы, а потом стал вспоминать об истоках революционного» подвига рабочего класса, о прошлом людей труда нашей страны.

Он рассказывал о своих сверстниках, о разных путях людей.

Он возвращался к прошлому для того, чтобы его слушатели глубже, контрастнее осмыслили настоящее и увидели тот путь, по которому нужно идти.

Он говорил о стахановцах, как о настоящих людях эпохи социализма, о новом герое, о его чувствах: «Это люди дела, люди, которые чувствуют себя полноценными хозяевами этой жизни, которые знают, что они творят новую, великую жизнь».

Постышев раздумывал вслух о том, как должен работать комсомол с такими людьми. В его словах была непреклонная убежденность в том, что нужно новое руководство комсомольской жизнью, иное, нежели несколько лет назад.

Он привел ряд случаев, когда комсомольские организации нарушают внутрисоюзную демократию разными кооптациями, комчванством, назначениями, прикомандировками, администрированием, зазнайством, голый шумихой, трескотней, показной мишурой.

Он зло высмеял тех комсомольских руководителей, которые, рассуждая о культурном росте, могут назвать только две-три книги, прочитанные ими.

Это были раздумья о человеческих чертах, о типе героя, о людях будущего.

Слышала вся Украина поэтическую речь человека, которому скоро должно было исполниться полвека, который почти сорок лет шел от одного испытания к другому, с годами взваливая на себя все большую ношу. И даже ветеранов труда и борьбы захватила и зажгла эта речь ленинца, который и характером своим, и одаренностью, и преданностью рабочему классу напоминал покойного Сергея Мироновича Кирова.

— Друзья мои, — обратился к комсомольцам Постышев, — закроем глаза и помечтаем о том времени, когда у вас будут маленькие внуки.

Парторг комсомола Украины рисовал черты человека, идущего из завтра.

— Мне рисуются такие черты этого человека завтрашнего дня:

это будет физически здоровая, всесторонне развитая личность, с многогранным кругом интересов в жизни и запросов к ней;

это будут люди больших творческих возможностей, высоких творческих полетов;

это будут люди высокого уровня культуры, не только потребители культуры, но и создатели ее;

это будут люди, не знающие противоположности между умственным и физическим трудом;

это будут борцы за полную победу коммунизма во всем мире.

Великие люди пролетариата — Маркс, Энгельс, Ленин — это гениальная плеяда пролетарских мыслителей-революционеров, своим обликом дают нам прекрасный образец этого подлинно нового человека. Величайший уровень идейности; огромный революционный кругозор; глубокое критическое освоение всей предшествовавшей культуры человечества; смелость творческой мысли и бесстрашие в борьбе; глубокая, проникновенная любовь к человеку и вместе с тем непримиримость к врагам социализма — таков облик этих пламенных, стальных пролетарских борцов.

Июнь

Римский поделился со мной своим замыслом написать книгу о стиле партийного руководителя. Я сперва думал, что это будет популярная брошюра на положительных примерах из практики руководителей разных масштабов. Но Римский развернул свой замысел — это должно быть исследование стиля одного партийного работника, в частности его умения изучать настроение масс, подготавливать решение на основе ленинских принципов и контролировать эти решения. Он признался, что давно уже собирает материалы о стиле и методе работы Постышева. Но они были просто «впрок». Последнее выступление Постышева на июньском (1936 года) пленуме Центрального Комитета Компартии Украины убедило его в том, что Постышев выработал в себе особое качество глубокого анализа партийных и народнохозяйственных проблем и методику оперативного контроля за теми вопросами, которые ему поручены партией.

Римский снова прочитал мне эту речь Постышева в связи с проверкой выполнения постановления ЦК ВКП(б) о стахановском движении в Донбассе. Она небольшая по объему, всего четыре газетные колонки. Но Римский прав, в ней ясный анализ того тупика, в который начинают заводить иные любители шумихи стахановское движение. Постышев на примерах Донбасса, Харькова, Киева показал, как создают небольшие группы «мастеров» угля, металла, свекловодства и не создают условий для того, чтобы пополнялись ряды стахановцев. Он прямо сказал, что такие административные методы выдвижения стахановцев приводят к тому, что люди отходят от этого передового движения. Всего несколько примеров о «настоящих» и «ненастоящих» стахановцах на «Серпе и молоте», о том, как ретивые «спецееды» воздвигают стену между техническими руководителями и лучшими производственниками, о том, как организуют

условия для нескольких стахановцев в цехах, не выполняющих плана.

После этого анализа положения Постышев точно определяет задачи партийных и хозяйственных организаций:

— Не подменять «лучшими стахановцами» все стахановское движение.

— Укреплять авторитет ИТР.

— Покончить с «бригадным котлом» — с уравниловкой.

— Создать настоящие технические нормы, но требовать выполнения их после того, как будут условия.

— Добиться, чтобы стахановские производственные совещания действовали постоянно.

— Ликвидировать парадность в этом деле.

— От коммунистов требуется не агитация за стахановское движение, а авангардная роль в стахановском движении.

Эти слова Постышева продолжают его линию, как и в годы организации первых «ударных бригад» и заключения первых договоров на социалистическое соревнование.

Думаю, что Римский правильно подметил одну характерную особенность стиля Постышева: он учит людей примером.

Октябрь

В редакцию приходят письма то анонимные, то подписанные, обвиняющие районных, окружных, областных работников в каких-то вредительских делах, порою в диверсиях. Расследования не подтверждают фактов.

Кто-то потворствует подозрительности. Растет поток доносов на руководителей — партийных работников, хозяйственников, научных деятелей.

Ноябрь

Киевский горком разбирал дело некоей Николенко, она оклеветала многих партийных деятелей, доказывала, что в ЦК КП (б) У, Киевском горкоме и обкоме сидят укрыватели и пособники врагов, что многим троцкистам, зиновьевцам выдали при обмене партийные билеты по «знакомству». Киевский горком исключил ее из партии. Урок всем клеветникам.

Океан возник из тех ручейков соревнования, которым Постышев вместе с деятелями партии, профсоюза и комсомола, областей и районов Украины прокладывал русло в историческом году Великого перелома.

На шахты Донбасса, к украинским горнякам, металлургам, на свекловичные поля, на железнодорожные узлы приезжали учиться опыту высокопроизводительной работы из всех районов Советского Союза. Орджоникидзе, человек, любящий точную поэтическую метафору, назвал дерзнувших нарушить каноны норм искусных горняков, металлистов, железнодорожников, свекловодов «профессорами» своего дела.

Немало приезжало гостей из-за рубежа. Одни — отравленные скепсисом, другие — сердечно обрадованные тем, что свободный труд ломает все старые каноны в промышленности и сельском хозяйстве.

Друзья, возвратясь к себе на родину, писали о небывалом революционном подъеме тружеников, искренне, восторженно говоря об успехах и не скрывая трудностей.

Недрузи, даже убедившись в том, что информация советского Телеграфного Агентства о героизме и успехах новаторов точна, продолжали сомневаться.

Кое-кто из видных публицистов Запада вместо анализа фактов и, конечно, непонятого им массового подъема людей индустрии и сельского хозяйства занимался острословием и софистикой. Одни писали, что они встречались с людьми, которые выполняют дневные нормы на 500–600 процентов, но они-де не знают, какова цена дневным нормам. Другие домышляли различные истории о тайных помощниках передовиков труда, которые работают на «рекордсмена».

Видные представители науки и техники молчали. Многие из них не только бывали на заводах Украины, но и консультировали их постройку. Они не отказывались от своих утверждений, что с квадратного метра пода печи в мартеновском цехе можно снять только шесть тонн стали за плавку. «Конечно, можно снять и больше, но это чревато авариями».

А комсомолец Мазай снимал уже несколько месяцев подряд за свою смену вдвое больше стали с квадратного метра пода мартеновской печи без перестройки ее. И Мазай был не одиночка-рекордсмен. Уже в каждом мартеновском цехе Донбасса и Приднепровья, Харькова и Николаева были мастера мазаевской выучки и дерзания.

На свекловичных полях Украины девушки множили опыт Марии Демченко и давали обязательства выращивать на каждом гектаре по тысяче центнеров свекловицы.

Постышев, как и в годы зарождения соревнования, возглавлял Всеукраинский штаб движения за высокопроизводительный труд. Он был «командармом» трудового наступления. Дивизии вели атаки высот во всех отраслях на просторах Украины. В областях и районах во главе штабов соревнующихся стояли ударники второй пятилетки. Постышев старался лично встречаться с ними, помогал им.

Страстно влюбленный в науку, Постышев занимался организацией подготовки кадров. «Учить их нужно, двигать нужно, это наши люди».

Страна перешагнула за порог второй пятилетки. Перешагнула так, что ее поступь отозвалась звоном сверхпланового металла, гулом составов донецкого угля, новых машин, выпущенных заводами, построенными и реконструированными в пятилетки.

Из записок Барвинца

1937 год, январь

Каждый день приносит какое-нибудь известие о новой производственной победе.

Те новостройки, которые были в списке 518, уже стали действующими предприятиями. Первая пятилетка превратила страну в индустриальную. Подъем небывалый.

И все-таки люди встревожены — в Москве процессы над руководителями оппозиционных групп и направлений.

Когда бываешь на предприятиях, слышишь, как искренне осуждают троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, разных левых и правых. Никто не может простить этим раскольникам их оппозиционной работы в те дни, когда партия повела народ на строительство социализма. Но никто не может понять, почему иных рабочих-коммунистов, бывших красногвардейцев снимают с работы, исключают из партии.

Меня часто спрашивают на предприятиях рабкоры, знакомые, почему в последнее время на заводах не появляется Постышев. «Вот он бы рассказал, что делается. Прямо бы все сказал».

Я сам давно уже не вижу Постышева на совещаниях и заседаниях, хотя на них речь о таких вопросах, мимо которых он никогда не проходил.

В редакции поговаривают о том, что Постышева прочат на какую-то другую работу. Ходят слухи, что он уезжает в Москву.

Туманное сообщение об освобождении Постышева от обязанностей секретаря Киевского обкома КП (б) У якобы в связи с невозможностью сочетать посты второго секретаря ЦК и первого секретаря обкома. И наряду с этим пленум снял с поста второго секретаря обкома партии Ильина за какие-то большие промахи в работе или даже политические ошибки. Но Ильин работал под руководством Постышева. Ни у кого из работников обкома и горкома нельзя толком узнать, что произошло.

Оказывается, на пленум, освободивший Постышева от обязанностей секретаря обкома, приезжал Л. М. Каганович.

Когда «освобождали» Постышева, Николенко изобразили «героиней», «разоблачительницей» врагов, «борцом». Киевскую парторганизацию обвинили в том, что она потеряла бдительность, покрывает «врагов» партии. Неужели Сталин не исправит этой ошибки?

25 января

Приезжал брат из Харькова, рассказывал, что творится на тракторном и паровозостроительном заводах. Начались аресты участников гражданской войны. Арестовали ректора Харьковского университета Блудова, некоторых писателей.

5 февраля

Я рад, что посылают в командировку на село, подальше от этих непрерывных собраний с разоблачениями.

7 февраля

Здесь, в селах, вдалеке от железной дороги, под Радомышлем, не спокойнее, чем в Киеве.

Сняли с работы председателя райисполкома, исключили из партии заведующего отделом агитации и пропаганды. Где-то по дороге в Киев их арестовали.

В районных организациях люди не работают, ожидают, когда их снимут с работы. Колхозы, по сути, остались без руководства районными организациями.

Но народ сплочен, работает дружно, подготовка к севу куда лучше, чем в прошлые годы.

10 марта

Срочная телеграмма, предлагающая организовать статью о том, как областной комитет партии давал неправильные указания по вопросам сельского хозяйства. В каждом селе я только и слышал положительные отзывы о работниках обкома партии, которые не вмешивались в дела сельского хозяйства, не навязывали правлениям артелей свои планы, а помогали налаживать массовую работу, связь с городскими предприятиями.

12 марта

Отослал статью о некоторых недостатках планирования сельского хозяйства, о плохой постановке селекционной работы. Об этом часто напоминали Постышев, Косиор, Любченко, выступая на съездах, совещаниях, слетах стахановцев полей. В статье я сослался на то, как на недавнем областном съезде Постышев привел яркий пример. Он показал, что, если тысяча зерен весит 42 грамма, можно получить с гектара при густом высеве 18–20 центнеров, а если зерна весят 15–20 граммов, то нужно рассчитывать на урожай в 10–12 центнеров.

14 марта

Приказ по телеграфу срочно выехать в Киев. В редакции вместо Негребы, каким я его знал, увидел осевшего, придавленного человека. Его лишили политического доверия, вывели из бюро партийной организации.

— О статье своей не напоминай, — посоветовал Негреба. — Вызвали тебя на партийное собрание. Проходит пленум областного комитета партии. Я на нем не был, но там прямо говорят, что Киллерог и редактор «Пролетарской правды» Содин были троцкистами, а Постышев и Ильин их поддерживали. Дано указание резолюцию партийного актива Киевской области проработать на всех собраниях. Наверное, ее опубликуют в газетах.

16 марта

На партсобрании прочли резолюцию собрания областного партийного актива. Не верилось, что ее мог принять актив, знавший, как работали Постышев, Ильин.

Постышева, Ильина и всех руководителей областного комитета партии обвиняют в том, что они перенесли основную базу своей работы из города в область, почему-то этим «принизили» роль города. Странно выглядело обвинение в том, что увлекались хозяйственными делами и запустили партийно-политическую работу, а еще более удивительно, что Постышев

«покровительствовал» врагам народа. Фальшиво прозвучало и обвинение в благодущии, самоуспокоенности, самодовольстве.

18 марта

Сообщение в газетах о пленуме Центрального Комитета партии Украины. Постышев освобожден от обязанностей второго секретаря ЦК «в связи с переходом на другую работу».

На Украине люди, знавшие Постышева — а знали его в любом колхозе, рабочем поселке, городке, — были встревожены и озадачены освобождением любимого парторга от обязанностей второго секретаря ЦК КП (б) У.

Мало кто, зная его принципиальность и требовательное отношение к себе и людям, верил, что Постышев мог покровительствовать врагам народа, что он противопоставлял село городу, занимался шумихой.

В ту пору произвола утвердителей культовости все эти обвинения были поводом для расправы. Угроза нависла над ленинцем.

Сообщение об избрании Постышева секретарем Куйбышевского краевого комитета партии не успокоило его знакомых и незнакомых друзей. В 1937 году уже распознали приемы Берия и его приспешников. Партийные и государственные деятели получали новое назначение, переводились в другую область или республику и вскоре подвергались репрессиям.

Все же несколько месяцев Постышев продолжал возглавлять организацию большого приволжского края. Порою его имя появлялось в информационных заметках ТАСС.

Но уже больше не было сообщений о новых предложениях Постышева, о новых вопросах, поставленных им.

Неожиданным было сообщение в начале 1938 года об избрании нового секретаря Куйбышевского крайкома партии. Что случилось с Постышевым? Об этом знали немногие. В начале 1938 года его вывели из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС и арестовали.

Мастера клеветы и беззакония не решились гласно-обвинить Постышева, как других выдающихся деятелей партии и Советского государства, в диверсиях, заговорах, шпионаже, отходе от ленинизма. Они хорошо знали, с каким уважением миллионы тружеников произносили имя этого человека.

Имя и судьба Постышева были окружены непроницаемой стеной молчания.

Но Постышев оставался любимцем партии и народа. По стране шла молва о последнем разговоре Постышева со Сталиным. В уста своего трибуна и парторга народ вкладывал то сокровенное и самое жгучее, что волновало всех в трагический тысяча девятьсот тридцать седьмой год: «За что арестовывают коммунистов, честных советских людей, не щадивших

жизни в подполье, в дни Октября, на фронтах гражданской войны, отдававших свои силы и способности в дни великих строек пятилеток?»

И через годы оказалось, что этот вопрос не был домыслом. Постышев задал его Сталину, зная, что последует за этим. Он был верен своей нерушимой присяге, не произнесенной, но запечатленной в сердце и уме присяге, которую давал партии шестнадцатилетним юношей, становясь в боевой строй ленинцев.

Этот вопрос показывал, что Постышев не собирается угождать Сталину, даже после того, как его освободили от работы на Украине и вынесли незаслуженный выговор за вымышленное покровительство «врагам народа».

Постышев знал, что Берия и его порученцы расправятся не только с ним, но и с его семьей.

Но ленинец не изменил себе — он прямо заявил о своих взглядах на произвол служителей культа личности, он не мог утаить того вопроса, который жег умы и сердца миллионов советских людей.

Постышев был арестован.

Случилось то, что можно было предвидеть...

Но народ никогда не вычеркивает из своей немеркнувшей памяти тех, кто был предан ему, тех, для кого самым высоким призванием в жизни и идеалом ее было служение народу.

В рабочих семьях, в колхозах, в кабинетах ученых вспоминали о Постышеве, призванием которого было нести людям слово Ленина, воплощать идеи Ленина в жизнь.

Вспоминали о Постышеве у новогодних елок, во дворцах пионеров, в хатах-лабораториях, в детских кинотеатрах, на производственных совещаниях.

Минуло четверть века со дня роковой гибели Павла Петровича Постышева, но, как и в дни строительства социализма, о нем с теплой радостью вспоминают современники, рассказы о нем передают своим детям и внукам. Постышев остается в строю живых. Он наш современник. Ибо время не властно над прекрасным, над неумирающими делами людей подвига во имя народа, его партии.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. П. ПОСТЫШЕВА

1887, 6 сентября^[1] — В городе Иваново-Вознесенске Владимирской губернии в семье текстильщика родился Павел Петрович Постышев.

1896 — Постышев поступает в мастерскую кустаря-щеточника

1899 — Постышева принимают на должность ученика в отделочный цех ситцевой фабрики А Гарелина

1904 — Постышев вступает в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

1905 — Постышев принимает активное участие в борьбе Иваново-Вознесенских текстильщиков против предпринимателей, ведет агитационную и пропагандистскую работу

1906, 12 июня — На учредительном собрании союза ситцепечатных рабочих Постышев избран в правление союза

Ноябрь — Постышев уволен с фабрики за протест против фабричных порядков. Он начинает профессиональную партийную работу.

1908 — После ареста О Варенцовой Постышев становится одним из руководителей иваново-вознесенской партийной организации

24 апреля — Постышева арестовывают в числе других иваново-вознесенских большевиков.

1908, апрель — 1910, февраль — Постышев находится в заключении во Владимирской каторжной тюрьме

1910, февраль — 1912, декабрь — Постышев отбывает срок наказания во Владимирской каторжной тюрьме. В начале декабря его отправляют на вечное поселение в Сибирь

1913–1914 — Постышев живет на поселении в деревушке Усть-Уда на Ангаре.

1914, март — 1917, март — Постышев работает в Иркутске.

1917, март — Постышев входит в состав Совета рабочих депутатов, является одним из инициаторов создания Центрального бюро союза профессиональных союзов, организует стачки, активно участвует в разоблачении меньшевиков и эсеров

Август — Постышев избирается заместителем председателя Совета

рабочих депутатов города Иркутска.

5 декабря — Создан Иркутский окружной военно-революционный комитет, в составе его Постышев

1918, 26 августа — Постышев в качестве представителя Центросибири участвует в V Дальневосточном съезде трудящихся.

Сентябрь — Постышев по указанию центральных организаций переходит на нелегальное положение.

1919 — Постышев — Комиссар партизанского отряда, созданного И. Шевчуком, и председатель сельского Совета Тунгусской волости.

1920 — Постышев принимает участие в создании регулярных частей из партизанских отрядов Назначенный ЦК РКП (б) уполномоченным по Хабаровскому району, организует управление общественной и административной жизни Приамурья После создания Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) утверждается кандидатом в члены его.

1921, август — Постышев назначается уполномоченным правительства ДВР по Прибайкальской области, участвует в боях против белогвардейских банд барона Унгерна.

Октябрь — Постышев назначается членом временного Ревкома и членом Военного Совета вновь образованного Восточного фронта.

1922, февраль — Постышев вместе с Блюхером руководит штурмом волочаевских укреплений белых

После освобождения Волочаевки Постышев избирается делегатом на XI съезд РКП (б).

Апрель — Постышев приезжает в Верхнеудинск, приступает к исполнению обязанностей областного эmissара правительства ДВР.

1923, август — В связи с упразднением Прибайкальской губернии Постышев отзывается в распоряжение ЦК РКП (б) и направляется в киевскую партийную организацию исполняющим обязанности заведующего оргинструкторским отделом губкома партии.

1924 — Постышев направляется на работу в губернскую контрольную комиссию.

Май — На IX Киевской губернской партийной конференции Постышев избирается председателем губернской контрольной комиссии, делегатом на VIII Всеукраинскую конференцию и XIII съезд РКП (б)

VIII партийная конференция КП(б)У избирает Постышева в состав ЦКК.

Осенью Постышев избран секретарем Киевского губкома партии.

1925 — На IX съезде КП (б) У в декабре Постышев избран членом ЦК КП(б)У и кандидатом в члены Политбюро ЦК КП(б)У.

1926, 24 ноября — Постышев избран членом Политбюро и Оргбюро ЦК, секретарем ЦК КП (б) У.

1926–1930 — Постышев — секретарь Харьковского окружкома и горкома партии.

В этот период он участвует в работе партийных съездов, избирается в состав ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У.

1930, 13 июля — Пленум ЦК ВКП(б) избирает Постышева членом Оргбюро и секретарем ЦК ВКП(б).

1930, июль — 1933, январь — Постышев — секретарь Центрального Комитета партии, руководит отделом агитации и пропаганды, орготделом.

1933, 29 января — Постышев избирается на объединенном пленуме Харьковского горкома и обкома КП(б)У секретарем Харьковской областной и городской партийных организаций.

1933–1934, июнь — Постышев руководит харьковской партийной организацией, одновременно являясь вторым секретарем, членом Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У, оставаясь также одним из секретарей ЦК ВКП(б).

1934, июль — 1937, январь — Постышев руководит киевской областной партийной организацией. В 1935 году Киевская область и он лично награждены орденом Ленина.

1937, январь — Постышева освобождают от обязанностей секретаря Киевского областного комитета партии.

Март — Постышева освобождают якобы за допущенные ошибки от обязанностей секретаря ЦК КП(б)У.

Конец марта — Постышев избран секретарем Куйбышевского краевого комитета партии.

1938, начало года — Постышев выведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и арестован.

1940, декабрь — Жизнь Постышева оборвалась.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Текстильные фабрики в Иваново-Вознесенске. Конец XIX века

Конспиративная квартира иваново-вознесенских подпольщиков на 3-й Варгинской ул., 5.

Митинг рабочих на реке Талке. 1905 г.

Река Талка. Здесь в 1905 году проходили заседания первого Совета рабочих депутатов.

Иваново-Вознесенск. Георгиевская площадь.

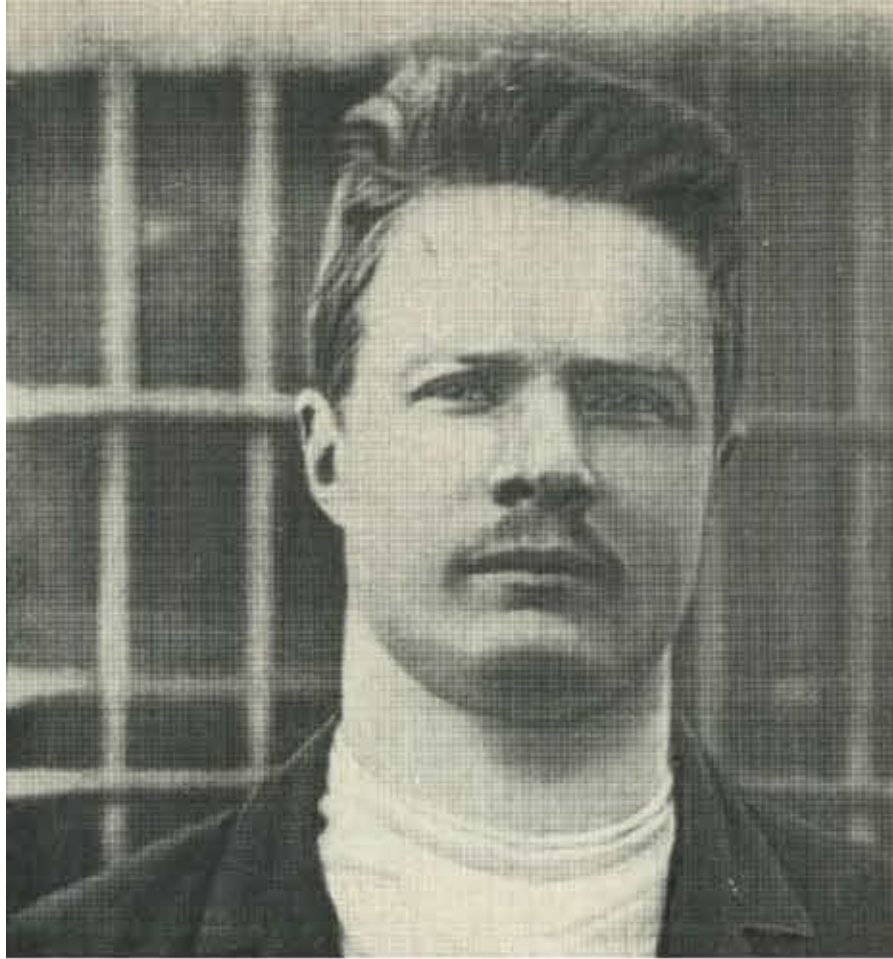
Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов. 1905 г.

Ф. Л. Афанасьев — «Отец»

О. А. Варенцова

М. В. Фрунзе во Владимирской каторжной тюрьме. 1907 г.

Ф. Н. Самойлов.

Группа иваново-вознесенских большевиков. Слева направо: П. П. Постышев, М. П. Кудрин, Ф. Н. Самойлов.

В. С. Калашников

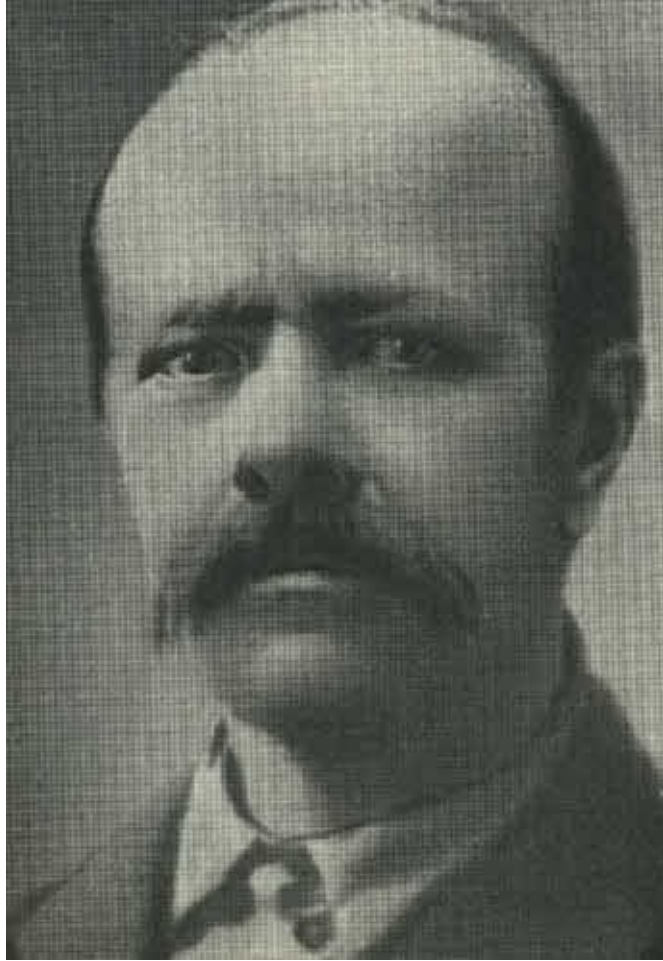
П. Д. Гусев

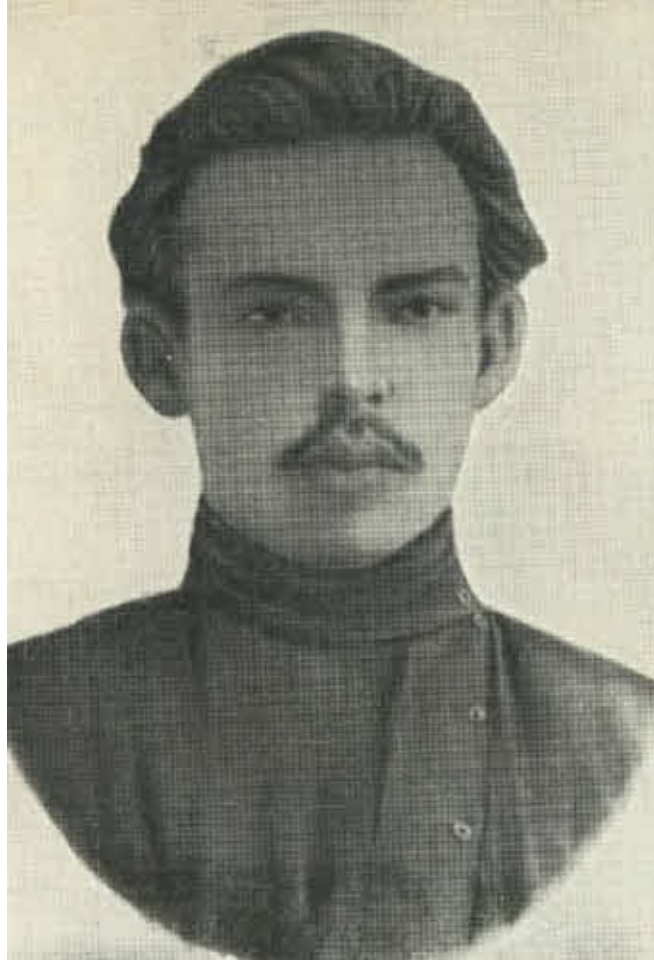
Проводы на иваново-вознесенском вокзале Н. А. Жиделева, депутата II Государственной думы.

Е. А. Дунаев

С. И. Балашов.

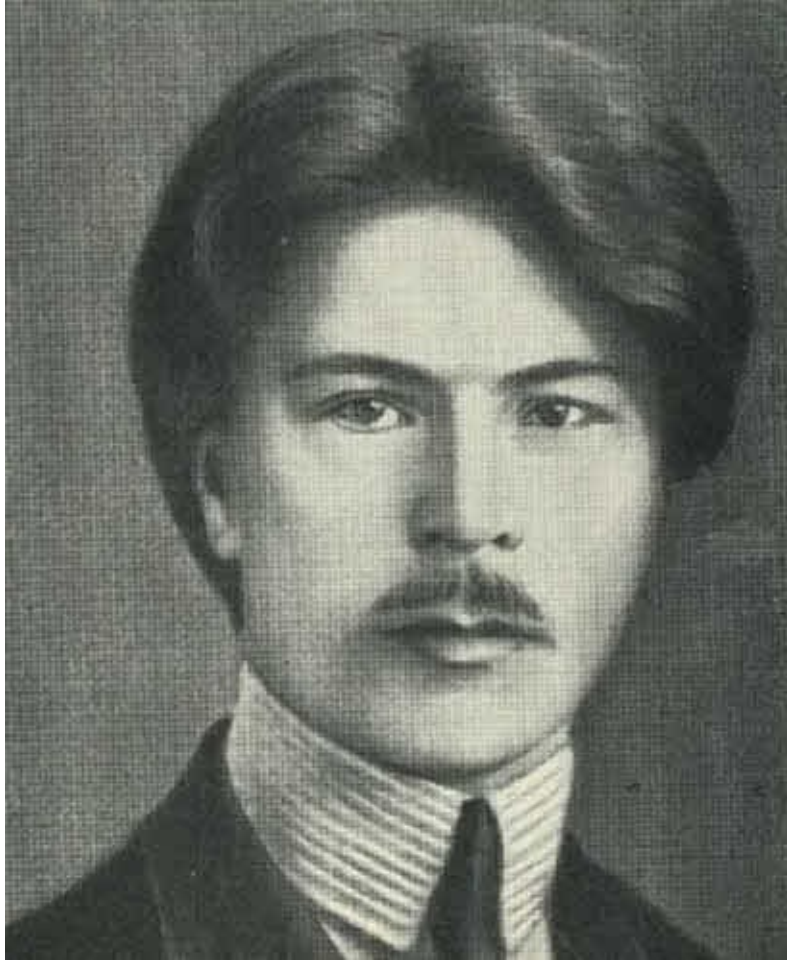
.И. П. Уткин

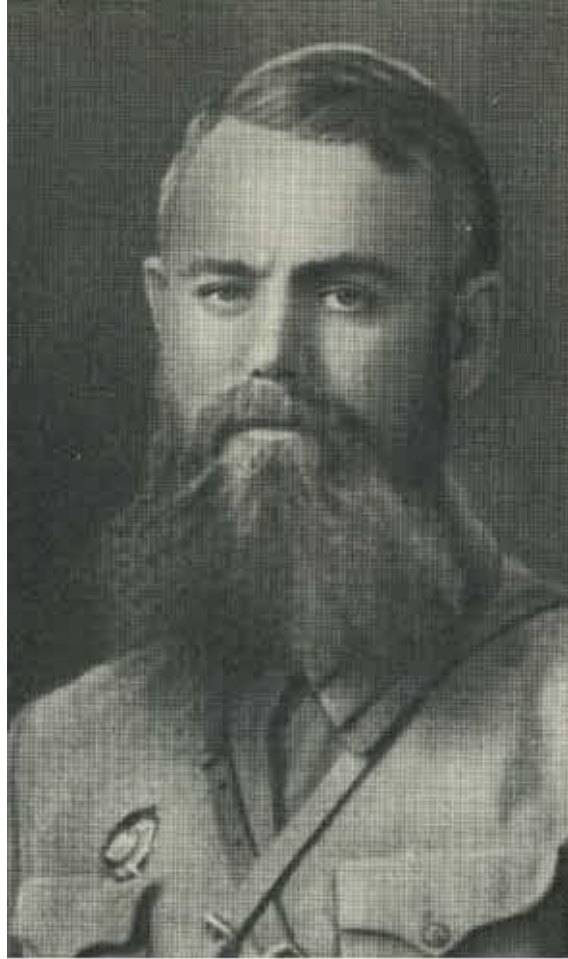
Группа ивановских социал-демократов во Владимирской тюрьме. 1908 г.

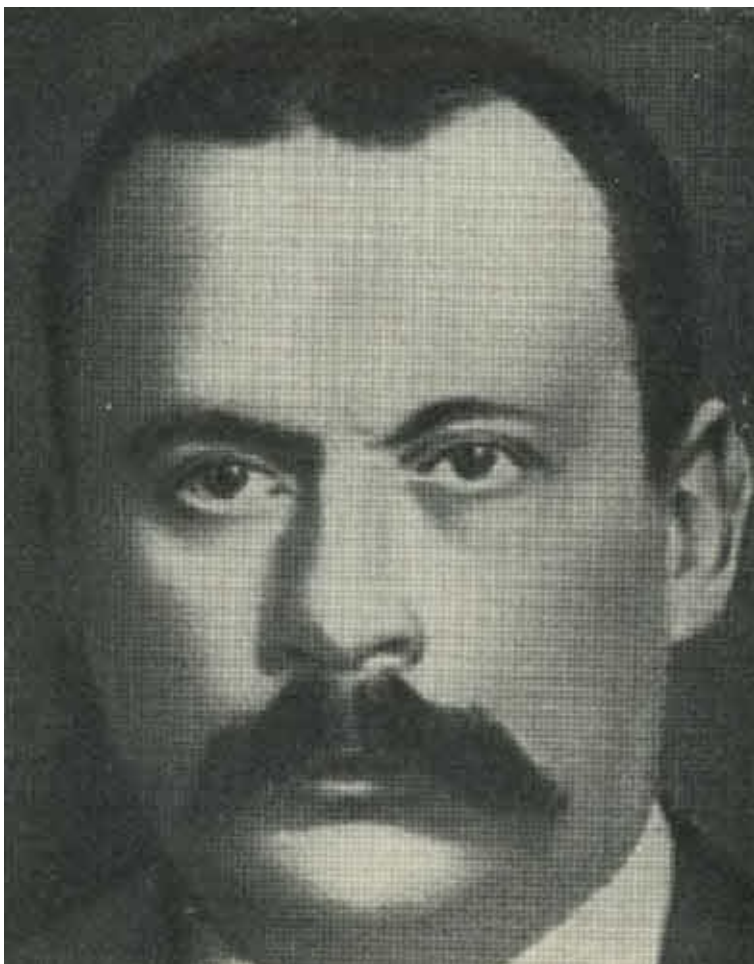
Л. М. Николаева-Белоконская.

П. П. Постышев в годы ссылки

И. Н. Дубовой.

Я. Д. Янсон, председатель Иркутского Совета рабочих депутатов в Октябрьские дни 1917 года.

Д. И. Бойко-Павлов.

И. П. Шевчук.

Штаб 1-й Амурской стрелковой дивизии. Слева направо: А. К. Флегонтов, А. А. Школин, Б. Н. Мельников, С. М. Серышев — командир дивизии, П. П. Постышев — комиссар дивизии, В. Кручина. 1920 г.

С. М. Серушев.

Постышев с сыном. Хабаровск, 1921 г.

Постышев среди родных. 1922 г.

В. К. Блюхер. Главком Народно-революционной армии Дальневосточной республики

Главком НРА В. К. Блюхер и члены Военного совета Восточного фронта ДВР П. П. Постышев, Б. Н. Мельников, С. М. Серышев за разработкой плана Волочаевской операции.

Государственный герб Дальневосточной республики.

Постышев среди партизан Приамурья

П. П. Постышев с женой Т. С. Постоловской и сыном Леонидом. Хабаровск, 1921 г.

Я. З. Покус.

Места боев за Волочаевку

Музей-памятник на сопке Июнь-Карань. Рисунок.

Н. Н. Петин, И. П. Уборевич, Н. А. Кубяк и П. А. Кобзев принимают парад войск 5-й Краснознаменной армии. Чита, 1922 г.

Постышев. Харьков. 1928 г.

Постышев среди группы бывших иркутских работников.

Постышев с женой Т. С. Постоловской. Киев. 1926 г.

Постышев с сыновьями на отдыхе. 1930 г.

Постышев. Харьков. 1933 г.

Постышев с семьей на даче Померки. 1933 г.

Постышев среди бывших дальневосточных партизан.

П. П. Постышев, В. Я. Чубарь и В. П. Затонский на IV съезде Советов СССР. 1927 г.

На XVII съезде партии. 1934 г.

Г. К. Орджоникидзе и П. П. Постышев на I Всесоюзном совещании стахановцев. Москва. 1935 г.

На совещании стахановцев.

Постышев с сыном Леонидом. 1936 г.

На киевских маневрах. 1935 г.

Постышев. Киев. 1935 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Книги и брошюры П. П. Постышева. («Гражданская война на востоке Сибири», «Пролетарий», 1928; «Задачи в борьбе с уклонами», «Пролетарий», 1929; «Ликвидация кулачества как класса», «Пролетарий», 1930; «О комсомоле», «Молодой большевик», 1933; «Движение народа победившей страны», Партиздат, 1936; «Задачи рабселькоровского движения», Лениблиздат, 1936; «Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине», Партиздат, 1934; «Из прошлого», «Молодая гвардия», 1958)

Воспоминания дальневосточных партизан в сборниках «Таежные походы» (М., 1935); И. Шевчук «Восьмой тунгусский» (М, Воениздат, 1958); «Революция на Дальнем Востоке» (М. — П., Гиз, 1923) и других.

Воспоминания участников первой русской революции и большевистского подполья: М. В. Фрунзе, О. А. Варенцовой, В. Калашникова, А. Бубнова, А. Ноздрина и других, опубликованные в 1925–1926 гг. на страницах газеты «Рабочий край», в журнале «Пролетарская революция» и в сборниках, выпущенных издательством «Основа»: «25 лет РКП (б)» и «20 лет первой русской революции» (Иваново, 1925–1926).

Воспоминания старых большевиков: Ф. Самойлова (Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении, Госиздат, 1922–1924), К. Гандурина (Эпизоды подполья, «Молодая гвардия», 1934), А. Багаева («Моя жизнь», Ивгиз, 1949), О. Варенцовой (Северный рабочий союз, Ивгиз, 1925).

К. В. Блюхер, Статьи и речи. Воениздат, 1963.

Я. Покус, Борьба за Приморье, часть 1-я, М.—Л., 1926.

«История гражданской войны в СССР», т. 3. М, 1961.

Очерки по истории ивановской организации КПСС. Ивоблиздат, 1963.

Рассказы о Постышеве его современников — харьковских, киевских рабочих, общественных деятелей, писателей, ученых: К. Дзюбенко, Н. Дубовой-Чередник, Л. Обушного, К. Ларина, И. Кириленко, И. Микитенко, И. Ле, Л. Лукова, А. Петрицкого, С. Фурера, А. Марченко, С. Блудова, А. Курганова и других.

Документы партийных и государственных архивов Харьковской, Киевской, Ивановской, Иркутской, Владимирской областей.

INFO

Марягин Георгий Александрович

ПОСТЫШЕВ

М., «Молодая гвардия», 1965.

304 с, с илл. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 14(409).)

ЗКП 1(092)

Редактор *Е Любушкина*

Художник *Ю. Арндт*

Худож редактор *А. Степанова*

Техн. редактор *И. Михайловская*

A02662 Подп. к печ. 29/V 1965 г.

Бум 84X108¹/₂. Печ. л. 9,5(15,96) + 15 вкл.

Уч-изд. л. 15. Тираж 115 000 экз.

Заказ 2532 Цена 64 коп. СПХЛ 1965 г., № 1006

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суццевская, 21

notes

Примечания

Даты в книге до октября 1917 года даются по старому стилю.